

ISSN 2308-877X

ученые записки

**Забайкальского
государственного
университета**

серия
Философия, культурология,
социология, социальная работа

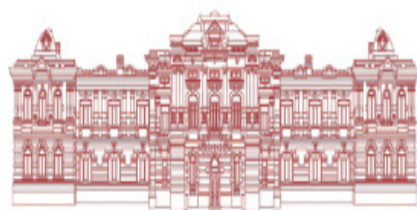
2014

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ЗабГУ

№ 4(57)

2014/4(57)

Ученые записки

Забайкальского государственного университета

С е р и я «Философия, культурология, социология,
социальная работа»

ISSN 2308-877X

№ 4 (57)
2014

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Забайкальского
государственного
университета

Серия
«Философия, культурология,
социология, социальная работа»

Научный журнал
Основан в 1957 г.
Выходит шесть раз в год

Учредитель
ФГБОУ ВПО
«Забайкальский государственный университет»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–54257 от 24.05.2013

Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней
доктора и кандидата наук

Авторы несут полную ответственность
за подбор и изложение фактов, содержащихся
в статьях; высказываемые взгляды
могут не отражать точку зрения редакции

Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией

Рукописи, присланные в журнал,
не возвращаются

Адрес редакции:
672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
факс: 8 (3022) 41-64-44
E-mail: gumvector@zabspu.ru

Сайт журнала в Интернете
<http://www.uchzap.com>

Подписной индекс журнала
в «Пресса России» **42408**

Электронная версия журнала
Размещена на платформе
Российской универсальной
научной электронной библиотеки:
www.elibrary.ru

© Забайкальский государственный
университет, 2014

SCHOLARLY NOTES

Of Transbaikal State University

Series

Philosophy, Cultural Studies, Sociology,
Social Work

UCHENYE ZAPISKI

Zabaikal'skogo

Gosudarstvennogo Universiteta

Seriya

Filosofiya, Kul'turologiya, Sotsiologiya,
Sotsial'naya Rabota

Scientific Journal
Founded in 1957 г.
Published six times per year

Founder
FSBEI HPE
"Zabaikalsky State University"

The journal is registered
by the Federal Supervision Service in the Field
of Communications, Information Technology
and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate
ПИ № ФС77–54257 от 24.05.2013

The journal
is in the List of the leading refereed
scientific journals
and editions which publish the main results
of dissertations for academic degrees
of doctors and candidates of sciences

The authors are fully responsible for the selection
and presentation of the facts contained in their
articles; the views expressed by them do not
necessarily reflect the views of the editorial board

Reproduction of any materials from the journal
is allowed only in coordination with the editorial board

The manuscripts submitted to the journal
are not returned

Address:
672007, Chita, 129 Babushkin St.
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44
E-mail: gumvector@zabspu.ru

Journal web site
<http://www.uchzap.com>

Subscription index
of the journal in "Press of Russia" **42408**

The electronic version of the journal
is placed on the platform
of the Russian Universal
Scientific Electronic Library: www.elibrary.ru

© Zabaikalsky State University, 2014

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Забайкальского
государственного
университета

Серия

«Философия, культурология,
социология, социальная работа»

SCHOLARLY NOTES

Of Transbaikal State University

Series

Philosophy, Cultural Studies, Sociology,
Social Work

UCHENYE ZAPISKI

Zabaikal'skogo

Gosudarstvennogo Universiteta

Seriya

Filosofiya, Kul'turologiya, Sotsiologiya,
Sotsial'naya Rabota

Редакционный совет

Борис Ванданович Базаров, д-р ист. наук, проф., член-корр. РАН, Институт монголоведа-ния, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия); **Андре Бурже**, д-р социал. наук, акад., Национальный центр научных исследо-ваний Франции (Париж, Франция); **Дэн Цзюнь**, проф., Институт русского языка Хэйлуцзянского университета (Хэйлуцзян, КНР); **Кейдзи Идэ**, за-меститель главы миссии, министр Посольства Японии в Российской Федерации (Япония); **Чжен Шупу**, д-р филол. наук, проф. (Харбин, КНР); **Ми-хаил Иванович Эпов**, д-р техн. наук, проф., акад. РАН, Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН (Новосибирск, Россия)

Редакционная коллегия

Выпускающий редактор:

М. Б. Лига, д-р социол. наук, проф. (Чита, Россия)

Члены редколлегии:

С. И. Григорьев, д-р социол. наук, проф., член-корреспондент РАО (Москва, Россия);

Л. Г. Гусяткова, д-р социол. наук, проф. (Горно-Алтайск, Россия);

М. И. Гомбоева, д-р культурологии (Чита, Россия);

Е. Ю. Захарова, д-р филос. наук, доцент (Чита, Россия);

Л. Т. Нуркатова, д-р социол. наук, проф., член-корр. Казахской академии наук (Астана, Казахстан);

Д. В. Сергеев, канд. культурологии, доцент (Чита, Россия)

Главный редактор

И. В. Ерофеева, д-р филол. наук, доцент

Ответственный секретарь

Е. В. Седина, канд. культурологии

Editors

Boris Vandanovich Bazarov, Doctor of History, Profes- sor, corresponding member of the RAS, The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB of the RAS (Ulan-Ude, Russia); **Andre Bourget**, Doctor of Sociol- ogy, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France); **Den Tszun**, professor, the In- stitute of the Russian language at Heilongjiang University (Heilongjiang, China); **Keidzy Ide**, Mission Deputy Head, Ministry of Embassy of Japan in the Russian Federation (Japan), **Zhen Chupu**, Doctor of Philology, Professor (Harbin, China); **Mikhail Ivanovich Epov**, Doctor of En- gineering Science, professor, Academician of the RAS, Institute of Petroleum-Gas Geology and Geophysics of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)

Editorial Board

Main Handling Editors:

M. B. Liga, Doctor of Sociology, Professor (Chita, Russia)

Editorial board members:

S. I. Grigoryev, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of RAS (Moscow, Russia);

L. G. Guslyakova, Doctor of Sociology, Professor (Gorno-Altaysk, Russia);

M. I. Gomboeva, Doctor of Culturology, Professor (Chita, Russia);

E. Yu. Zakharova, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);

L. T. Nurkatova, Doctor of Sociology, Professor, Corresponding Member of KAS (Aстана, Kazakhstan);

D. V. Sergeev, Candidate of Culturology, Associate Pro- fessor (Chita, Russia)

Editor-in-chief

I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Executive Secretary

E. V. Sedina, Candidate of Culturology

Журнал представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей по проблемам истории философии, современной философии и проблемам философии науки и образования. В журнале представлены культурологический анализ различных сфер человеческой деятельности, исследования по проблемам материальной и духовной культуры, теоретический аспект изучения культур, история культуры.

На страницах журнала освещаются вопросы по теории и истории социологии, обсуждаются результаты социологических исследований и экспериментов в сфере экономической, социальной, политической и духовной жизни общества как в России, так и за рубежом, демографические аспекты, осмы- сляются актуальные вопросы социальной работы.

Материалы журнала будут интересны широкой науч- ной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

The journal is a collection of original and review sci- entific papers on the history of philosophy, contemporary philosophical problems and the problems of science and education.

The journal presents cultural analysis of the various spheres of human activity, research on material and spir- itual culture, theoretical aspect of culture studies, history of culture.

The journal covers issues on the theory and history of sociology, discusses the results of sociological research and experimentation in the field of economic, social, po- litical and spiritual life of society in Russia and abroad; demographic aspects, the topical issues of social work are conceptualized.

Materials will be interesting to the wide scientific com- munity, university professors, postgraduate students, stu- dents, workers in culture and education.

Ученые записки ЗабГУ

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Базарова Т. С. Динамика социального самочувствия студентов в условиях изменяющегося общества	6
Бадонов А. М. Насилие в семье как фактор повышения уровня разводов современных семей	10
Бояк Т. Н. Образование в ценностях современной российской молодежи	14
Карманова О. А., Куницина Л. П. Проблема трудоустройства выпускников высших учебных заведений (на примере ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет»)	21
Касьянова Е. И., Виноградова Н. И. Теоретический анализ коммуникативной толерантности	28
Костенко М. А. Семейно ориентированная социальная поддержка: институционализация инновационных практик в российской системе защиты детства	35
Лига М. Б., Щеткина И. А., Томских М. С. Обеспечение социальной безопасности через достижение достойного качества жизни	42
Максимова С. Г. Функционирование некоммерческих организаций как ресурс обеспечения социальной безопасности в регионах России	50
Мошков А. В. Основные виды природопользования в Дальневосточной части Амурского региона России	59
Начкин А. И., Зарубин В. Г. Региональная структура педагогической подготовки по программам бакалавриата в вузах России	72
Хасаншина М. В. Социология в регионе: проблема востребованности	78

ФИЛОСОФИЯ

Гомбоева М. И., Замошникова Н. Н., Сундужева Д. Б. Типы культурной идентичности малых этнических групп в условиях ассимиляции.	85
Новиков А. Н. Концепция фрактальной географической трихотомии: вопросы классификации направлений и объектов научных исследований	95
Трубицын Д. В. Исследование ресурсного проклятия в экономике, возможности использования их результатов в концепции модернизации	102
Янгутов Л. Е. Религиозные аспекты конфуцианства в социокультурном и политическом контексте традиционного китайского общества.	114

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Арзуманов И. А. Религиозно-культурные и философско-правовые аспекты формирования гражданского единения россиян	123
Жуков А. В., Жукова А. А. Проекция и рецепция образов Китая в обыденном сознании российского населения Байкальского региона с XVII по XX вв.	130
Камедина Л. В. Забайкальский текст в русской культуре	139
Маньдула Хухэ. Традиционные спортивные игры в культуре народов Центральной Азии и их роль в сохранении традиционного наследия	146
Манзарханова Л. В. Культурная специфика детского фольклора бурят	151
Санжеева Л. В. Синергетическая модель культуры.	156
Сергеев Д. В. Текст как открытая структура	161
Соловьева Н. А. К вопросу о взаимодействии национальных меньшинств и ханьского этноса в этнокультурном пространстве Западного региона КНР	168

Scholarly Notes ZabSU

CONTENTS

SOCIOLOGY

Bazarova T. S. Dynamics of Student Social Well-Being in the Changing Social Environment	6
Badonov A. M. Violence in the Family as a Factor of Divorce Level Rising of the Contemporary Families	10
Boyak T. N. Education in the Values of Modern Russian Youth	14
Karmanova O. A., Kunitsina L. P. The Employment Problem of Higher Educational Institutions Graduates (on the Example of FSBEI HPE «Transbaikalskaya State University»)	21
Kasyanova E. I., Vinogradova N. I. Theoretical Analysis of Communicative Tolerance	29
Kostenko M. A. FamilyBased Social Support: the Institutionalization of Innovative Practices in the Russian System of Child Protection	35
Liga M. B., Shchetkina I. A., Tomskikh M. S. Social Security Providing through the Achievement of good quality of life.	42
Maksimova S. G. Functioning of Non-Profit Organizations as a Recourse to Provide Social Securityin the Regions of Russia	50
Moshkov A. V. The Main Types of the Natural Resources Usage in the Far Eastern Part of the Amur Region of Russia	59
Nachkin A. I., Zarubin V. G. Regional Structure of Pedagogical Training on the Bachelor Programs at Russian Universities	72
Khasanshina M. V. Sociology in Region: the Problem of Demand	78

PHILOSOPHY

Gomboeva M. I., Zamoshnikova N. N., Sunduyeva D. B. Cultural Identity Types of Small Ethnic Groups in Terms of Assimilation	86
Novikov A. N. The Conception of Fractal Geographical Trichotomy: Classification Issues of Research Directions and Subjects	95
Trubitsyn D. V. Resource curse studies in economics and the potential of heir results using in modernization conception	102
Yangutov L. E. Religious aspects of Confucianismin sociopolitical context of traditional Chinese society	114

CULTURAL STUDIES

Arzumanov I. A. Religious-cultural and philosophical-legal aspects of the Russian citizens' civil unity formation	123
Zhukov A. V., Zhukova A. A. Projections and Receptions of Chinese Images on Everyday Consciousness of the Russian Population in the Baikal Region from XVII till XX Centuries	130
Kamedina L. V. Transbaikalian Text in the Russian Culture	139
Mandula Hukhe Traditional Sports Games in the Central Asia Peoples' Culture and their Role in the Traditional Heritage Preservation	146
Manzarkhanova L. V. Cultural Specifics of Children's Buryat Folklore	151
Sanzheeva L. V. Synergetic Model of Culture	156
Sergeev D. V. Text as an Open Structure	161
Solovyeva N. A. To the Issue of Interaction of Minority and Khan Ethnic in the Ethno-Cultural Space of the Western Region of China	168

СОЦИОЛОГИЯ SOCIOLOGY

УДК 378:316.6
ББК Ч48:С542.15

*Татьяна Содномовна Базарова,
доктор педагогических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а)
e-mail: tbazarova@mail.ru*

Динамика социального самочувствия студентов в условиях изменяющегося общества

В статье рассматриваются понятия «социальное самочувствие», «ценностные ориентации», «студенческая молодёжь», «профессионализация», отражающие отношение современной молодежи к социально-политическим, экономическим, культурно-досуговым условиям своей жизнедеятельности и обществу в целом. Приводятся материалы сравнительного анализа данных мониторинга социального самочувствия студентов социально-психологического, юридического и исторического факультетов Бурятского государственного университета, осуществляемого автором с 2005 года по настоящее время. Исходя из мнений респондентов, выявляются приоритетные проблемы молодежи: материальное положение, жилищные условия, трудоустройство и востребованность на региональном рынке труда, а также характеризуются основные причины неудовлетворительного социально-экономического состояния молодых людей. Особое внимание уделяется анализу отношения студенческой молодежи к своей будущей профессии, намерений выпускников Бурятского государственного университета работать после окончания вуза по полученной специальности. В связи с этим оцениваются мнения студентов о качестве профессиональной подготовки в Бурятском государственном университете. Рассматриваются профессионально-ценностные ориентации и жизненные планы студентов, их отношение к современной социальной реальности. Анализируются формы досуга современной молодежи. Выявляются факторы, которые, по мнению респондентов, способствуют достижению жизненного успеха: трудолюбие, предприимчивость и находчивость, природная одарённость и способности. Таким образом, подчеркивается, что современные выпускники в планировании своей жизнедеятельности рассчитывают, прежде всего, на себя и свои силы. В целом отмечается позитивная динамика социального самочувствия современного студенчества, что подтверждается результатами других социологических исследований по данной проблеме.

Ключевые слова: социальное самочувствие, студенчество, молодёжь, профессиональная социализация, ценностные ориентации, социальная работа.

*Tatiana Sodnomovna Bazarova,
Doctor of Pedagogy, Associate Professor,
Buryat State University
(24 a Smolin St., Ulan-Ude, Russia, 670000)
e-mail: tbazarova@mail.ru*

Dynamics of Student Social Well-Being in the Changing Social Environment

The article discusses the concepts of “social well-being”, “value system”, “young students”, “professional development” that reflect the attitude of today’s youth to socio-political, economic, cultural environment and to the society in general.

The article provides a comparative analysis of the data resulting from the monitoring of social well-being in the students of Law Faculty, Faculty of Social Work and Psychology, Faculty of History of Buryat State University. The monitoring has been carried out since 2005. According to the

respondents' opinions, the priority youth issues have been identified, among them financial status, housing facilities, employment and demand on the labor market. The main causes of insufficient socio-economic status of young people have been characterized. Special attention is paid to the analysis of the students' relationship to their future profession, and the intentions of Buryat State University graduates to work within their specialty after graduation. In this regard, student opinion on the quality of training at Buryat State University is assessed. Professional value system and life plans of students, their relevance to contemporary social reality are considered. Modern youth's leisure forms are analyzed. The factors which contribute to achieving success in life according to respondents' opinions such as hard work, initiative and smart character, natural aptitude and abilities are revealed.

Thus, it has been emphasized that modern graduates plan their life relying on themselves and their abilities. In general, there is a positive social dynamics of well-being in modern students, and this fact was demonstrated by other sociological studies either.

Keywords: social well-being, student community, youth, professional socialization, value orientation, social work.

Одной из комплексных характеристик условий жизнедеятельности населения является социальное самочувствие. Понятие «социальное самочувствие» в научной литературе трактуется как «объективно-субъективная характеристика, которая отражает уровень удовлетворения социальных потребностей, а также собственного положения в сравнении с другими индивидами и социальными группами» [2, с. 78–86]. Социальное самочувствие является не только обобщенным индикатором осознания человеком собственного благополучия, но и соответствия внутреннего «Я» требованиям общества.

В этом плане необходимо обратиться к понятию «ценностные ориентации», под которыми принято подразумевать совокупность интересов, мотивов, притязаний личности, обуславливающих её поведение в обществе. Именно уровень сформированности и сущность ценностных ориентаций молодёжи определяет её социальное самочувствие в конкретных условиях развития общества. У студенческой молодёжи в связи со спецификой её жизнедеятельности данный феномен обусловлен активным периодом её профессионального самоопределения, когда доминируют интересы и потребности, связанные с поиском своего места в обществе с учётом получаемой профессии. Поэтому актуальными для студенчества выступают такие проблемы как уровень оплаты труда, жилищные условия, трудоустройство и др. Отношение молодёжи к этим проблемам, оценка социально-экономических условий жизнедеятельности характеризует не только социальное самочувствие данной социальной группы, но и общества в целом.

В 2011 и 2013 гг. в Бурятском государственном университете было проведено социологическое исследование с целью анализа социального самочувствия студентов данного вуза. В ходе исследования были опрошены студенты выпускных курсов трех факультетов – юридического, исторического и социально-психологического.

Исследование проводилось методом анкетирования. Объём выборки составил 90 человек, что составило 45 % от количества студентов пятого курса данных факультетов.

Анализ социального самочувствия выпускников 2011 и 2013 гг. Бурятского государственного университета показал, что приоритетными проблемами являются материальное положение (47 % респондентов), проблемы с работой (40 % респондентов), а также неудовлетворённость жилищными условиями (38 % респондентов). Были выявлены основные причины ухудшения материального положения респондентов: во-первых, это отсутствие возможности найти работу по специальности; во-вторых, финансовый кризис; в-третьих, потеря родителями работы. В сравнении с показателями исследования 2011 г. увеличилось количество респондентов не удовлетворённых качеством своих жилищных условий.

Большинство опрошенных проживают с родителями (родственниками) и в общежитии. В сравнении с показателями исследования 2011 г. увеличилось количество респондентов, живущих в общежитии (на 5 %), на съёмной квартире (на 5 %) и в собственной квартире (на 4 %). Уменьшилось число респондентов, проживающих с родителями (на 16 %).

Так как «не за горами» окончание вуза, то в улучшении своего материального положения большинство респондентов рассчитывают на собственные настойчивость, желание и трудоспособность, которые помогают выработать правильное отношение к неудачам, обрести уверенность в себе и позволяют не бояться совершать ошибки. Не менее важным в улучшении своего материального положения респонденты считают наличие образования, которое способствует повышению их социального статуса. Значительная часть респондентов указала, что они являются студентами престижного вуза.

Вузовская среда является одним из важнейших факторов, обуславливающих эффективность профессионального становления будущих специалистов. Данный процесс, направленный, прежде всего, на формирование профессиональных ценностных ориентаций студентов, содействует росту их профессионального самосознания.

Многолетние исследования, проводимые в Бурятском государственном университете (отделение «Социальная работа»), позволяют констатировать, что приоритетным показателем в динамике 2005, 2008, 2013 гг. выступает уровень оплаты труда (42,0 %, 66,6 %, 78,9 % соответственно). Необходимо отметить, что такой показатель как результат труда не заслуживает большого внимания респондентов (18,9 %, 24 % и 36,3 % соответственно), хотя и возрастает. Полученные ответы подтверждают устоявшееся в обществе мнение о слабой взаимосвязи между данными показателями.

Таким образом, первостепенное значение респонденты отдают уровню оплаты труда. Это свидетельствует о перемещении труда в область инструментальных ценностей, как средств, обеспечивающих личностное благополучие индивида, а высокооплачиваемая работа превращается в одну из социально-экономических ценностей.

Учёные отмечают, что ценностные ориентации молодёжи в последние 30–40 лет претерпели заметные изменения, особенно это касается значимости труда. В советское время, в 1970-х гг., ценность интересной работы у молодёжи была на первом месте, теперь она на четвёртом месте (по России) и согласно результатам нашего исследования также занимает по ранжированию ответов четвёртое место. Это обусловлено

в частности тем, что в ходе реформ была упразднена идеология особой общественной значимости труда, трудового воспитания. В СМИ исчез образ честного труженика, передовика производства, вообще трудящегося человека [1, с. 37–38].

Поскольку профессия социального работника не относится к числу высокооплачиваемых, примечательными были мнения студентов о работе по специальности после получения диплома: собирались работать по профессии 29,1 % респондентов пятого курса 2005 г., в 2008 – 40 % выпускников, в 2013 – 64,2 %. Большинство респондентов – 64,46 % считают «специальность перспективной с отличным уровнем подготовки».

Данное положение подкрепляют и мнения студентов на вопрос: «С каким чувством Вы смотрите в будущее, учитывая получаемую специальность?», большинство (61,5 %) выбрали вариант ответа «с надеждой и оптимизмом», «спокойно, но без особых надежд» – 28,5 %. Как видим, рост количества выпускников, связывающих свое будущее с избранной профессией, свидетельствует об их намерениях добиться желаемого, используя полученное образование.

Для оценки социального самочувствия студентов также важным является определение их отношения к реалиям современного общества. Положительное отношение показали 73,3 % выпускников 2013 г. (2008 г. – 68,9 %), негативную – 25,1 % (2008 г. – 31,06 %). Очевидно, что жизненная реальность видится в позитивном плане большинству респондентов.

Важным становится выявление представлений студентов о факторах, определяющих, по их мнению, жизненный успех. Респонденты считают:

- «Необходимо следовать советам родителей, так как они зла не пожелают» (61,28 %);
- «Надо верить в порядочность людей» (60,42 %) и «хороших людей больше, чем плохих» (54,89 %).

Среди факторов жизненного успеха:

- на первом месте – трудолюбие (37,45 %);
- на втором – предприимчивость и находчивость (26,81 %);
- на третьем – природная одарённость и способности (24,25 %);
- менее существенной оказалась материальная поддержка родственников (11,06 %).

Таким образом, современные выпускники считают, что для достижения успеха в жизни, они рассчитывают, прежде всего, на себя.

Для оценки социального самочувствия современного студенчества немаловажное значение имеет выяснение роли семьи.

В 2005 г. за «создание крепкого семейного очага» высказались 17 %, что определило четвёртое место в структуре ценностных ориентаций студенчества. В 2008 г. данной ценности было отведено седьмое место, в 2013 – восьмое место! Это свидетельствует о том, что семья теряет свою ценность, что соответствует общемировой тенденции. В современных условиях создание семьи требует больших материальных затрат, а рождение ребёнка вообще относится к числу «дорогих удовольствий». Всё это способствует тому, что семья уходит на второй план в борьбе за финансовое благополучие и профессиональную самореализацию.

Одним из направлений исследования социального самочувствия студентов являлось установление основных форм проведения молодёжного досуга.

Судя по полученным данным 2013 г., наиболее массовыми вариантами времяпрепровождения молодёжи являются: общение с друзьями – 62 % респондентов; чтение книг – 43 % респондентов; занятия спортом – 32 %; просмотр телевизора – 28 % респондентов. Для основной массы опрошенных досуг выполняет коммуникативную, познавательную функции. Посещение театров, отдых на природе и занятия творческой деятельностью оказались не очень популярными среди молодёжи. В сравнении вышеперечисленных показа-

телей с данными, полученными в 2011 г., мы можем сказать, что уменьшилось число респондентов, которые встречаются с друзьями в свободное время (на 17 %). Также уменьшилось число респондентов, посвящающих своё свободное время просмотру телевизора (на 6 %) и занятиям спортом (на 13 %). Увеличилось число респондентов, проводящих время за чтением книг (на 8 %). Если в исследовании 2011 г. не нашлось респондентов, которые в свободное время посещают театры и отдыхают на природе, то в исследовании 2013 г. этот процент составил 11 и 13 соответственно.

Таким образом, в результате сравнительного анализа исследований 2005–2013 гг. можно выделить следующее:

– приоритетной проблемой, по-прежнему, остаётся материальное положение. Актуальными также являются проблемы с работой и недовольство жилищными условиями;

– Наблюдается рост числа респондентов полностью удовлетворённых отношениями с преподавателями, отношениями с одногруппниками, оснащённостью библиотек вуза и города, профессионализмом преподавателей.

– несмотря на существующие проблемы, большинство респондентов рассчитывают на собственные силы в их решении;

– в целом, социальное самочувствие студенческой молодёжи имеет позитивную динамику.

В условиях трансформации современного общества социальное самочувствие молодёжи является одним из важнейших факторов прогрессивного общественного развития, что обуславливает актуальность содействия социализации молодых людей.

Список литературы

1. Семёнов В. С. Ценностные ориентации современной молодёжи // Социс. 2007. № 4. С. 37–43.
2. Стризое А. Л. Социальное самочувствие: между реформистским проектом и здравым смыслом // Социальное самочувствие населения в современной России. Ростов н/Д, 2010. С. 69–85.

References

1. Semjonov V. S. Cennostnye orientacii sovremennoj molodjzhi // Socis. 2007. № 4. S. 37–43.
2. Strizoe A. L. Social'noe samochuvstvie: mezhdru reformistskim proektom i zdravym smyslom // Social'noe samochuvstvie naselenija v sovremennoj Rossii. Rostov n/D, 2010. S. 69–85.

Статья поступила в редакцию 30.04.2014

УДК 316.356.2
ББК С. 561.51

Алексей Маланович Бадонов,
кандидат социологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а)
e-mail: badonov@mail.ru

Насилие в семье как фактор повышения уровня разводов современных семей

В статье говорится о насилии в семье как факторе повышения уровня разводов современных семей. Развод как явление характерен для многих стран, в том числе и для России. В настоящее время в России число разводов велико. Это связано с разными причинами. Ухудшение материального положения семей, неготовность молодых людей к семейной жизни, а также алкоголизм и наркомания и ряд других причин приводят к снижению уровня удовлетворённости семейной жизнью, следовательно, к росту конфликтных ситуаций в семье, увеличению числа разводов. Кроме этого, в современной российской семье всё более актуальной становится проблема конфликтов и насилия.

В статье приводятся данные проведённых автором социологических исследований. Исследования проводились в Республике Бурятия в 2011–2013 гг. По результатам исследований можно сделать вывод, что насилие в семье имеет латентный характер. Насилие в семье имеет значительные последствия для пострадавших членов семьи. Анализ причин разводов современных семей показывает высокую долю в них насилия в семье. Акты семейного насилия приводят к переоценке семейных отношений и в конечном итоге – к разводу. Развод в условиях семейного насилия является одним из эффективных путей решения данной проблемы. Таким образом, насилие в семье приводит к определённому увеличению количества разводов современных семей.

Ключевые слова: семья, развод, причины развода, конфликт, насилие в семье.

Alexey Malanovich Badonov,
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Buryat State University
(24 a Smolin St., Ulan-Ude, Russia, 670000)
e-mail: tbazarova@mail.ru

Violence in the Family as a Factor of Divorce Level Rising of the Contemporary Families

In the article it is discussed the violence in the family as the factor of raising the level of the divorces of contemporary families. Divorce as phenomenon is a characteristic for many countries, including Russia. At present in Russia the number of divorces is great. This is connected with the different reasons. Worsening in the material position of families, the lack of preparation of young people to the family life, and also alcoholism both an addiction and a number of other reasons lead to a decrease of the level of satisfactoriness with family life, and to increasing the conflict situations in the family, number of divorces. Moreover in the contemporary Russian family, the problem of conflicts and violence becomes more evident.

In the article the data of the sociological investigations conducted by the author are cited. Studies were conducted in the Republic of Buryatia in 2011–2013 yr. According to the results of studies it is possible to draw the conclusion that the violence in the family has latent nature. Violence in the family has significant consequences for the victims of the members of family. The analysis of divorces causes of contemporary families shows the high portion in them of violence in the family. The reports of family violence lead to the overestimation of family relations and in the final analysis to the divorce. Divorce under the conditions of family violence is one of the effective means of the solution of this problem. Thus, violence in the family leads to the specific increase in the quantity of divorces of contemporary families.

Keywords: family, divorce, the reason for divorce, conflict, violence in the family.

В современном обществе развод не является чем-то особенным. Соотношение количества разводов к количеству браков в разных странах различно. Так, только в нашей стране по статистике на два брака

приходится один развод. Количество разведённых семей с каждым годом неуклонно растёт. Для России в целом характерна проблема разводов. Как показывает статистика Управления ЗАГС Республики Бурятия, про-

должительность приблизительно 15 % семейных союзов составляет около года, наибольшее же количество разводов происходит в первые 5–9 лет совместной жизни (28 %). То есть на первые четыре года совместной жизни приходится 37 % разводов, а за девять лет происходит 66 % разводов.

Некоторые социологи считают, что тенденция к возрастанию числа разводов не обусловлена неустойчивостью браков, а скорее связана с возможностью легко получить развод. Они отмечают, что число разведенных пар увеличилось больше, чем количество супругов, живущих отдельно. Таким образом, развод, по-видимому, стал распространённым способом улаживания серьезных конфликтов между супругами [5].

В результате увеличения разводов возрастает и количество неполных семей. В этих семьях формируется своя система отношений между родителем, в основном матерью, и ребёнком, вырабатываются образцы поведения, представляющие собой альтернативу определенным нормам и ценностям, на которых основывается институт брака.

Как мы знаем, развод – это правовая форма прекращения брака при жизни супругов. Развод является актом, прекращающим на будущее время правоотношения между супругами, возникшие из юридически оформленного брака. Фактическое прекращение брака не считается его юридическим расторжением. Развод должен быть произведен и оформлен в установленном законом порядке.

Основанием для расторжения брака более чем в 80 % случаев является решение суда о расторжении брака, по взаимному согласию разводятся свыше 16 % и по заявлению одного из супругов около 1 % супружеских пар. Установление причин развода органом ЗАГС действующим законодательством не предусмотрено.

Причины разводов могут быть самые разные: от «не сошлись характерами» до супружеской неверности. И в этом спектре причин немаловажное место занимает и насилие в семье.

Насилие в семье является сложным социальным явлением, имеющим негативную окраску. Внутрисемейное насилие определяется как поведение, осуществляемое с намерением причинить боль или вред члену семьи или совместно проживающему лицу, имеющее характерную особенность – регулярный характер, иногда непрерывный,

на протяжении длительных периодов времени. Домашнее насилие всегда осуществляется с умыслом, для получения определённого эффекта. Стремясь оправдать совершённые действия, домашние обидчики декларируют свои положительные намерения, но настоящие их намерения совсем другие – власть и контроль над членами своей семьи [4].

Насилие в семье имеет свои виды и формы, наиболее распространённые из них: физическое (избиение, применение оружия, нанесение ударов кулаком, ногой, посторонними предметами, удушение); психологическое (унижение чувства собственного достоинства, словесные оскорбления, запугивание, доведение до суицида); сексуальное (принуждение к сексуальным отношениям посредством силы, изнасилование, инцест, действия сексуального характера).

Насилие в семье имеет значительные последствия для пострадавших членов семьи. Оно может вызывать различные нарушения, такие как нарушения в познавательной сфере, а также расстройства аппетита, сна; злоупотребление наркотиками, алкоголизм и другие.

Кафедрой теории социальной работы Бурятского госуниверситета совместно с Республиканским агентством по делам семьи и детей в апреле – июне 2013 г. было проведено социологическое исследование. В качестве основного метода исследования выбрано анкетирование, посредством которого было опрошено 700 респондентов по квотной многоступенчатой выборке. Исследованием было охвачено население г. Улан-Удэ в количестве 360 чел. и сельских районов Республики Бурятия – 340 чел.: Иволгинского, Кяхтинского, Муйского, Окинского и Прибайкальского районов. Респонденты распределились по полу следующим образом: мужчин – 47,7 %, женщин – 52,3 %. Национальный состав: 68 % – русские, 32 % – буряты. Из всех опрошенных горожан 27,1 % не состояли в браке, 8,8 % – были в разводе, 6,6 % – вдовцы/вдовы, а 57,4 % – в состоянии брака [3].

При ответе на вопрос: «Какие стороны семейной жизни Вы считаете наиболее важными?» респонденты могли выбрать не более трех вариантов. Большинство респондентов (73,9 %) выбрало вариант «взаимопонимание и доброжелательность супругов», 46,3 % отметили вариант «наличие детей», 38,3 % – «материальное благополу-

чие». Судя по ответам респондентов можно сказать, что психологический комфорт в семье является одной из приоритетных сторон семейной жизни. Счастливая семейная жизнь предполагает наличие взаимопонимания и доброжелательности супругов. Наличие детей также является важной стороной семейной жизни, поскольку ради рождения детей в большинстве своём и создаются семьи, в этом и проявляется репродуктивная функция семьи. Материальное благополучие тоже имеет своих сторонников среди респондентов, потому что для развития семьи как ячейки общества необходим крепкий базис в виде материального достатка. Семья должна иметь возможность удовлетворять большинство своих потребностей.

При ответе на вопрос: «Что для Вас создает ощущение счастливой жизни?» респонденты могли выбрать не более четырёх вариантов. Среди лидирующей четвёрки ответов были: на первом месте (63,1 %) «здоровые и счастливые дети», на втором (63,0 %) – «хорошая семья», на третьем (44,0 %) – «здоровье», на четвертом (41,3 %) – «любовь родных и близких». «Материальное благополучие» оказалось на пятом месте (39,1 %).

Отвечая на вопрос: «Если Вы в настоящее время состоите в браке, оцените, пожалуйста, супружеские отношения в Вашей семье», респонденты разделились на три группы: первая (31,3 %) выбрала вариант «порой случаются ссоры, но мы стараемся найти выход из конфликтной ситуации», вторая (27,9 %) – «все благополучно, супружеским отношениям ничего не угрожает», а третья (2,0 %) – «отношения конфликтные, я всерьёз опасуюсь развода». Остальные не дали ответа по причине отсутствия брака. В большинстве семей периодически случаются ссоры, конфликты. Бесконфликтное существование практически невозможно в семейной жизни, поскольку по различным вопросам возникают противоречия. Этот факт подтверждают и ответы респондентов на следующий вопрос.

На вопрос: «Как часто случаются (случались) ссоры в Вашей семье?» респонденты ответили следующим образом: 51,9 % респондентов ответило «изредка», 18,1 % респондентов затруднились ответить, 16,7 % ответили «несколько раз в месяц», 7,0 % – «несколько раз в неделю», 5,1 % – «никогда».

В современной российской семье всё более актуальной становится проблема

конфликтов и насилия. Конфликт в семье представляет собой специфическую модель поведения субъектов с особым распределением ролей, последовательностью событий, способами выражения взглядов, ценностных ориентаций, формами отстаивания интересов и целей [2].

Основными причинами конфликтов в семье, по мнению респондентов, являются «отсутствие взаимопонимания, поддержки, сочувствия» (23,7 %), «злоупотребление спиртными напитками» (22,6 %), «воспитание детей» (20,4%). При этом необходимо отметить, что 24 % респондентов затруднились ответить.

Отвечая на вопрос: «Если Вы были в разводе, какие причины привели к этому? Если нет, то ответьте, какие причины, на Ваш взгляд, могут привести к разводам?», респонденты могли выбрать не более трёх вариантов ответов. Главными причинами развода респонденты назвали «отклоняющееся поведение» (алкоголизм, наркомания и др.) (52,9 %), «супружеская неверность» (46,0 %), «насилие в семье» (43,7 %). Данный факт свидетельствует о том, что насилие в семье является одной из основных причин развода. Агрессивное поведение одного из супругов по отношению к другому супругу и другим членам семьи приводит к тому, что семья фактически распадается. Члены семьи, где присутствует насилие, постоянно испытывают стресс, психологический дискомфорт, а также боязнь повторения актов насилия. Всё это влияет на поиск решения данной проблемы и приводит, в итоге, к разводу.

В настоящее время насилие в семье проявляется очень латентно, скрыто от общества. Пострадавшие стараются не распространяться о фактах насилия в силу различных причин: запугивание со стороны обидчиков, нежелание «выносить сор из избы», традиционное воспитание и др. Только единичные случаи предаются огласке и общественному порицанию. Найдётся немного людей, кто может открыто говорить, что в его семье присутствует это явление. Насилие в семье тщательно скрывается членами семьи. В обществе до сих пор действует запрет на информацию о насилии в семье. Даже при анонимных социологических опросах не всякий респондент согласится раскрыть информацию о том, что он или другие члены семьи подвергались и подвергаются насилию со стороны близких людей.

Проблема заключается также в том, что респонденты не всегда чётко определяют границы насильственных действий по отношению к членам семьи. В основном используется понятие физического насилия, однако следует учитывать, что существуют и другие виды насилия в семье [1, с. 198].

Члены семьи становятся жертвами агрессивных действий значительно чаще, чем посторонние люди. Это относится как к мелким эксцессам, связанным с незначительным причинением вреда здоровью, так и к более серьезным преступлениям, включая убийства. Направленность значительной доли агрессии, имеющейся в обществе против близких, отмечается практически во всех странах, что даёт основание говорить об универсальности этого явления.

Одна из важнейших особенностей семейного насилия состоит в том, что оно представляет собой повторяющиеся во времени инциденты множественных видов насилия (физического, сексуального, психологического и экономического).

Последствия семейного насилия носят долгосрочный характер. Члены семьи страдают от различных неврозов и депрессии. Кроме этого, есть большая вероятность того, что члены семьи могут получить травмы или другой вред здоровью. Дети, ставшие свидетелями или жертвами семейного насилия, получают определённый опыт применения насилия. Во многих

семьях жестокое обращение передаётся из поколения в поколение. Одна из ведущих детерминант этого – воспроизведение родительских ролевых моделей, с которыми ребёнок сталкивался в детстве. Дети, которые подверглись жестокому обращению, превращаются в насильников, и происходит процесс воспроизводства жестокости.

Люди, бывшие в детстве свидетелями физического насилия между родителями и подвергающиеся телесным наказаниям, во взрослом возрасте сами становятся склонными к использованию физической силы в отношениях с супругами и агрессии в отношении собственных детей. Кроме того, насильственные отношения между супругами в семье повышают вероятность использования этими родителями физического насилия по отношению к собственным детям. По некоторым данным, приблизительно 30 % тех, кто был свидетелем агрессии между родителями и жертвой физических наказаний, во взрослом возрасте совершают насилие.

Таким образом, в случаях домашнего насилия развод является одним из эффективных путей решения данной проблемы, хотя в целом, как явление, развод, конечно же несёт негативную окраску. Развод, изменяет к лучшему условия тех членов семьи, которые были подвержены домашнему насилию. Насилие в семье приводит к определённому увеличению количества разводов современных семей.

Список литературы

1. Бадонов А. М. Проблемы выявления жестокого обращения в условиях семьи // Вестник Бурятского ун-та. Сер. Психология. Социальная работа. 2012. Вып. 5. С. 196–200.
2. Вдовина М. В. Межпоколенческий конфликт в семье: социологический аспект. М.: Московский гуманитар. ун-т, 2008. 160 с.
3. Лагойда Н. Г., Бадараев Д. Д. Отношение горожан к современным проблемам разводов // Социальная защита семьи в условиях модернизации современного общества: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2013. 256 с.
4. Родина И. В. Социальная проблематизация насилия в семье в современной России: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2007. 40 с.
5. Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.

References

1. Badonov A. M. Problemy vyjavlenija zhestokogo obrashhenija v uslovijah sem'i // Vestnik Burjatskogo un-ta. Ser. Psihologija. Social'naja rabota. 2012. Vyp. 5. S. 196–200.
2. Vdovina M. V. Mezhpokolencheskii konflikt v sem'e: sotsiologičeskii aspekt. M.: Moskovskii gumanitar. un-t, 2008. 160 s.
3. Lagojda N. G., Badaraev D. D. Otnoshenie gorozhan k sovremennym problemam razvodov // Social'naja zashhita sem'i v uslovijah modernizacii sovremennogo obshhestva: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 90-letiju Respubliki Burjatija. Ulan-Udje, 2013. 256 s.
4. Rodina I. V. Social'naja problematizacija nasilija v sem'e v sovremennoj Rossii: avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk. M., 2007. 40 s.
5. Smelzer N. Sociologija /per. s angl. M.: Feniks, 1994. 688 s.

Статья поступила в редакцию 30.04.2014

УДК 316.3
ББК 60.542

Татьяна Николаевна Бояк,
доктор социологических наук, доцент,
Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусства
(670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1)
e-mail: boyakvsgaki@mail.ru

Образование в ценностях современной российской молодёжи

В научной статье на основе анализа научных публикаций, статистических данных, а также исследований, проведённых автором, освещаются вопросы, связанные с ролью образования в современных социальных условиях. Отмечается рост потребности современной российской молодёжи в самореализации через трудовую, профессиональную деятельность, повышение значимости образования в системе её ценностей, реализации жизненных планов. Вместе с тем указывается сложность процесса формирования профессиональных ориентаций молодёжи в современных условиях, усложнение потребности человека в получении образования. Подчёркивается значимость и ответственность высших учебных заведений в решении задач, связанных с социализацией, формированием высокого уровня профессиональной, нравственной, гражданско-правовой культуры студентов. В статье отмечается, что успех решения этих задач во многом зависит от профессионализма, личностных качеств преподавателя вуза, его ориентированности на лучшие ценности российской интеллигенции.

Освещается содержание деятельности современных вузов по формированию компетенций у студентов, обеспечивающих конкурентоспособность, успешность профессиональной и личностной самореализации. Отмечается важность того, чтобы потребности современной молодёжи в получении образования, самореализации в трудовой деятельности были востребованы обществом, поскольку от этого зависит динамика социального развития.

Ключевые слова: российская молодёжь, студенты, образование, ценности, высшие учебные заведения.

Tatiana Nikolaevna Boyak,
Doctor of Sociology, Associate Professor,
East Siberian State Academy of Culture and Arts
(1 Tereshkov St., Ulan-Ude, Russia, 670031)
e-mail: boyakvsgaki@mail.ru

Education in the Values of Modern Russian Youth

The issues of education role in modern social conditions are considered in the given article on the basis of scientific publications and statistics analysis as well as research carried out by the author. An increase in demand for self-realization through work, professional activities, and growth of education importance in the values system and in achieving the life goals is observed among the Russian youth. However, the author stresses that a process of finding life vocations and getting education in modern conditions is becoming more complicated. The role and responsibility of institutes of higher education in meeting the tasks connected with socialization, formation of high professional, moral, civic and legal culture of students is underlined. The article notes that solution of these problems depends to a large extent on professional and personal qualities of a teacher, his/her orientation to the values of the Russian intelligentsia.

Activities of higher education institutes in forming students' competences aimed at competitiveness, successful career and personal life are described. The author emphasizes that society should meet the demands of modern youth for education, self-expression in career as dynamics of social development depends largely on this issue.

Keywords: Russian youth, students, education, values, institutes of higher education.

Условия современной российской действительности, характеризующиеся развитием системы рыночных отношений, актуализацией ценностей гражданского общества, свободы усилили установки молодежи на самореализацию в социуме, в сфере профессионально-деловых отношений. В тоже время в ориентациях современной российской молодежи высокую значимость сохраняют общечеловеческие, духовно-нравственные ценности. Так, результаты социологического опроса, проведенного автором в 2005–2006 гг. среди русской сельской молодежи Бурятии и Забайкальского края (Читинской области), свидетельствуют о том, что личностная самореализация для данной группы является одной из наиболее значимых смысложизненных ценностей – 63,9 % [1, с. 204]. Идеалом для большинства опрошенных молодых людей выступает человек, который: «реализовал себя в семейной и профессиональной сфере», «имеет высокий уровень нравственной культуры, интеллигентный, образованный, интересный для других». Ориентация на данный идеал оказывает влияние на процесс формирования системы ценностей рассматриваемой социально-демографической группы. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что в числе смысложизненных ориентиров у большинства опрошенной русской сельской молодежи «очень важными» являются: хорошая семья – 85,7 %, доброе имя – 76,9 %, любовь – 73,4 %, хорошее образование – 73,2 %, дружба – 72 %, реализация в профессиональной сфере – 69,1 %, устроенный быт, финансовое благополучие – 66,1 %, независимость – 63,2 %, гармония с самим собой, душевное равновесие – 53,7 % [1, с. 204]. Значимыми моральными качествами для опрошенной нами молодежи также являются: уважение к родителям, старшим поколениям – 75,8 %, трудолюбие – 74,5 %, честность, справедливость – 70,7 %, стремление к знаниям – 67,1 %, доброта, милосердие – 69,7 %, умение постоять за себя (не дать себя в обиду) – 67,8 %, порядочность – 64,9 %, ответственность – 64,2 %, бережливость к деньгам и вещам – 60,9 %, хорошие манеры – 58 %, умение открыто высказывать своё мнение – 54,2 %, терпимость, стремление понять другого – 53 %, предприимчивость – 45 % и др. [1, с. 212–213].

В научных публикациях, связанных с темой молодежи, отмечается, что «в Рос-

сии сформировался новый тип личности молодого человека. Он сочетает в себе свойства интеллигентного человека, ориентированного на нравственные ценности, с деловой, предпринимательской культурой» [10, с. 61].

Суждения современной молодежи свидетельствуют о том, что она достаточно четко осознает необходимость приложения собственных усилий для достижения жизненного успеха. На вопрос: «От чего, по Вашему, зависят успехи человека?» большинство опрошенной нами русской сельской молодежи ответило: «целеустремленности» – 64,6 %. Незначительно число тех, кто рассчитывает на помощь влиятельных людей – 24,5 %, или удачные стечения обстоятельств – 17,3 % [1, с. 225].

Рост потребности молодежи в личностной самореализации – общая тенденция, характерная как для сельской, так и городской молодежи. Она свидетельствует о процессе увеличении в обществе доли социально-активных молодых людей. Создание семьи, безусловно, является важным для современной молодежи. Однако убежденность молодого поколения в том, что в решении жизненных вопросов необходимо рассчитывать, прежде всего, на свои силы – 80 %, опираясь на разум – 57,8 % [1, с. 172–226], определяет понимание того, что прочность семьи во многом зависит от материального благополучия, наличия работы, успешности в профессиональной реализации. Поэтому в жизненных планах, представлениях молодежи об успехе, значимое место занимают ценности, связанные с трудовой, профессиональной деятельностью.

Одним из необходимых условий восходящей вертикальной мобильности, успешной реализации профессиональных планов современного человека является образование. Всё больше молодых людей начинают осознавать зависимость карьеры от образования. Так, в жизненных планах большинства опрошенных нами сельских школьников, обучающихся в старших классах, получение хорошего образования имеет важное значение, только 4 % не испытывают потребность в нём [1, с. 221]. Результаты многих социологических исследований, а также статистические данные свидетельствуют о тенденции усиления потребности современных россиян в получении высшего образования. Например, анкетирование, проведенное фондом «Об-

«... общественное мнение», показало, что для 88 % от числа опрошенных представителей российских семей высшее образование является значимой ценностью. Только 10 % считают, что «в наше время не важно иметь высшее образование [8, с. 188–189]. Статистические данные позволяют заметить, что численность студентов высших учебных заведений в Бурятии, по состоянию на начало 2010–2011 учебного года возросла, в сравнении с показателем начала 1990–1991 учебного года, в 2,3 раза [6, с. 79].

Повышение внимания к проблемам науки и образования со стороны учёных, общественности, государственной власти, принятие стратегически важных документов (например, указ Президента России от 7 мая 2012 года «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»), расширение возможностей для молодежи в получении образования, реализации научной деятельности обусловили повышение интереса данной группы и к науке, что нашло отражение в тенденции увеличения численности аспирантов, докторантов молодёжного возраста. Статистические данные свидетельствуют о том, что, например, в Бурятии 2010 г. численность аспирантов в возрасте до 30 лет, по сравнению с показателем 1995 г., увеличилась в 6,2 раза [6, с. 85].

Процессы развития социума закономерно определяют тенденцию не только повышения значимости ценности образования, но и усложнения содержания потребности человека в получении образования. Представление о том, что образование выступает важным условием конкурентоспособности личности на рынке труда, в значительной степени расширяет границы, содержательную основу потребности в образовании. Об этом свидетельствует следующее:

- увеличивается доля населения с высшим образованием в обществе;

- увеличивается доля тех, кто ориентирован на получение профессионального образования по двум и более специальностям, а также тех, кто ориентирован на получение новых или дополнительных знаний, навыков, которые могут быть полезными и необходимыми в профессиональной деятельности (изучение иностранного языка, приобретение навыков вождения автомобиля, повышение профессиональной квалификации, прохождение профессиональной переподготовки);

- усиливается международная мобильность современной молодёжи (получение за рубежом профессионального образования, повышение квалификации, прохождение стажировок, производственных практик, разработка и реализация международных проектов, участие в программах по обмену профессиональным опытом); и др.

Формирование профессиональных ориентаций молодёжи в современных условиях – процесс сложный, противоречивый, определяющийся множеством факторов. Повышение значимости в современном обществе прагматических ценностей (по данным социологического опроса молодежи Бурятии, только 13,5 % респондентов ответили, что современный молодой человек не должен обладать прагматизмом [14, с. 123]), во многом обусловило то, что для молодёжи выбор профессии стал определяться не только содержанием профессионального труда, интересом к нему, но и расчётом на успешную карьеру, хорошую заработную плату, материальную выгоду, получаемую от этого труда. Поскольку ценность профессионального труда стала определяться для части молодёжи не его социальной, а материально-статусной значимостью, то профессии, не приносящие высоких доходов, стали для этой молодёжи терять привлекательность, актуальность. Это определило количественные изменения в профессиональных группах. Например, с одной стороны, меньше стало инженеров, с другой стороны, резко возросло количество юристов, экономистов. Однако подчас, руководствуясь расчётом на хорошую оплату труда, молодые люди осуществляют выбор будущей профессии вопреки своим потребностям, интересам, способностям. Это, в свою очередь, негативно отражается на социально-психологическом самочувствии молодого человека, результативности, успешности процесса профессионального становления во время обучения в учебном заведении и профессиональной реализации после окончания учебного заведения. Кроме того, не всегда расчёт на успешное трудоустройство с желаемым объёмом прибыли от профессиональной деятельности оправдывается в последующем, поскольку «выбор осуществляется под воздействием стереотипов ориентации на «рыночные профессии» без учёта реального положения на рынке труда, потребностей в этих кадрах» [5, с. 280].

В связи с этим в современных условиях со стороны государства, институтов и агентов социализации необходимы действия по повышению престижа, значимости труда как социальной ценности.

Решение высшими учебными заведениями задачи удовлетворения возросшей потребности личности в получении качественного образования направлено на формирование социального, духовного, интеллектуального капитала общества. Образовательный уровень современного молодого поколения во многом определяет «качество» общества в будущем. Это подчёркивает высокую значимость высших учебных заведений для общества, государства. Можно привести много фактов, подтверждающих зависимость духовно-нравственных убеждений личности, социальных групп от уровня образования. Например, результаты социологического исследования, проведённого автором среди русской сельской молодёжи Бурятии и Забайкальского края (2005–2006 гг.), позволяют заметить, что чем выше уровень образования личности, тем глубже её духовно-нравственные убеждения, сильнее потребность в нравственном совершенствовании. Так, молодёжь, имеющая высшее образование, больше, в сравнении с молодёжью, имеющей среднее образование, ценит в людях такие качества, как: трудолюбие – 77,3 % и 64,9 % соответственно, доброту – 69,3 % и 53,5 % соответственно, порядочность – 56 % и 47,5 % соответственно. В её смысложизненных ценностях более важное значение имеют: создание семьи – 92 % и 85,4 % соответственно, возможность быть высококонтактным, интеллигентным человеком – 74,7 % и 56,6 % соответственно, личностная самореализация – 77,3 % и 62,7 % соответственно. Результаты исследования позволяют заметить и зависимость уровня моральной регуляции от уровня образования личности: чем выше уровень образования, тем более выражена ориентация на собственные убеждения в поведении, нравственном выборе. Так, молодые люди, имеющие высшее образование, в большей степени, в сравнении с теми, кто имеет среднее общее образование, руководствуются в своем поведении разумом – 81,3 % и 48,6 % соответственно, совестью – 56 % и 43,2 % соответственно [1, с. 221–228]. Высшие учебные заведения в современных ус-

ловиях выступают одним из важных институтов социализации личности. В процессе реализации учебно-воспитательной работы вуз не только формирует профессиональные компетенции, но и способствует развитию системы ценностей студента, защищает процесс его социализации от возможного воздействия неблагоприятных факторов, которые имеются в любом обществе.

Высокая социальная значимость ценности образования, а также усложнение потребности современного человека в получении образования, определяют высокий уровень ответственности института образования в целом и вузов, в частности.

В числе главных задач современного вуза – подготовка конкурентоспособных высококвалифицированных кадров с высоким уровнем личностной, нравственной, гражданско-правовой культуры.

В научных публикациях отмечается, что «конкурентоспособная личность нового века – это личность, для которой характерно стремление к высокому качеству и эффективности своей деятельности, умеющая ставить цели и решать задачи в условиях ограниченных ресурсов для их выполнения, способная завоевать единомышленников и мотивировать других людей... Сегодня необходимо обучать людей не только какой-то конкретной профессии, но и вооружить их психологией лидерства, способностью самостоятельно добывать необходимую информацию и непрерывно обучаться и переобучаться, умением ставить и достигать поставленных целей» [9, с. 34–35]. Требования, предъявляемые к выпускникам современных вузов, включают не только фундаментальность знаний, но и способность к инновациям, расширению сферы деятельности, готовность к непрерывному самообразованию [13, с. 91]. Исследование темы «Социальное партнерство вуза», опросы работодателей и выпускников Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств позволяют заметить, что при трудоустройстве выпускника вуза современный работодатель обращает внимание, прежде всего, на его профессиональную мобильность и такие профессиональные компетенции как: умение применять знания на практике, критически и творчески мыслить, адаптироваться в меняющихся жизненных ситуациях, предотвращать конфликтные ситуации; владение современ-

ными технологиями профессиональной деятельности; профессиональная ответственность, инициативность, самостоятельность, коммуникабельность. Развитие умений общаться, формирование коммуникабельности, «языковой личности» [2, с. 103] в современных условиях, безусловно, является одной из важных задач современного образования. От успешности решения данной задачи во многом зависит уровень толерантности в обществе, характер межэтнических, межличностных, профессиональных отношений, уровень социально-психологической стабильности в обществе. Поэтому в научных публикациях отмечается необходимость активного гуманитарного обновления образования, «реэтизации универсальных человеческих ценностей» [2, с. 106].

Российскими современными вузами сегодня осуществляется трудоёмкая работа по формированию конкурентоспособных кадров, личности XXI века, осуществляется подготовка и выпуск кадров по различным специальностям, направлениям, актуальным в современных условиях, внедряются технологии, направленные на совершенствование учебно-воспитательного процесса, развитие лидерского, личностного, профессионального, творческого, научного потенциала студентов и преподавателей (проводятся исследования, творческие, научные мероприятия), осуществляется взаимодействие вуза с работодателями в контексте обсуждения и решения проблем подготовки кадров, выстраивания эффективных моделей сотрудничества, формируются конкурентоспособные портфолио студентов и выпускников; развивается непрерывная система образования; осуществляется международное сотрудничество в вопросах профессиональной подготовки кадров, студенческого обмена и обмена профессиональным, научным опытом преподавателей, поскольку «академическая мобильность является одним из инструментов повышения качества образования» [4, с. 112] и показателем эффективности деятельности вуза; внедряются дистанционные технологии обучения; проводятся мониторинги качества учебно-воспитательного процесса, трудоустройства выпускников; осуществляется систематическая работа по внедрению и совершенствованию технологий подготовки кадров, обеспечивающих гибкость, индивидуально ориентированную и практико ориентированную

организацию учебно-воспитательного процесса; реализуется комплекс мероприятий, направленных на формирование общекультурных и профессиональных компетенций, воспитание личности студента. Организация эффективного воспитательного процесса в вузе является сегодня очень важной задачей, поскольку молодёжь – социально-демографическая группа, которая в силу социально-психологических особенностей, обусловленных возрастом, подвергается особому риску попасть под негативное влияние социума. Тем более, что в обществе, как отмечается в научных публикациях, «относительными становятся границы между нормальной гражданской жизнью и образцами, ценностями, нормами криминальной субкультуры, которые сегодня широко распространяются» [7, с. 11]. В связи с этим учреждения образования всех уровней сегодня нуждаются в углублении воспитательного процесса, в контексте формирования нравственной, гражданско-правовой культуры молодого поколения. Результативность воспитательного процесса в этом направлении прямо зависит от *личности преподавателя* как агента социализации молодёжи. «Воспитание возможно, если у самого педагога сложилась собственная педагогическая идеология, если он воодушевлён определёнными ценностями, пониманием смысла жизни» [3, с. 31]. Формирование преподавателя – профессионала, ориентирующегося в своей деятельности на лучшие ценности российской интеллигенции – *служение* (обществу, человеку, государству), патриотизм, преданность делу, ответственность, чувство долга, любовь, милосердие и др. – важнейшая задача в подготовке научно-педагогических кадров.

Поскольку семья является первичным агентом социализации личности, и родители студента часто оказывают содействие в получении образования, влияют на выбор профессии, места работы и др., то мы разделяем мнение о том, что вузам в организации воспитательной среды важно использовать и ресурсный потенциал родительской семьи [11, с. 72–77].

От успеха решения актуальных задач современным вузом во многом зависит его имидж, выступающий условием конкурентоспособности образовательного учреждения [12, с. 121]. Поэтому формирование положительного имиджа и его составляющих характеристик выступает одной из задач

современного вуза, ориентированного на повышение эффективности деятельности и конкурентоспособности.

Современные студенты обладают рациональным мышлением, стремлением к самореализации. Молодое поколение оптимистично смотрит в будущее. Только 8,5 % от числа опрошенной нами сельской молодёжи признают себя пессимистами – считают, что «ничего хорошего в их жизни не будет» [1, с. 172]. Преобладание в обществе оптимистически настроенных молодых

людей, стремящихся к самореализации – важный фактор и показатель прогрессивного развития общества. Однако необходимо, чтобы возросшие потребности современной молодёжи в получении образования, самореализации, её готовность к активному участию в трудовой деятельности, мобильность были востребованы обществом. От характера использования обществом потенциала квалифицированных кадров прямо зависит динамика социального развития, уровень благосостояния людей.

Список литературы

1. Бояк Т. Н. Русская сельская молодёжь: трансформация духовно-нравственных ценностей (на материалах Республики Бурятия и Читинской области). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. 478 с.
2. Валева Е. В. Гуманитарное образование в контексте современной культуры // Обсерватория культуры. 2013. № 3. С. 102–106.
3. Голованова Н. Ф. Проблема воспитания студентов в контексте модернизации высшего образования // Высшее образование в России. 2012. № 7. С. 29–34.
4. Девятова И. Е. Академическая мобильность студентов: уровень вуза // Высшее образование в России. 2012. № 6. С. 112–116.
5. Марар О. И. Влияние социально-экономической и культурной среды на выбор специальности молодёжью: региональный аспект // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 6. С. 279–285.
6. Образование и культура в Республике Бурятия: сб. статей. № 05-02-11. Бурятстат. Улан-Удэ, 2011. 143 с.
7. Орлова З. А. Социокультурная ситуация в России: социально-стратификационный анализ // Обсерватория культуры. 2013. № 3. С. 4–16.
8. Петренко Е. С., Галицкая Е. Г., Шмерлина И. А. Ценность высшего образования. Мнения представителей семей, в которых есть дети, о важности высшего образования. Опрос фонда «Общественное мнение» // Вопросы образования. 2010. № 2. С. 187–207.
9. Ратнер С. В. Скорикина А. С. Вопросы повышения качества образовательного процесса в вузе // Инновации в образовании. 2011. № 9. С. 34–46.
10. Стегний В. Н., Курбатова Л. Н. Социальный портрет современного студенчества // Высшее образование в России. 2010. № 2. С. 57–63.
11. Филоненко В. И., Лепин А. П. Семья как основной агент базовой социализации студентов вузов // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 71–77.
12. Фролова О. В. Имидж как условие конкурентоспособности вуза // Высшее образование в России. 2012. № 6. С. 121–126.
13. Шестакова Д. В. Конкурентоспособное портфолио как условие успешного трудоустройства // Высшее образование в России. 2012. № 6. С. 91–95.
14. Этнонациональные ценности и социализация молодёжи Бурятии. М.; Улан-Удэ, 2000. 135 с.

References

1. Boyak T. N. Russkaya sel'skaya molodezh': transformatsiya dukhovno-nravstvennykh tsennostei (na materialakh Respubliki Buryatiya i Chitinskoi oblasti). Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2007. 478 s.
2. Valeeva E. V. Gumanitarnoe obrazovanie v kontekste sovremennoi kul'tury // Observatoriya kul'tury. 2013. № 3. S. 102–106.
3. Golovanova N. F. Problema vospitaniya studentov v kontekste modernizatsii vysshego obrazovaniya // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2012. № 7. S. 29–34.
4. Devyatova I. E. Akademicheskaya mobil'nost' studentov: uroven' vuza // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2012. № 6. S. 112–116.
5. Marar O. I. Vliyanie sotsial'no-ekonomicheskoi i kul'turnoi sredy na vybor spetsial'nosti molodezh'yu: regional'nyi aspekt // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2010. № 6. S. 279–285.
6. Obrazovanie i kul'tura v Respublike Buryatiya: sb. statei. № 05-02-11. Buryatstat. Ulan-Ude, 2011. 143 s.

7. Orlova Z. A. Sotsiokul'turnaya situatsiya v Rossii: sotsial'no-stratifikatsionnyi analiz // Observatoriya kul'tury. 2013. № 3. S. 4–16.
8. Petrenko E. S., Galitskaya E. G., Shmerlina I. A. Tsennost' vysshego obrazovaniya. Mneniya predstavitelei semei, v kotorykh est' deti, o vazhnosti vysshego obrazovaniya. Opros fonda «Obshchestvennoe mnenie» // Voprosy obrazovaniya. 2010. № 2. S. 187–207.
9. Ratner S. V. Skorikova A. S. Voprosy povysheniya kachestva obrazovatel'nogo protsessa v vuze // Innovatsii v obrazovanii. 2011. № 9. S. 34–46.
10. Stegnii V. N., Kurbatova L. N. Sotsial'nyi portret sovremennogo studenchestva // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2010. № 2. S. 57–63.
11. Filonenko V. I., Lepin A. P. Sem'ya kak osnovnoi agent bazovoi sotsializatsii studentov vuzov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2013. № 6. S. 71–77.
12. Frolova O. V. Imidzh kak uslovie konkurentosposobnosti vuza // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2012. № 6. S. 121–126.
13. Shestakova D. V. Konkurentosposobnoe portfolio kak uslovie uspehnogo trudoustroistva // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2012. № 6. S. 91–95.
14. Etnonatsional'nye tsennosti i sotsializatsiya molodezhi Buryatii. M.; Ulan-Ude, 2000. 135s.

Статья поступила в редакцию 14.04.2014

УДК 316.334.22
ББК С 561.23

Ольга Алексеевна Карманова,
кандидат философских наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30)
e-mail:karmanova_oa@mail.ru

Любовь Павловна Куницина,
кандидат педагогических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30)
e-mail:lubapk@mail.ru

Проблема трудоустройства выпускников высших учебных заведений (на примере ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет»)

Статья посвящена исследованию факторов, влияющих на положение на рынке труда выпускников высших учебных заведений. В основу статьи положены социологический анализ статистических данных, полученных в 2013 г. в результате опроса студентов старших курсов ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет» (далее ЗабГУ), социологические исследования, проведённые сотрудниками кафедры социологии данного университета в 2010–2011 гг. В статье даётся анализ основных проблем, возникающих в процессе адаптации выпускников на рынке труда: недостаток рабочих мест, несогласованность потребностей рынка труда и ориентаций системы профессиональной подготовки, трудности в приобретении опыта работы по специальности, ожидания молодых специалистов в отношении условий труда, особенности трудовой мотивации молодёжи и др.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что кардинальное решение проблемы трудоустройства выпускников заключается в активном развитии экономики Забайкальского края. Отсутствие проблем с трудоустройством специалистов развивающихся экономических сфер являются этому доказательством. Другим кардинальным направлением решения проблемы трудоустройства выпускников высших учебных заведений является устранение дисбаланса направлений подготовки в системе высшего образования, не соответствия потребностей рынка труда и профессиональных приоритетов, сложившихся в общественном мнении забайкальцев. Третьим условием решения проблемы трудоустройства молодых специалистов является повышение эффективности всей системы профессиональной ориентации, включающей в себя профессиональное консультирование, профориентацию в школах, организацию производственной практики студентов, установление прочных связей учебных заведений с предприятиями и организациями края, расширение возможностей вторичной занятости студентов и др. Эти меры, в свою очередь, предполагают необходимость постоянного мониторинга ситуации на рынке труда, изучение профессиональной ориентации молодёжи, особенностей общественного мнения и т. п. вопросов, находящихся в сфере социологии.

Ключевые слова: трудоустройство, рынок труда, трудовая мотивация, ценности, профессиональная адаптация, профессиональная социализация, гуманитарные специальности, технические специальности, горные специальности, экономические характеристики, процесс социализации личности, интеграция общества.

Olga Alekseyevna Karmanova,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
e-mail:karmanova_oa@mail.ru

Lyubov Pavlovna Kunitsina,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
e-mail:lubapk@mail.ru

The Employment Problem of Higher Educational Institutions Graduates (on the Example of FSBEI HPE «Transbaikal State University»)

The article is devoted to research of the factors influencing the situation on the labor market of higher educational institutions graduates. The base of the article is a sociological analysis of the statistical data obtained in 2013, as a result of a survey of students, FSEI HPE «Zabaikalsky

state University» (hereinafter Transbaikal State University), sociological studies conducted by the Department of sociology of the University in 2010–2011. In the article there is an analysis of the main problems arising in the process of adaptation of graduates on the labor market: the lack of jobs, a mismatch of labor market needs and orientations of the system of professional training, difficulties in gaining experience on a speciality, expectations of young specialists in labor conditions, peculiarities of work motivation of youth and other.

Analysis of the obtained data shows that comprehensive solution of the problem of employment of graduates lies in the dynamic economic development of Zabaikalsky Krai. The lack of problems with employment specialists developing economic spheres is proved. Another radical solution of the problem of employment of higher educational institutions graduates, is the imbalance of the directions of training in the higher education system, not matching of labor market needs and professional priorities established in the public opinion of inhabitants. The third condition for solving the problem of young specialists' employment is to increase the efficiency of the whole system of professional orientation, which includes professional counseling, career guidance in schools, organization of industrial practice of students, establishment of strong ties of educational institutions, enterprises and organizations of the region, the expansion of opportunities of students' secondary employment and other. These measures, in turn, suggest the need for permanent monitoring of the situation on the labor market, the study of professional orientation of the youth, peculiarities of public opinion, etc. of issues within the field of sociology.

Keywords: employment, labor market, labor motivation, values, professional adaptation, professional socialization, Humanities, technical professions, mining specialty, economic characteristics, the process of socialization, integration of the society.

Требования к системе высшего профессионального образования как социокультурного института обоснованы потребностями современного уровня производства и общества. Система образования и рынка труда связаны не только с подготовкой компетентного специалиста профессионала, но и с формированием готовности молодого поколения к трудовой деятельности. Среди молодёжи утрачены ценности труда, что привело к снижению престижа ряда нужных профессий для общества. Изменениям ценностных ориентаций молодёжи посвящены ряд исследований. Рассматривая современную молодёжь, В. А. Ядов отмечает её индивидуалистичность, способность адаптироваться к рынку, в большей мере полагаясь на собственные возможности в решении жизненных проблем [6, с. 114].

Представления жизненных планов молодёжи рассматривались в работах С. И. Барзилова, И. С. Болотина, Е. И. Головахи, А. В. Заикиной, И. С. Кона, А. И. Комазина, А. А. Матулениса, М. Н. Руткевича, Л. Я. Рубиной, Д. В. Петрова и др. Социальному статусу молодёжи и востребованности современного рынка труда посвящены работы: Я. У. Астафьева, Э. С. Гареева, Ю. Н. Дорожина, Т. И. Заславской, И. К. Золотовой, С. А. Константинова, Л. В. Константиновой, О. А. Раковской, Т. А. Ручкиной, В. И. Чупрова, В. Н. Шубкина.

Однако анализ проблем трудоустройства молодёжи, профессиональных и ценностных ориентаций молодых людей, специ-

фика формирования трудовой мотивации студенчества в условиях вуза недостаточно исследованы учёными. Отсутствуют механизмы взаимодействия института образования и рынка труда, комплексные методики социологического измерения успешности выпускников на рынке труда.

Проблемы влияния вторичной занятости студентов на их жизненный выбор мало изучены [6, с. 115].

На основании вышеизложенного мы определили цель, объект и предмет исследования.

Цель исследования – проанализировать результаты прикладных исследований проблемы трудоустройства выпускников ЗабГУ и выявить факторы, влияющие на их трудоустройство.

Объект исследования – трудоустройство выпускников высших учебных заведений.

Предмет исследования – факторы, влияющие на трудоустройство выпускников ЗабГУ.

Динамика развития экономики предъявляет достаточно высокие требования к специалистам всех уровней, их профессиональной компетенции, профессиональной культуре, уровням профессиональной адаптации и творческой инициативы. Это, прежде всего, касается молодых специалистов, находящихся на начальном этапе карьеры. В этих условиях важное значение имеет непрерывность самообразования и саморазвитие специалиста, осознанность выбора будущей профессии, определяющие карьерные стратегии молодёжи [5].

При выборе профессии абитуриенты вынуждены учитывать денежные затраты на получение образования и низкую материальную обеспеченность семьи. По данным социологических исследований о профессиональной ориентации, проведенным в 2010 г. среди абитуриентов в ЗабГУ, выяснилось, что в 82 % случаев будущие студенты не имели представления о своей будущей профессии.

По итогам анкетирования 2011 г. среди студентов 3–4 курсов факультета социально-политических систем ЗабГУ было выявлено три основные группы поведенческих стратегий работающих студентов:

- 1) работа с целью повышения материального достатка,
- 2) работа с целью приобретения опыта,
- 3) работа с целью приобретения определённого статуса в обществе.

Исследования показали, что в первую группу входят студенты из семей с низким уровнем экономического дохода. Те, кто выбирают второй вид стратегии, рассчитывают, прежде всего, на получение опыта по специальности и практического навыка работы для успешного трудоустройства, не придавая значения денежному вознаграждению за труд. Для третьей группы студентов характерно наличие возможности получения дополнительной записи в трудовой книжке, накопления символического капитала и восприятие юридически оформленных трудовых отношений между работником и работодателем [6, с. 116].

Социальная адаптация студентов к профессии зависит от правильной организации производственной практики.

Результаты эмпирического исследования констатируют, что 45,4 % студентов удовлетворены её организацией со стороны самого предприятия, не удовлетворены 54,6 % респондентов, 67,3 % студентов признают ценность производственной практики, как начальный этап освоения профессиональной деятельности [6, с. 117].

О. Селиванова утверждает, что трудоустройство выпускников «сдерживает отсутствие законодательства, направленного на развитие занятости выпускников; отсутствие механизмов, обеспечивающих взаимосвязь между рынком труда и образовательным учреждением; недалёковидность кадровой политики, ориентирующейся на достижение текущих результатов, а не пер-

спективных; недостаточность у многих выпускников учебных заведений необходимых знаний и навыков самоопределения на рынке труда» [2, с. 30].

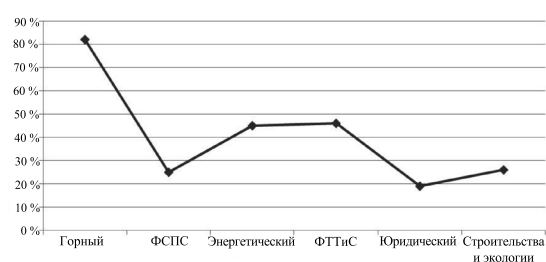
Это подтверждают результаты опроса выпускников ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет», проведенного среди выпускников в 2013 г. Целью данного анкетного опроса, организованного по инициативе отдела содействия занятости студентов ЗабГУ в 2013 г., было выяснение факторов, влияющих на трудоустройство выпускников, их положение на рынке труда. В ходе исследования предполагалось изучить влияние на будущее трудоустройство выпускников уровня профессиональной подготовки, полученной в учебном заведении, наличия опыта работы, условий рынка труда в регионе, настроя на работу и ожиданий студентов и т. п.

Сбор и обработка информации осуществлялись с помощью информационно-аналитической системы «PROвуз», разработанной Центром трудоустройства и практической подготовки «МАДИ-ПРОФИ».

В процессе исследования были собраны и обработаны материалы по 6 факультетам университета: горный; социально-политических систем (далее – ФСПС); энергетический; юридический; строительства и экологии; технологии, транспорта и связи (далее ФТТиС), опрошено 640 выпускников специалитета.

Анализ полученных в ходе исследования статистических данных показал, что наиболее востребованными на рынке труда оказались специальности горного профиля (из выпускников Горного факультета были трудоустроены 82 % выпускников), труднее всего было найти работу выпускникам юридического факультета (трудоустроено 19 %) и факультета социально-политических систем (25 %).

Гистограмма 1
Ответы: «Трудоустроены после окончания ВУЗа»

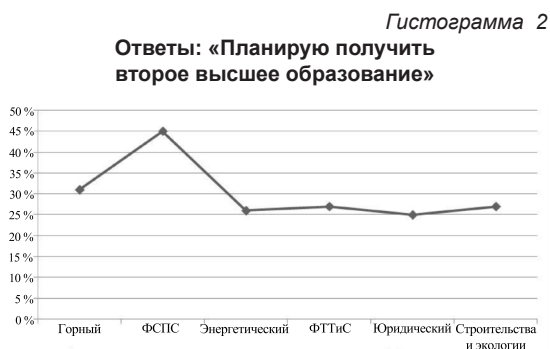

Такое положение дел обусловлено структурой рынка труда Забайкальского края, испытывающего потребность в работниках геологической и горнодобывающих профессий, специалистов в области сельского хозяйства, рабочих и т. п. Проблемы трудоустройства специалистов гуманитарного профиля связаны с перекосом в системе образования края, где готовят специалистов гуманитарных специальностей, не учитывая ситуацию на рынке труда.

Другая объективная проблема трудоустройства выпускников связана с недостаточным развитием экономики в Забайкальском крае, что приводит к невостребованности многих профессий технического профиля.

Естественно, что в такой ситуации многие выпускники пытаются решить проблему трудоустройства путём получения дополнительных специальностей.

Значительная часть выпускников, получивших гуманитарное образование (45 %), была настроена на получение второго высшего образования. В то же время и среди выпускников, имеющих достаточно востребованные на рынке труда профессии (строительные, горные, технические), тоже оказалось немало людей, желающих получить другое высшее образование, что видно из приведённой гистограммы:

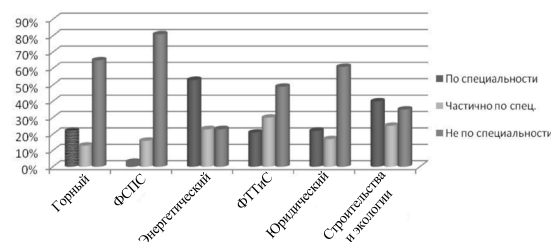
Желание «подстраховаться», чтобы иметь больше шансов найти интересную работу, свидетельствует о понимании выпускниками необходимости повышения своей конкурентоспособности на рынке труда.

Большинство выпускников ЗабГУ старается найти работу в Чите. Полученные в ходе опроса результаты свидетельствуют о том, что 77 % выпускников исследуемых факультетов ЗабГУ остаются работать в краевом центре, 11 % работают в Забай-

кальском крае, 9,5 % – в других регионах, 2,3 % – за рубежом. Причём большинство из них работает не по специальности или частично по специальности. Чаще других по специальности устраиваются на работу выпускники энергетического факультета (53 %) и факультета строительства и экологии (40 %). Не по специальности работают главным образом представители гуманитарных профессий (81 % выпускников ФСПС) и горного факультета (65 %).

Гистограмма 3

Характеристика места работы после окончания ЗабГУ

Если преобладание выпускников, не работающих по специальности, закончивших ФСПС можно объяснить недостатком рабочих мест для данных групп специалистов, то показатели по горному факультету требуют объяснений, поскольку специалисты горного профиля пользуются спросом на рынке труда Забайкальского края.

На наш взгляд, большое количество желающих остаться на любой работе в городе из числа выпускников горного факультета объясняется тем, что некоторая часть студентов выбирают горные специальности не из-за интереса к данным профессиям, а из-за возможности поступления и обучения на бюджетной основе (проходной балл на данном факультете не высокий, а бюджетных мест больше, чем на других факультетах). Поэтому после получения диплома о высшем образовании отдельные выпускники горного факультета стремятся найти любую работу в краевом центре.

В то же время на вопрос о планах на будущее значительное большинство выпускников отвечали, что хотели бы работать по специальности (87,6 % в среднем и 94 % – по горному факультету). Такое расхождение данных, касающееся мест работы и планов выпускников, отражает, с одной стороны, желание соответствовать социальным стандартам, бытующим в общественном мнении, а, с другой стороны,

отличие надежд и ожиданий выпускников от реальных условий рынка труда. Многие выпускники действительно хотели бы работать по специальности и в регионе, но не имеют такой возможности.

В вопросе поиска работы по специальности выпускники опираются главным образом на помощь родителей, родственников и друзей (от 60 до 100 % ответов).

Многие студенты начинают свою трудовую деятельность в период обучения. На период опроса только 34,3 % выпускников не имели опыта работы на момент завершения обучения. Значительное большинство студентов (65,7 %) имели опыт работы. Правда, этот опыт был небольшим (55,5 % работали менее двух лет). Более активно работали в период обучения студенты горного факультета (78 %), энергетического факультета (77 %), факультета строительства и экологии (69 %). В основном это был опыт работы не по специальности (52,3 % ответов). Чаще других имели возможность получить опыт работы по специальности участники опроса из горного факультета (69 % имеющих опыт работы, работали по специальности), энергетического факультета (58 %), факультета строительства и экологии (55 %).

Как видно из представленной гистограммы, многие студенты имели опыт работы, в том числе по специальности. Естественно, что они имели больше шансов получить работу. Результаты опроса свидетельствуют о том, что среди трудоустроенных на момент завершения обучения в университете практически все имели опыт работы (99,6 %), среди имевших опыт работы по специальности были трудоустроены 69,3 % выпускников.

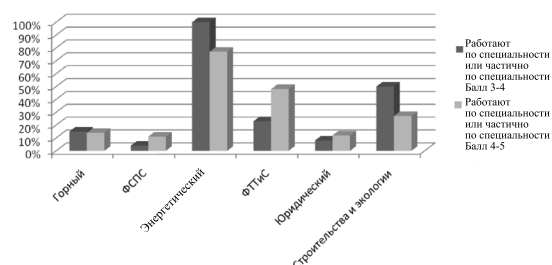
Более низкий процент трудоустройства тех, кто имел опыт работы по специальности, связан с тем, что среди выпускников ФСПС и юридического факультета число трудоустроенных из данной категории студентов было значительно ниже, чем на других факультетах (38% – ФСПС, 60 % – юридический факультет). Это связано главным образом с недостатком рабочих мест по данным специальностям на рынке труда. Выпускники данных факультетов испытывали трудности с трудоустройством, но и по данным специальностям больше шансов получить работу имели те, у кого уже был некоторый опыт трудовой деятельности, особенно по специальности (из числа трудоустроенных на момент завершения обучения в ФСПС 97 % имели опыт работы, по специальностям юридического факультета – 100 %).

Наряду с опытом работы, важным условием будущего трудоустройства выпускников является качество их подготовки, который можно оценить по уровню успеваемости студентов. Не случайно среди тех, кто учился на 3 (средний балл 3–3,5) нашли работу только 69 % выпускников. Причем, практически по всем специальностям, исключая специальности энергетического факультета, где благодаря востребованности профессий нашли работу практически все выпускники, среди троечников не имели работы от 100 % (юридические специальности) и 91 % (горные специальности) до 83 % (технические специальности ФТТиС).

Среди успевающих студентов (средний балл 4–5) процент трудоустроенных выше.

Гистограмма 5

«Востребованность» на рынке труда выпускников в зависимости от успеваемости

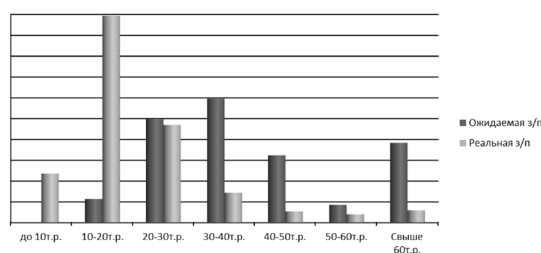
Как видно из приведённой гистограммы, успеваемость выпускников энергетического факультета и факультета строительства и экологии не играет большой роли в

трудоустройстве, поскольку данные специальности востребованы на рынке труда. Для других специальностей, особенно технических (ФТТиС) и гуманитарных (ФСПС и юридический) уровень подготовки специалистов играет важную роль в их трудоустройстве.

Третьим фактором, оказывающим важное влияние на процесс трудоустройства выпускников высших учебных заведений оказывает уровень заработной платы. Как показали результаты опроса, после окончания университета выпускники обычно получают заработную плату в размере 10–30 000 рублей (49,7 % – 10–20 тыс. р., 23,5 % – 20–30 тыс. р.). Менее 10 тыс. р. получали лишь 11,8 % трудоустроенных выпускников. В основном низкую заработную плату получали представители технических специальностей (ФТТиС – 30 %) и гуманитарных специальностей (ФСПС – 19 %, юридический факультет – 20 %). Наиболее высокий уровень заработной платы предлагался выпускникам факультета строительства и экологии (25 % – более 30 тыс. р., 10 % – более 50 тыс. р.) и энергетического факультета (16 % – более 30 тыс. р., 5 % – более 50 тыс. р.). Причем для специальностей энергетического и горного факультетов уровень заработной платы практически не зависел от опыта работы. Например, для горных специальностей заработная плата выпускникам, имеющим опыт работы до 1 года, была на уровне 22 500 р., а с опытом более трёх лет – 13 000 р.; по специальностям энергетического факультета с опытом до 1 года – 16 800 р., со стажем более трёх лет – 15 000 р. Не зависела заработная плата от опыта работы и по гуманитарным специальностям.

Таким образом, реальная заработная плата трудоустроившихся выпускников была значительно ниже ожидаемой, что видно из гистограммы 6. Некоторое исключение составили выпускники строительных специальностей и частично энергетического факультета, которые в самом начале своей трудовой деятельности получали заработную плату 20–30 тыс. р. и выше, что соответствовало их ожиданиям (35 % по представителям строительных специальностей и 21 % – специальностей энергетического профиля).

Гистограмма 6
Сравнение ожидаемого и реального уровня заработной платы трудоустроенных выпускников ЗабГУ

Как видно из гистограммы, выпускники ожидали гораздо более высокого уровня оплаты труда, чем имеют в реальности. На высокую оплату надеялись чаще выпускники строительных, энергетических и юридических специальностей. Наиболее скромные запросы были у выпускников ФСПС. На ожидания выпускников в отношении заработной платы не оказывал большого влияния такой фактор, как успеваемость (нередко ожидания троечников были выше, чем отличников). Нередко реальный уровень заработной платы выпускников с более низким уровнем подготовки оказывался более высоким, чем у отличников.

Определяющим фактором заработной платы молодых специалистов были объективные условия (средний по региону уровень оплаты труда, положение дел в организации, степень востребованности специальности и т. п.).

Следует констатировать факт, что проблема трудоустройства выпускников университета остается актуальной. Для её решения необходим комплекс мер, таких как: совершенствование качества образовательных услуг, системы трудоустройства выпускников всех заинтересованных сторон (служб занятости, учебных заведений и работодателей).

По мнению участников опроса, основными направлениями совершенствования качества образовательных услуг в ЗабГУ должны стать:

Направления:	% ответов
1. Содействие трудоустройству	25
2. Качественная организация практики	19,7
3. Учебно-методическое обеспечение лабораторной базы	12
4. Введение дополнительных образовательных программ	8,4
5. Применение современных методов обучения	7,5
6. Своевременное программное обеспечение	6,7

Анализируя направления по совершенствованию качества образовательных услуг ЗабГУ мы выявили, что 82,9 % студентов хотели бы изменить стратегию управления качеством профессиональной подготовки в данном вузе. Рассматривая применение технологий педагогического труда в высшей школе, нужно отметить отставание методологической культуры педагогов от их практической деятельности, наблюдается разрыв между методикой преподавания дисциплин, теорией обучения и способами управления учебной деятельностью, направленными на усвоение норм профессиональной деятельности [1, с. 347]. 10,9 % участников опроса были в полной мере удовлетворены качеством подготовки студентов в учебном заведении.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что кардинальное решение проблемы трудоустройства выпускников заключается в активном развитии экономики Забайкальского края. Отсутствие проблем с трудоустройством специалистов развивающихся экономических сфер (строительство, горнодобывающая и геологическая отрасли

и др.) являются этому доказательством. Другим кардинальным направлением решения проблемы трудоустройства выпускников высших учебных заведений является устранение дисбаланса направлений подготовки в системе высшего образования, не соответствия потребностей рынка труда и профессиональных приоритетов, сложившихся в общественном мнении забайкальцев. Третьим условием решения проблемы трудоустройства молодых специалистов является повышение эффективности всей системы профессиональной ориентации, включающей в себя профессиональное консультирование, профориентацию в школах, организацию производственной практики студентов, установление прочных связей учебных заведений с предприятиями и организациями края, расширение возможностей вторичной занятости студентов и др. Эти меры, в свою очередь, предполагают необходимость постоянного мониторинга ситуации на рынке труда, изучение профессиональной ориентаций молодежи, особенностей общественного мнения и других вопросов, находящихся в сфере социологии.

Список литературы

1. Бадаян И. М. Концепция и методология стратегического управления качеством профессиональной подготовки специалистов в вузе: монография. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 2009.
2. Селиванова О. Занятость молодежи – стратегическая проблема // Человек и труд. 2003. № 3. С. 29–32.
3. Шурус А., Мкртчян Г. Проблемы молодежного рынка труда // Общество и экономика. 2001. № 10. С. 142–154.
4. Карпец В. А. Трудоустройство выпускников вузов как социальный процесс: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2005. 154 с.
5. Карьерные стратегии молодежи: учеб. пособие / О. А. Карманова [и др.]. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2013. 213 с.
6. Куницина Л. П. Особенности формирования трудовой мотивации студенческой молодежи: материалы III Междунар. научно-практ. конф. 21–24 мая 2012 г. «Эффективность реализации государственной молодежной политики: опыт регионов и перспективы развития». Чита: Экспресс-издательство, 2012. С. 114–117.

Referensec

1. Badajan I. M. Konceptcija i metodologija strategičeskogo upravljenija kachestvom professional'noj podgotovki specialistov v vuze: monografija. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izd-vo, 2009.
2. Selivanova O. Zanjatost' molodjozhi – strategičeskaja problema // Chelovek i trud. 2003. № 3. S. 29–32.
3. Shulus A., Mkrтчjan G. Problemy molodezhnogo rynka truda // Obshhestvo i jekonomika. 2001. № 10. S. 142–154.
4. Karpec V. A. Trudoustrojstvo vypusnikov vuzov kak social'nyj process: dis. ... kand. sociol. nauk. Saratov, 2005. 154 s.
5. Kar'ernye strategii molodjozhi: ucheb. posobie / O. A. Karmanova [i dr.]. Chita: Zabajkal. gos. un-t, 2013. 213 s.
6. Kunicina L. P. Osobennosti formirovanija trudovoj motivacii studencheskoj molodezhi: materialy III Mezhdunar. nauchno-prakt. konf. 21–24 maja 2012 g. «Jeffektivnost' realizacii gosudarstvennoj molodjozhnoj politiki: opyt regionov i perspektivy razvitija». Chita: Jekspress-izdatel'stvo, 2012. S. 114–117.

Статья поступила в редакцию 19.03.2014

УДК 316.647.6
ББК Ю 3

Евгения Ивановна Касьянова¹,
доктор философских наук, доцент,
Забайкальский институт железнодорожного транспорта –
филиал Иркутского государственного университета путей сообщения
(672040, Россия, г. Чита, ул. Магистральная, 11)
e-mail: gn@zab.megalink.ru

Нина Иннокентьевна Виноградова,
доктор психологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, Александрово-Заводская, 30)
e-mail: vin57@list.ru

Теоретический анализ коммуникативной толерантности

В статье обосновывается актуальность проблемы толерантности для современной многонациональной и многоконфессиональной России, где усиливаются проявления различных предрассудков и фобий в массовом сознании. Авторами предпринят теоретический анализ коммуникативной толерантности, толерантной коммуникации в молодёжной среде, философское исследование толерантности.

Социально-философское понятие «толерантность» определяется как терпимость одного социального субъекта к политическим, этническим, конфессиональным и иным особенностям другого социального субъекта, т. е. она предполагает признание мировоззренческого, религиозного, социально-политического, культурного, национального и этического плюрализма. Авторы подчёркивают многослойность понятия толерантности.

Анализируя деятельностный подход в исследовании толерантности, ими выделяется её творческо-деятельностный характер. Они подчёркивают, что главное в толерантности – это деятельность, взаимодействие на основе равенства социальных партнеров, толерантность предполагает сохранение индивидуального своеобразия каждого из них и достижения согласия на основе диалога и ненасилия, преимущественно методами разъяснения и убеждения.

Субъектом коммуникативной толерантности рассматривается студент, анализируются результаты эмпирического социологического исследования. Для изучения уровня толерантности у студентов в феврале–марте 2012 было проведено социологическое исследование в Забайкальском институте железнодорожного транспорта – филиале государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Иркутский государственный университет путей сообщения» в городе Чите. В ходе исследования методами анкетирования, наблюдения, беседы авторы выявили знания студентов о толерантности, уровень межличностной толерантности в студенческой среде. На основе полученных результатов исследования предложены основные направления формирования толерантности, в статье также критикуются противники толерантности, рассматривающие её как импорт зарубежных идей.

Ключевые слова: коммуникативная толерантность, симулякр, толерантность, интолерантность, ксенофобия, терпимость, ненасилие, «отношение к другому», плюрализм, либеральная парадигма толерантности, социокультурные традиции толерантности в жизни России, студент как субъект коммуникативной толерантности.

¹Е. И. Касьянова – основной автор, является организатором теоретического исследования по социокультурным проблемам толерантности, коммуникативной толерантности в студенческой среде.

Evgeniya Ivanovna Kasyanova¹,
 Doctor of Philosophy, Associate Professor,
 Transbaikal Railway Transport Institute –
 Branch of Irkutsk State Transport University
 (11 Magistralnaya St., Chita, Russia, 672040)
 e-mail: gn@zab.megalink.ru

Nina Innokentyevna Vinogradova,
 Doctor of Psychology, Associate Professor,
 Transbaikal State University,
 (30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
 e-mail: vin57@list.ru

Theoretical Analysis of Communicative Tolerance

The authors consider the actuality of the problem of tolerance for the modern multinational and multi-confessional Russia, where different prejudices and phobias steadily increase in the mass consciousness. The authors undertake the theoretical analysis of communicative tolerance, tolerant communication in the youth environment, the philosophical study of tolerance. Being a socially-philosophical concept, tolerance is defined as tolerance of one individual to political, ethnic, confessional and other features of other individual, i.e. it implies the acceptance of ideological, religious, socio-political, cultural, national and ethical pluralism. The authors emphasize the complexity of the notion of tolerance. Analyzing the activity approach in the study of tolerance, they point out its creative nature. They emphasize that the main thing in tolerance is the activity, the interaction on the basis of equality of the social partners; it implies the conservation of individual identity of each of them and achievement of agreement on the basis of dialogue and non-violence, mostly by the methods of explanation and persuasion. The student is considered as the subject of communicative tolerance, the article presents results of the empirical sociological research. To identify the level of tolerance among students in February – March 2012 a sociological research was conducted in the Transbaikal Railway Transport Institute – the branch of the “Irkutsk Transport State University” in Chita. In the course of research, using methods of questioning, observation, interviews the authors find out the knowledge of the students about tolerance, the interpersonal level of tolerance among students. On the basis of the obtained results they propose the basic directions of tolerance formation; the article also criticizes the opponents of tolerance who consider it as the import of foreign ideas.

Keywords: communicative tolerance, simulacrum, tolerance, intolerance, xenophobia, violence negation, “attitude to another person”, pluralism, liberal paradigm of tolerance, social-cultural traditions of tolerance in Russia, a student as the subject of the communicative tolerance.

В современной философии актуальным является определение статуса толерантности в обществе, её исследование и анализ. В то же время есть и те авторы, которые считают, что нам просто навязывают модель толерантного поведения, поскольку она удобна западным политикам. Андрей Песоцкий отмечает: «В качестве альтернативы заезженному термину “толерантность” мне кажется более уместным более приятное для слуха слово “милосердие”. В чём разница этих понятий? Милосердие не подразумевает принятие ценностей того, к кому обращена добрая воля. Милосердие не нарушает духовную иерархию, не принуждает людей более высокого порядка опуститься до низкоранговых особей. Более того, милосердие более состра-

дательно, чем толерантность, поскольку делает акцент на помощи людям, а не на абстрактном принятии их мнения» [8].

Толерантность в представлении некоторых исследователей предстаёт также в качестве симулякра, который используется для манипулирования общественным сознанием и поведением, как привлекательный, специально сконструированный виртуальный объект. Известный учёный и публицист, профессор МГУ А. С. Панарин писал: «Новая интеллектуальная элита, прошедшая школу психоанализа и научившаяся работать с «комплексами», считает делом своей профессиональной чести создать столь плотную, столь непроницаемую для свидетельств реального опыта систему симулякров, что погружённые в неё полу-

¹Е. Т. Касыанова – is the main author, Organizer of theoretical research on social-cultural problems of tolerance, communicative to tolerance in students environment.

чат возможность полной и окончательной «отключки»... Симулякры имеют претензию на неоспоримость» [1]. Теория симулякров нашла выражение в трудах французских философов Ж. Бодрийяра, П. Бурдьё, Ж. Дерриды, М. Фуко, Ж. Лакана, Ж.-Ф. Лиотара [2]. Толерантность рассматривается не как ценность взаимосвязанного мира, а как импортированная зарубежная идея, которая противоречит образу мысли и образу жизни россиян. К тому же фольклорное творчество уже успело отреагировать на это явление словами «оттолерантить», «толерантизация» и т. д., это означает, что термин воспринят массовым сознанием, в достаточной степени бессознательно, чрезмерно толерантных называют «толерастами».

Очевидно, что толерантность не является абсолютной ценностью в обществе. У неё есть правовые и этические границы. Вряд ли рационально проявлять толерантность, когда есть угроза жизни и здоровью человека, нельзя быть толерантным к интолерантности. Однако принцип толерантности – это норма цивилизованного компромисса, который необходим при взаимодействии людей с разными вкусами, взглядами, ценностями, преодоления этнонациональной напряжённости и социальных конфликтов.

Есть ли альтернатива толерантности в современном мире? Стремление к силовым методам разрешения конфликтов, к доминированию над другими государствами, подавлению инакомыслия остаётся прежним, усиливается рост агрессии и экстремизма. Не менее злободневна проблема толерантности для современной многонациональной и многоконфессиональной России, с большим потоком мигрантов, где усиливаются проявления в массовом сознании различных предрассудков и фобий.

Это проявляется в повседневном межличностном общении. Проблема толерантности в межличностных и межгрупповых отношениях разрабатывается в социальной психологии, педагогике, социологии, философии.

Глубокому всестороннему изучению проблемы коммуникации посвящены работы классиков отечественной философии (Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, П. А. Флоренского, С. Л. Франка) и современных социальных философов (В. С. Барулина, В. М. Золо-

тухина, В. В. Крамника, В. А. Лекторского, Н. Лумана, К. Х. Момджяна, В. Ю. Олейникова, Г. В. Осипова, А. С. Панарина, П. А. Рачкова, Л. В. Скворцова, Ю. Хабермаса и др.). Труды зарубежных и отечественных психологов и социальных психологов (Г. М. Андреевой, А. А. Бодалева, Л. С. Выготского, Ю. Ершова, В. Е. Козлова, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, Н. В. Мольденгауэра, Д. Мида, С. Л. Рубинштейна, Г. Тарда, Д. Уотсона) играют значительную роль в исследовании межличностных отношений. Многие авторы выделяют особую роль образования в распространении толерантности в социальной жизни (Г. Д. Дмитриев, Т. Б. Загоруля, Д. В. Зиновьев, И. А. Колесникова, Е. Ю. Литвиненко, Р. Пратт, И. Г. Пчелинцева, К. Уэйн и др.).

Особенно актуальной на сегодняшний день представляется проблема толерантной коммуникации в молодежной среде. Однако исследований, посвящённых формированию межличностной толерантности недостаточно. Требуют дальнейшего изучения вопросы развития толерантности как профессионально важного качества личности студента, её роли и места как личностного качества в компетенциях специалиста, условия и факторы, положительно влияющие на её формирование.

Некоторые из выше обозначенных проблем будут исследованы в статье.

Сущность толерантности раскрыта в «Декларации принципов толерантности», принятой в 1995 году ООН. В ней выделены основные компоненты толерантности – это признание, принятие, понимание, отказ от доминирования и насилия, уважительное отношение к другому в сочетании с установкой на диалогичное взаимодействие с ним. «Отношение к другому» рассматривается как фундаментальное, системообразующее в понятии толерантности [3, с. 12]. Содержание толерантности многослойно. Как социально-философское понятие толерантность можно определить как терпимость одного социального субъекта к политическим, этническим, конфессиональным и иным особенностям другого социального субъекта, т. е. признание мировоззренческого, религиозного, социально-политического, культурного, национального и этического плюрализма. В структуре толерантности может быть выделено четыре компонента: когнитивный, эмоционально-оценочный, аксиологический, де-

ягельный. Деятельный компонент толерантности, по нашему мнению, является основным. Поскольку для реального толерантного взаимодействия социальных субъектов, недостаточно знаний о предпочтительности толерантного поведения, нельзя заставить человека быть терпимым, миролюбивым [4, с. 8–9]. Только толерантное поведение, толерантный образ жизни, его толерантное содержание и формы реализации в повседневной жизни могут выступить против применения силовых методов в разрешении конфликтных ситуаций, на основе диалога и ненасилия, методами разъяснения и убеждения. Толерантность включает в себя терпимость, но не ограничивается ею [10]. Толерантность предполагает сохранение индивидуального своеобразия каждого из субъектов, она носит активный характер и предполагает духовную открытость, признание толерирующей позиции в будущей деятельности. Ненасилие и толерантность, как отмечают многие исследователи, есть особый, этически насыщенный тип общественной связи, в основе которой лежат ценности добра, любви и справедливости [6, с. 302; 7; 9, с. 328].

Толерантное отношение к другой личности предполагает признание и понимание того, что личность имеет право быть другой, отличной, с другими воззрениями, ценностями, культурой, отказ от силового навязывания идей, сколь бы правильными и хорошими эти идеи не представлялись, поскольку исходит из относительности многих наших убеждений и суждений, невозможности их бесспорного обоснования для всех. Интолерантные отношения способствуют возникновению конфликтов, ксенофобии, агрессивному национализму, дискриминации и т. д.

Коммуникативная толерантность – особый способ построения взаимоотношений, межличностного взаимодействия и общения с другими людьми. Именно в этом виде толерантности наиболее ярко выражается сущность толерантности.

Толерантность в межличностных отношениях, коммуникативная толерантность – осознанное терпимое отношение к субъекту (субъектам) межличностного общения, взаимодействия, проявляющееся в признании и уважении прав другого на проявление своей индивидуальности. Толерантность как деятельность является основой

успешности коммуникации в конфликтной среде, способствуя снятию социокультурной напряженности. Мы разделяем мнение И. С. Кона о том, что коммуникация занимает первостепенное место в процессе формирования толерантности, так как в ней и через неё происходит присвоение человеком определенных идей, ценностей, формирование отношения к явлениям действительности [5].

Коммуникативная толерантность, проявляющаяся индивидом в процессе его отношений к окружающим людям, является частной разновидностью толерантности. Сформированная у человека толерантность помогает ему легко вступать в коммуникативное общение, выступает главным условием нормальной коммуникации. Именно понимание того, что другой субъект – «иной», которое проявляется в заинтересованном и терпимом отношении к нему, снижает агрессивность, вызывает интерес к его духовному миру, отношение как к «равнодушной» личности и способствует достижению взаимопонимания в процессе общения.

Формирование коммуникативной толерантности как личностного качества студента определяет интерес широкого круга исследователей, педагогов-практиков, что связано с ростом социальных ожиданий и требований по отношению к образовательным учреждениям.

Студент как субъект коммуникативной толерантности познаёт и усваивает информацию о толерантности, активно взаимодействует с другими субъектами на основе принципов толерантности, способен достаточно корректно относиться к преподавателям, сотрудникам и коллегам. Коммуникативная толерантность означает сформированность в сознании субъекта личностно-значимого образца терпимого коммуникативного поведения и готовность его реализовывать в различных ситуациях общения, бесконфликтное коммуникативное поведение,

Толерантность к другим связана с толерантностью к себе, позитивной самооценкой, чувством собственного достоинства, осознанием собственных возможностей, способностей и личностных черт, толерантностью по отношению друг к другу в группе. Толерантное общение характеризуется неагрессивным толерантным поведением, конструктивным способом решения кон-

фликтных ситуаций, отсутствием унижения другого и сохранением собственного достоинства, неагрессивной и безоценочной манерой выражения своих негативных чувств, использованием в речи высказываний, которые делают общение более непосредственным, свободным от обвинений и претензий к другому.

Для изучения уровня толерантности студентов в феврале–марте 2012 было проведено социологическое исследование в Забайкальском институте железнодорожного транспорта в городе Чите, который осуществляет подготовку специалистов по перечню наиболее востребованных специальностей для Забайкальской железной дороги и других предприятий Забайкальского края. В ходе исследования методами анкетирования, наблюдения, беседы мы выявили знания студентов о толерантности, проанализировали уровень межличностной толерантности в студенческой среде. В нашем исследовании отбор респондентов осуществлялся методом гнездовой (кластерной) выборки. Размером гнезда мы определили учебную группу. Группы были отобраны случайным образом, внутри которых был проведен сплошной опрос. Объем выборочной совокупности рассчитывался с учётом доверительного интервала, доверительной вероятности и объема генеральной совокупности. Объем выборки при доверительной вероятности (уровне надежности) 95 %, ошибке выборки 5 % и генеральной совокупности в 1 192 студента, составил 120 респондентов, студенты 1–4 курсов. Среди опрошенных: мужчин – 40 %, женщин – 60 %. Возрастная структура респондентов: от 16 до 19 лет – 66,5 %, 20–21 лет – 33,3 %. Национальность: русские – 93,3 %, буряты – 6,6 %; есть в группах армяне, украинцы.

По результатам социологического опроса, студенты ЗаБИЖТа знают содержание понятия «толерантность» и готовы к толерантному взаимодействию. По мнению опрошенных, толерантность – это «уважительное отношение к чужому образу жизни, поведению, обычаям и т. д.» – 83,3 %. Большинство респондентов (71,7 %) знают, что равенство всех людей, независимо от пола, расы, национальности закреплены в Конституции РФ.

На основании проанализированного теоретического материала была описана

структура толерантности. Один из блоков анкеты был направлен на изучение межнациональной толерантности. Анкета содержала вопросы, касающиеся отношения студентов к представителям разных национальностей. На вопрос «Испытываете ли вы неприязнь к людям другой национальности?» респонденты ответили, что «не испытывают» – 77,5 %. Данное отношение респондентов к представителям различных наций говорит о том, что молодые люди относятся к любому человеку с позиции равенства. Большинство респондентов «в друзьях» имеет людей других национальностей. Это подтверждено ответом на вопрос: «Есть ли среди ваших близких друзей люди других национальностей?». Ответили, что «да, конечно» – 70,8 %. «Испытывают неприязнь» – 10 %, поясняя это тем, что «не нравится их внешность, манера поведения, черты характера» – 9,8 % и 2 % – «эти люди нарушают законы и нормы поведения».

Респондентам был задан вопрос: «Готовы ли вы взаимодействовать с представителями других наций в определенных ситуациях?». Он был направлен на исследование уровня готовности к толерантному взаимодействию. Был выявлен высокий результат готовности, что выражается в следующих ответах: «пригласить в гости» – 43,7 %, «работать с ними в одной группе» – 52,9 %, «проводить с ними свободное время» – 33,6 % (с долей сдержанности), «поддерживать их, когда их несправедливо критикуют представители моего народа» – 43,7 %.

На вопрос: «Вы сталкивались со случаями унижения достоинства человека из-за его национальности или вероисповедания?» большинство респондентов ответило «да, слышал от знакомых» и «да, видел по телевизору» – 42,5 %, «да, наблюдал лично» – 18,3 %, «нет, не сталкивался» – 16,7 %. В анкету был введен контрольный вопрос, который выявляет степень осведомленности о проявлениях нетерпимости в современном обществе. Различные виды проявления нетерпимости «не встречали» 45,8 % и встречали 54,2 % респондентов в виде: распространения фашистской символики в виде листовок, плакатов, надписей; митингов, сборов и др. публичных выступлений националистов, фашистов; прямого физического насилия (избиение и т. д.).

При возникновении конфликтной ситуации 43,1 % респондентов «выслушивают мнение противника и стараются «сгладить» конфликт», но в тоже время 32,8 % «отстаивают свою точку зрения и не принимают точку зрения противника». Таким образом, видим, что при взаимодействии респонденты сначала оценивают ситуацию, а потом принимают те или иные формы поведения в соответствии со своими индивидуальными характеристиками и при разрешении конфликтных ситуаций большинство стараются быть «миротворцем». Студенты считают необходимым разработку и внедрение образовательных программ в области толерантности для детей и молодежи на региональном и федеральном уровне. Это отмечают 75,8 % респондентов. О наличии работы по воспитанию толерантности студентов в вузе мнение респондентов распределилось следующим образом: «затрагивается тема толерантности на занятиях по гуманитарным наукам» – 25,8 %, «проводятся мероприятия по сплочённости студентов», «проводятся психологические тренинги, консультации, лекции» и «организуется культурно-массовый досуг студентов» – 25,0 % (в совокупности ответов по данным вариантам). Самое не мало важное и противоречивое то, что 25,8 % утверждают, что в вузе такой работы не ведётся, и в тоже время 23,3 % затруднились ответить на данный вопрос. Данное распределение ответов может говорить о том, что в воспитательной работе принимает участие часть студентов-активистов, другие являются лишь объектом этой работы.

В целом гипотеза, выдвинутая в исследовании, нашла подтверждение. Студенты знают, что такое толерантность (83,3 %), но не включают её в перечень приоритетных ценностей (2 %).

В целом студенты характеризуются достаточным уровнем толерантности. Они готовы к общению в поликультурном пространстве, к тому, чтобы с пониманием отнестись к различиям в мировоззрении. Однако существуют и сложности в сфере принятия отличий в нормах поведения и общения. В связи с этим особую ценность представляют ответы студентов на вопрос: «Напишите, как, по вашему мнению, нужно воспитывать национальную толерантность по отношению к другим людям. Что для этого необходимо сделать?».

По мнению респондентов, представляется важным организация адаптационных тренингов не только с русскими студентами, но и студентами смешанных групп, где русские студенты и студенты других национальностей смогут лучше узнать друг друга, наладить диалог и увеличить социальную сеть взаимодействия и взаимопомощи. Подобные мероприятия также позволят выявлять студентов, нуждающихся в дополнительной адаптации, оказывать им необходимую психологическую помощь. Беседы с психологом на тему терпимого отношения к людям, также формируют у студентов уважение к окружающим, способность воспринимать и принимать всех людей одинаково, несмотря на их внешние отличия.

Эффективное формирование толерантности у студентов требует соблюдения определённых педагогических условий: включение ценностных ориентиров толерантности в содержание гуманитарных предметов, систему воспитательной работы, психологическую службу вуза. Оно также предполагает повышение уровня педагогической толерантности у преподавателей, создание и реализацию комплексно-целевой программы формирования толерантности у студентов в вузе.

Большинство ответивших студентов сходится во мнении, что главная роль в воспитании толерантного отношения к людям стоит перед родителями, которые на своём примере должны приучать детей оценивать людей по поступкам, а не по национальному признаку. Также были выдвинуты предложения об организации мероприятий, направленных на воспитание в молодежи этнонациональной толерантности, поддержании взаимоотношений между семьями различных национальностей, знакомству с культурой и традициями других народов. Успешность воспитания толерантной личности студента неразрывно связана с развитием форм толерантности в государстве и обществе. Она не может ограничиться теоретическими программами и декларациями и не может быть сведена только к социокультурным свойствам человека. Все формы толерантности должны найти развитие во всех слоях общества, реализоваться в поведении, образе жизни людей.

Список литературы

1. Толерантность и интолерантность как составляющие современного мира: [сайт]. URL: <http://www.pravmir.ru/tolerantnost-totalerantnos> (дата обращения: 15.02. 2014).
2. Бодрийяр Ж. Соблазн: [сайт]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bodriy/index.php (дата обращения: 15.02. 2014).
3. Декларация принципов толерантности: Двадцать восьмая сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО (25 октября – 16 ноября 1995). Париж: Грааль, 1995 г. 16 с.
4. Глебкин В. В. На пути к толерантному сознанию. М.: Смысл, 2000. 255 с.
5. Кон И. С. В поисках себя М.: Политиздат, 1984. 335 с.
6. Краткий словарь современных понятий и терминов. М.: Наука, 1993.480 с.
7. Малый энциклопедический словарь / Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефронь. (СПб): Типография акц. общ. «Издательское дело», Брокгауз-Ефронь. 1907. 2177 стб.
8. Песоцкий Андрей. Толерантность и милосердие: [сайт]. URL: <http://pesotskiy.livejournal.com/28987.html> (дата обращения: 15.02.2014).
9. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин [и др.]; под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. С. 328.
10. Уолцер М. О терпимости / пер. с англ. М.: Идея-Пресс. Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с.

Referensec

1. Tolerantnost' i intolerantnost' kak sostavlyayushchie sovremennogo mira: [sait]. URL: <http://www.pravmir.ru/tolerantnost-totalerantnos> (data obrashcheniya: 15.02. 2014).
2. Bodriiyar Zh. Soblazn: [sait]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bodriy/index.php (data obrashcheniya: 15.02. 2014).
3. Deklaratsiya printsipov tolerantnosti: Dvadsat' vos'maya sessiya General'noi konferentsii YuNESKO (25 oktyabrya –16 noyabrya 1995). Parizh: Graal', 1995 g. 16 s.
4. Glebkin V. V. Na puti k tolerantnomu soznaniyu. M.: Smysl, 2000. 255 s.
5. Kon I. S. V poiskakh sebya M.: Politizdat, 1984. 335 s.
6. Kratkii slovar' sovremennykh ponyatii i terminov. M.: Nauka, 1993.480 s.
7. Malyi entsiklopedicheskii slovar' / Izdateli F. A. Brokgauz» (Leiptsig»), I. A.Efron». (SPb): Tipografiya akts. obshch. «Izdatel'skoe delo», Brok-gauz»-Efron». 1907. 2177 stb.
8. Pesotskii Andrei. Tolerantnost' i miloserdie: [sait]. URL: <http://pesotskiy.livejournal.com/28987.html> (data obrashcheniya: 15.02.2014).
9. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / sost. V. V. Vinogradov, G. O. Vinokur, B. A. Larin [i dr.]; pod red. D. N. Ushakova.M.: Russkie slovori, 1994. S. 328.
10. Uoltser M. O terpimosti / per. s angl. M.: Ideya-Press. Dom intellektual'noi knigi, 2000. 160 s.

Статья поступила в редакцию 27.03.2014

УДК 364.044.24(470)
ББК 60.991.3

Максим Александрович Костенко,
кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет
(656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61)
e-mail: kma-75@mail.ru

**Семейно ориентированная социальная поддержка:
институционализация инновационных практик
в российской системе защиты детства**

Статья посвящена исследованию проблем институционализации инновационных практик помощи семьям и детям в трудной жизненной ситуации. Представлен результат анализа данных социологического исследования, включающего экспертный опрос специалистов и руководителей системы социального обслуживания населения, анализ официальных отчётных документов органов исполнительной власти субъектов РФ (56 регионов), федеральных и региональных нормативных правовых актов в сфере защиты детей, проведённого в 2013 году. Исследование было посвящено выявлению наиболее эффективных инновационных региональных и муниципальных практик и отдельных инициатив социальной поддержки детей и семей в трудной жизненной ситуации, обобщению результатов реализации данных практик, а также разработке модели организации социальной поддержки детей и семей в трудной жизненной ситуации.

В статье представлены результаты концептуального анализа развивающегося в России семейно ориентированного подхода в организации социальной помощи детям с высоким риском утраты родительского попечения; определена система основных понятий, характеризующих описание практической деятельности по социальной поддержке детей и семей в трудной жизненной ситуации (раннее выявление и ранняя помощь) и в социально опасном положении; описаны механизмы нормативно-правового закрепления деятельности субъектов профилактики в отношении семей в социально опасном положении и способы их дальнейшей оптимизации.

Рассматриваются основные факторы возникновения семейного неблагополучия как социального феномена. Проанализированы механизмы возникновения и воспроизводства семейных дисфункциональных отношений. Особое внимание уделяется социологическому анализу социального процесса утраты родительской заботы в отношении несовершеннолетнего, формированию модели неэффективного родительства. На основе социологического анализа автором предлагается модель семейно ориентированной социальной поддержки семьи с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации.

Ключевые слова: семейное неблагополучие, утрата родительского попечения, неэффективное родительство, семейно ориентированная социальная поддержка, семейный кризис.

Maksim Aleksandrovich Kostenko,
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Altai State University
(61 Lenin Av., Barnaul, Russia, 656049)
e-mail: kma-75@mail.ru

**Family Based Social Support: the Institutionalization of Innovative Practices
in the Russian System of Child Protection**

The article is devoted to the problem of institutionalization of innovative help practices to families and children in crisis. The author presents the results of the data analysis of sociological research (2013), including a survey of experts of social service, the analysis of official documents of the Regional Government (56 regions), also Federal and regional normative legal acts in the sphere of children protection. The study aims to identify the most effective and innovative regional and municipal practices and individual initiatives of social support to families and children in difficult life situation (crisis), generalization of the results of the implementation of these practices, and develop a model of organization of social support to families and children in difficult life situations. The article presents the results of the conceptual analysis developing Russia family-oriented approach in the organization of social assistance to children with a high risk of losing parental care; the system of basic notions characterizing the description of practical activities on social support to families and children in difficult life situation (early detection and early assistance) and

in a socially dangerous situation; describes the mechanisms of the regulatory-legal framework of the subjects activity of prevention against families in socially dangerous situation and ways of their further optimization. The article presents the main factors of family disadvantages as a social phenomenon. The author analyzes the mechanisms of occurrence and reproduction of dysfunctional family relationships. Particular attention is paid to sociological analysis of the social process and the loss of parental care in relation to a minor person, forming patterns of ineffective parenting. On the basis of sociological analysis the author proposes a model of family-oriented social support to families with children, being in a difficult life situation (family crisis).

Keywords: family disadvantages, loss of parental care, ineffective parenting, family-oriented social support, family crisis.

Определяющим фактором благополучия или неблагополучия ребёнка является семья как естественная среда его существования и воспитания. Преломляясь через качество семейной ситуации, социально-экономические условия жизни оказывают опосредованное влияние на развитие ребёнка. Культурные и социальные нормы, характеризующие качество семейного окружения и семейных отношений, значительно больше, чем экономические факторы, определяют состояние семейного благополучия.

Семья является сложным социально-психологическим образованием, структура и функции которого в настоящее время продолжают претерпевать существенные изменения. Возможно этим объясняется отсутствие юридического определения понятия «семья» в российском национальном законодательстве: вместо определения семьи в практике используются отношения родства. Отсюда оценку эффективности функционирования семьи как социального института сложно вести в категориях формального права, но возможно реализовать, если рассматривать пространство семьи как оптимальную среду для воспитания ребёнка, адекватную его нуждам и потребностям.

Очевидно, что важнейшей социальной функцией семьи как социального института является рождение и воспитание детей. Центром обеспечения благополучия детей являются родители и хорошие условия для семейного воспитания детей. Семейное неблагополучие должно стать государственной потребностью для защиты его нужд, потребностей и наилучших интересов. Оно связано с проблемами здоровья детей или родителей, трудностями адаптации в детском коллективе, бедностью семей или отсутствием внимания и заботы о детях в семье и т. д. Для формирования психологически здоровой личности ребёнок должен

воспитываться в комфортной семейной атмосфере, поскольку утрата эмоциональных связей с матерью или лицом, её замещающим, приводит к целому ряду нарушений психологического поведения. Так, дети, проживающие в учреждениях, демонстрируют более низкие результаты интеллектуального развития, физического и психического здоровья, формирования привязанности к другим людям.

Таким образом, если рассматривать социальный запрос на воспроизводство потомства и заботу о нём как главное требование к семье, то, с этой точки зрения функциональность или дисфункциональность семьи можно оценивать именно с позиции её способности создавать благоприятные условия для воспитания и развития детей. По мнению Г. Сабитовой, семейное неблагополучие, дисфункциональность семьи, проявляющиеся в неспособности семьи качественно выполнять возложенные на неё функции, а в контексте детского неблагополучия – возложенные на неё обязанности по воспитанию и социализации детей. Автор выделяет две основные формы семейного неблагополучия: открытая (явная) форма неблагополучия – социально опасное положение, трудная жизненная ситуация и скрытая форма неблагополучия – группа риска, социально неустойчивое положение, социальная уязвимость. Благополучные семьи успешно справляются со своими функциями и практически не нуждаются в профессиональной поддержке [5, с. 13–20].

Нарушение воспитательной (социализирующей) функции семьи приводит к возникновению у детей широкого спектра нарушений социально-психологического характера. Среди них, преобладают низкая социальная компетентность; трудности в отношениях со сверстниками и взрослыми; неспособность к сотрудничеству с окружающими; низкая самооценка; высокая агрессивность; импульсивность; повышенный

риск девиантного поведения; повышенный риск развития эмоциональных нарушений; ранняя сепарация, начало самостоятельной жизни и раннее вступление в брак; повышенный риск нарушений семейных взаимоотношений; трудности установления стабильных близких отношений; низкая родительская эффективность в собственной семье [4, с. 38–42].

В первую очередь, стоит отметить психологические и поведенческие нарушения, вызванные «неэффективным родителем», поскольку именно они лежат в основе механизма социального воспроизводства дисфункциональных семейных отношений и семейного насилия. Характер и выраженность других последствий, сказывающихся на формировании личности ребёнка в результате проживания в дисфункциональной семье, в значительной мере зависит от его возраста – чем младше ребёнок, тем меньше у него способов совладания с негативными переживаниями, и, как следствие, выше вероятность появления симптомов неблагополучия. Следовательно, семейное неблагополучие оказывает отрицательное, разрушительное, десоциализирующее влияние на формирование личности ребёнка, следствием чего являются ранние поведенческие отклонения [2, с. 113–120].

Семейное неблагополучие порождает массу проблем в развитии детей, их поведении, образе жизни, приводит к нарушению ценностных ориентации и угрожает жизни и здоровью детей. Факторы семейного неблагополучия по-прежнему являются основными для лишения детей родительского попечения вследствие продолжительной эскалации семейных проблем или распада семейных связей [1, с. 12–15].

Попадая в интернатное учреждение, дети уже имеют опыт влияния факторов, связанных с социальным исключением. Само размещение в учреждении воспринимается ими как ситуация социального исключения: они испытывают разрыв с семьёй, школой, сообществом. Помещение в интернатное учреждение, как правило, приводит к ещё большему ослаблению этих связей. В абсолютном большинстве российских интернатных учреждений связь ребёнка с семьёй не сохраняется, т. к. традиционная модель деятельности интернатного учреждения не предполагает поддержания контактов с семьями своих воспитанников.

До настоящего времени в системе поддержки семей в трудной жизненной ситуации доминирует принцип сепарации ребёнка от семьи для оказания ему помощи, остается неразвитой инфраструктура услуг для семьи на территории её проживания. Существующая модель работы ориентирована не столько на профилактическую работу с проблемными семьями, сколько на смягчение и корректировку последствий социального сиротства. Вместе с тем, постепенно ситуация начинает меняться, в российских регионах появляются различные институциональные структуры, призванные осуществлять подобную профилактическую работу, но эта практика находится в стадии становления и сталкивается с рядом проблем как организационного, так и «идеологического» порядка. Этот процесс в разных регионах имеет разные темпы и проявляется в различных формах [6, с. 8–12].

По-прежнему стандартный сценарий социального исключения неблагополучной семьи с детьми – накопление социально-экономических, социально-правовых и психолого-педагогических проблем подобно «снежному кому». Для этой категории семей важно не упустить драгоценное время, когда они ещё сравнительно легко могут вернуться к нормальной жизни. Фокусировка внимания социальных служб на проблемах раннего выявления проблемных семей способна в корне переломить ситуацию роста числа социальных сирот [7, с. 277–290]. Такой подход, как приоритетность сохранения кровной семьи при решении судьбы ребёнка при организации ему помощи носит название семейно ориентированной стратегии поддержки семьи и детей.

Обязательное требование реализации семейно ориентированной стратегии – необходимость последовательного предоставления помощи родителям при семейном неблагополучии и применения возможных мер воздействия на них в зависимости от строгости санкций. Иными словами, установление обязательной для исполнения очередности применения мер воздействия: ограничение дееспособности родителя в случае его злоупотребления алкоголем, ограничение родительских прав (при необходимости), лишение родительских прав (как самая крайняя мера воздействия). При этом на всех указанных этапах с родителем

(родителями) должна вестись профилактическая, реабилитационно-коррекционная работа по восстановлению семьи и заботы о ребёнке [3, с. 103–106].

Инновационность семейно ориентированного подхода к работе с семейным неблагополучием заключается в учёте и признании значимости потребностей самой семьи, нуждающейся в помощи, природу возникающих в ней проблем для ребёнка и потенциал собственных возможностей и ресурсов семей.

Основные принципы семейно ориентированной стратегии социальной поддержки можно сформулировать следующим образом:

- качество отношений между детьми и их родителями важнее материальных условий проживания семьи;

- для улучшения качества родительско-детских отношений, ребёнок и родители должны проживать вместе;

- иногда, когда дети подвергаются опасности, они не могут проживать вместе с родителями, но обычно, при условии наличия правильной помощи, они могут продолжать проживать вместе с родителями, даже когда ситуация в семье не идеальная;

- семьи в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении остро нуждаются в профессиональной помощи, активной и продолжительной поддержке со стороны специалистов;

- родители, ведущие социально неодобряемый образ жизни, не всегда осознанно понимают, что им нужна профессиональная помощь и подходят к принятию этой помощи с сопротивлением, не желая изменений в своей жизненной ситуации;

- если семья идёт на контакт и готова к изменениям, требуется очень длительный период для её всесторонней реабилитации и восстановления, поддержание тесного взаимообусловленного контакта и осуществление планового индивидуального патронажа семьи – это основные механизмы взаимодействия специалиста и семьи;

- вовлечение детей и родителей в планирование профессиональной помощи и её реализации значительно повышают качество и эффективность такой помощи.

Семейное неблагополучие рассматривается как комплексный социальный феномен, переживаемый семьёй в целом и каждым её членом в отдельности, как кризисный этап развития. Это период в жизни

семьи, когда усиление внутреннего и/или внешнего стресса нарушает нормальный жизненный цикл и привычное состояние баланса семьи с социальной средой, когда возрастает риск насилия в семье, жестокого обращения и нарушения прав ребёнка. Степень, в которой семья подвержена кризису, определяется тремя переменными факторами: интенсивностью стресса, переживаемым семьёй, восприятием стрессовой ситуации родителями и наличием у семьи возможности и желания прибегнуть к профессиональной помощи со стороны с целью разрешения стрессовой ситуации. На определённом этапе кризиса у семьи недостаточно механизмов и собственных ресурсов справиться с трудной жизненной ситуацией: нагрузка и требования от внешней социальной среды такие высокие, что имеющиеся привычная стратегия совладания с жизненными трудностями становится не эффективной. Именно в такой ситуации ребёнок становится объектом депривации негативных чувств родителей и ближайшего окружения. Чем глубже семейный кризис, тем больше в семье страдает ребёнок, и тем вероятнее, что его права нарушаются, выше становится риск социального сиротства и меньше ресурсный потенциал самой семьи [3, с. 33–35].

Семьи проходят разные стадии кризиса, прежде чем становятся маргинальными, хронически пьющими, не работающими. Любая семья, прежде чем характеризоваться как семья, находящаяся в социально опасном положении, переживает стадию проблемной семьи, потом – раннюю стадию кризиса, позднюю стадию кризиса и только потом переходит в хроническое состояние жизнедеятельности семьи. Каждая семья начинает с того, что проходит стадию, на которой у неё возникают проблемы нормативного (рождение ребёнка, смерть члена семьи, взросление детей и проч.) и ненормативного характера (развод, алкоголизм, насилие и проч.). Если семья, переживая подобный кризис, не смогла преодолеть жизненные трудности самостоятельно и ей не была своевременно предложена профессиональная помощь, то кризис будет усугубляться и может привести к семейному неблагополучию. У такой «ослабленной» семьи не хватает внутренних ресурсов для решения всё новых и новых проблем и через какое-

то время, когда уже нарушаются интересы и права ребенка, органы опеки и попечительства ставят вопрос о необходимости отобрать детей, т. к. дальнейшее проживание представляет угрозу их жизни или здоровью. Чем дольше семья находится в кризисе, тем меньше её потенциал для восстановления, реабилитации и тем больший объём усилий необходим для того, чтобы помочь ей, чтобы она преодолела свой кризис. Это не только реабилитационные, но и финансовые усилия, которые необходимы, чтобы вывести семью из кризиса.

По мере развития семейного неблагополучия уменьшается реабилитационный потенциал родителей (возможность семьи обеспечивать ребёнка, соблюдать его права), он выше на проблемной стадии и катастрофически уменьшается к стадии хронического кризиса. Если в проблемной семье родители знают актуальные потребности ребёнка и способны их адекватно удовлетворять, то на хронической стадии родители не считаются с основными потребностями ребёнка. Они требуют от него взрослого поведения, часто наказывают, применяют неадекватные воспитательные меры по отношению к ребёнку и т. д. Кроме того, чем дольше длится семейный кризис, тем жестче родители начинают обращаться со своими детьми и жестокое обращение нарастает как качественно (от психологического давления до физических наказаний), так и количественно (инциденты насилия проявляются всё чаще и интенсивнее). В проблемной семье родители способны сами нормализовать жизнь семьи при поддержке специалистов. На поздней стадии кризиса родители уже не могут выполнять то, что вместе со специалистами они планируют, поэтому в данном случае часто применяется ограничение в родительских правах (или лишение).

Редукция (снижение) ответственности за жизнь, здоровье и развитие ребёнка напрямую влияет на рост необходимости вмешательства государства для защиты прав ребёнка: чем меньше ответственность семьи за ребёнка, тем больше государству приходится оказывать помощь семье для того, чтобы защитить права ребёнка. Соответственно, растёт потребность в объёме услуг, который государство должно предоставлять семьям в трудной жизненной ситуации, и их стоимость. Если проблемная семья нуждается в основном

в консультативных услугах, таких как телефон доверия, кризисная служба, психологическая консультация для семьи, а так же в клубных, средовых формах помощи (различного вида клубы для семей: для молодой семьи, для семьи с маленькими детьми, кризисной семьи и т. д.). Для семей же на ранней стадии кризиса уже необходимы услуги учреждений, центров по диагностике и консультированию. Кроме того, нужны группы дневного пребывания в социально реабилитационных центрах, приютах, т. е. полустационарные услуги. На стадии хронического кризиса государство вынуждено отбирать детей и помещать их в дома ребёнка, детские дома, школы-интернаты и стационарные группы, которые появляются в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних и в приютах. Расходы государства увеличиваются, когда идёт работа с семьями на хронической стадии кризиса, поскольку стационарная и полустационарная формы помощи гораздо дороже, чем формы консультативные, клубные и формы сопровождения и патронажа [5, с. 28–33].

Таким образом, очевидно, что ключевая проблема в реализации семейно-ориентированного подхода – выявление семей на ранних стадиях кризиса в общей группе неблагополучных семей, поскольку работа с такой семьёй позволит избежать расходов, которыми перегружена российская система защиты детства. Если поддерживать только семьи, находящиеся в социально опасном положении, то их численность никогда не уменьшится, они будут прибывать вновь за счёт «пропущенных» семей на ранней стадии семейного неблагополучия.

Ещё одним важным положением семейно ориентированного подхода является понимание качества и условий организации помощи и поддержки семьям в трудной жизненной ситуации и/или социально опасном положении, помощи или лечения вне выстраивания особых «помогающих» отношений [2, с. 43–44].

Семья – не механическое скопление совместно проживающих взрослых и детей, а сложно устроенная система, поэтому для получения качественно значимых изменений в семейной системе необходимо уделить максимум внимания качеству условий организации и предоставления услуг семьям с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации через уста-

новление контакта и уважительных (помогающих) отношений с семьёй, обсуждение необходимости внешнего вмешательства в решение семейных проблем, совместное с членами семьи (включая детей) планирование процесса помощи и отслеживание его реализации, постоянные контакты с членами семьи в отдельности и семьёй в целом и т. д.

Практика показывает, что семьи группы риска по социальному сиротству, в силу своих особенностей, не мотивированы обращаться за услугами, не привержены к их систематическому получению. Поэтому реабилитационный процесс включает не только предоставление семье набора отдельных услуг, но и действия, обуславливающие эффективность этих услуг. К таким действиям относится качество отношений между специалистами и получателями услуг (доверие, эмпатия, принятие ситуации клиента, вера в улучшение ситуации и проч.), обеспечение постоянства контактов для семьи («доверенный специалист»: куратор, тьютор и проч.), межведомственный и межсекторальный характер решения проблем семьи, планирование помощи и постоянный мониторинг реализации плана и т. д. [5, с. 15].

Таким образом, очевидно, что задача раннего выявления семейного неблагополучия и организация качественного эффективного процесса помощи семьям в трудной жизненной ситуации и/или социально опасном положении в настоящее время наиболее актуальна. Представляется, что её решение сократит число вновь выявляемых детей, остающихся без попечения родителей. Для решения этой задачи необходимо:

– наладить систему раннего выявления фактов семейного неблагополучия, поэтому кроме заявительного принципа, который применяется в системе социальной защиты населения, необходимо ввести выявительный принцип, поскольку социально неблагополучные семьи, в том числе семьи, где есть жестокое обращение, редко сами обращаются за помощью;

– разработать и внедрить единую межведомственную технологию помощи семьям с детьми и развить комплексную систему их реабилитации, базирующуюся на непреложных принципах вовлечения самих семей в планирование и оценку предлагаемой помощи, а также обязательный учёт специфики и индивидуальности каждой ситуации семейного неблагополучия.

Список литературы

1. Костенко М. А. Опыт работы служб субъектов Российской Федерации по оказанию помощи детям и подросткам в случаях жестокого обращения и осуществлению реабилитационных мероприятий с детьми, пострадавшими от жестокого обращения. М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2011. 112 с.
2. Кузьмина З. Г. Справочник по выявлению и оказанию помощи несовершеннолетним, пострадавшим от жестокого обращения и пренебрежения их нуждами. СПб.: Врачи – детям, 2010. 92 с.
3. Райкус Дж. Социально-психологическая помощь семьям и детям групп риска. М.: Эксмо, 2009. 287 с.
4. Роджерс Дж. Гейткипинг. Механизмы контроля на вход в систему социальной защиты детей: теоретическое обоснование и первый опыт. СПб.: Кинт-Принт, 2010. 168 с.
5. Сабитова Г. В. Тенденции и проблемы становления системы социально-педагогической поддержки семей с детьми в России // Социальная педагогика. 2012. № 2. С. 13–20.
6. Cleaver H., Unell I and Aldgate J. Children's Needs-Parenting Capacity: The Impact of Parental Mental Illness, Problem Alcohol and Drug Use, and Domestic Violence on Children's Behaviour, London: The Stationery Office. 1999. P. 254.
7. Geeraert L., Van den Nootgate, Grietens W., Onghena. H. The effects of early prevention programs for families with young children at risk for physical child abuse and neglect: a meta-analysis. Child Maltreatment, 9, 2004. P. 276–297.

References

1. Kostenko M. A. Opyt raboty sluzhby sub"ektov Rossiiskoi Federatsii po okazaniyu pomoshchi detyam i podrostkam v sluchayakh zhestokogo obrashcheniya i osushchestvleniyu reabilitatsionnykh meropriyatii s det'mi, postradavshimi ot zhestokogo obrashcheniya. M.: Fond podderzhki detei, nakhodyashchikhsya v trudnoi zhiznennoi situatsii, 2011. 112 s.

2. Kuz'mina Z. G. Spravochnik po vyyavleniyu i okazaniyu pomoshchi nesovershennoletnim, postradavshim ot zhestokogo obrashcheniya i prenebrezheniya ikh nuzhdami. SPb.: Vrachy – detyam, 2010. 92 s.
3. Raikus Dzh. Sotsial'no-psikhologicheskaya pomoshch' sem'yam i detyam grupp riska. M.: Eksmo, 2009. 287 s.
4. Rodzhers Dzh. Geitkiping. Mekhanizmy kontrolya na vkhod v sistemu sotsial'noi zashchity detei: teoreticheskoe obosnovanie i pervyi opyt. SPb.: Kint-Print, 2010. 168 s.
5. Sabitova G. V. Tendentsii i problemy stanovleniya sistemy sotsial'no-pedagogicheskoi podderzhki semei s det'mi v Rossii // Sotsial'naya pedagogika. 2012. № 2. S. 13–20.
6. Cleaver H., Unell I and Aldgate J. Children's Needs-Parenting Capacity: The Impact of Parental Mental Illness, Problem Alcohol and Drug Use, and Domestic Violence on Children's Behaviour, London: The Stationery Office. 1999. P. 254.
7. Geeraert L., Van den Nootgate, Grietens W., Onghena. H. The effects of early prevention programs for families with young children at risk for physical child abuse and neglect: a meta-analysis. Child Maltreatment, 9, 2004. P. 276–297.

Статья поступила в редакцию 20.02.2014

УДК 316.32
ББК 60.560

Марина Борисовна Лига¹,
доктор социологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30)
e-mail: m-Liga@inbox.ru

Ирина Анатольевна Щеткина,
кандидат социологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30)
e-mail: irinasocio@mail.ru

Мария Сергеевна Томских,
магистрант,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30)
e-mail: zloy-udav@mail.ru

Обеспечение социальной безопасности через достижение достойного качества жизни²

В статье даётся анализ качества жизни как фактора, влияющего на состояние социальной безопасности социума. Выявляются связи между качеством жизни и социальной безопасностью. Анализируются результаты социологического исследования «Оценка мнения населения о состоянии межнациональных отношений как индикатора социальной безопасности в Забайкальском крае». Даётся определение социальной безопасности, качества жизни. Социальная безопасность понимается как такое состояние социума, при котором обеспечена защита личности, социальных групп, общества в целом от угроз, рисков, исходящих от деятельности человека в социальной, экономической, экологической и др. сферах жизнедеятельности. Качество жизни трактуется как удовлетворённость/неудовлетворённость реализацией своих потребностей. Оценка качества жизни осуществляется через такие индикаторы как: уровень своего материального достатка, удовлетворённость профессией, отношениями в семье, здоровьем, жильём, жизнью в целом, ситуацией в России, месте проживания. На основании полученных данных по результатам исследования в социальной структуре Забайкальского края выделены четыре кластера.

Ключевые слова: качество жизни, социальная безопасность, удовлетворённость, кластер, здоровье, профессия, семья.

Marina Borisovna Liga³,
Doctor of Sociology, Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: m-Liga@inbox.ru

Irina Anatolyevna Shchetkina,
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: irinasocio@mail.ru

Maria Sergeevna Tomskikh,
Graduate Student,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: zloy-udav@mail.ru

Social Security Providing through the Achievement of good quality of life⁴

The article analyzes the quality of life as a factor affecting the state of the social security society. Identified the link between quality of life and social security. The results of sociological research "Evaluation of public opinion on the state of international relations as an indicator of so-

¹**М. Б. Лига** – основной автор, является организатором теоретического исследования.

²Работа выполнена в рамках реализации гранта ФГБОУ «Забайкальский государственный университет» по теме «Реинжиниринг в управлении качеством жизни»; в рамках гранта на предоставление субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям Забайкальского края.

³**М. В. Лига** is the main author, the organizer of theoretical research.

⁴The research is performed within the project of FSBEI "Transbaikal State University" on the topic "Reengineering in managing the quality of life"; within the project of grants assignment to socially-oriented non-profit organizations of Zabaikalsky Krai.

cial security in the Trans-Baikal region". Provides a definition of social security, the quality of life. Social security is understood as a state of society in which ensured protection of the individual, social groups and society as a whole, from threats, risks posed by human activities in the social, economic, environmental and other spheres of life. Quality of life is treated as a satisfaction / dissatisfaction with the implementation of its requirement. Assessment of quality of life through indicators such as the level of its material prosperity, contentment profession, family relations, health, housing, life in general, the situation in Russia, the place of residence. Based on the findings of the study in the social structure of the Trans-Baikal Territory identified four clusters.

Keywords: quality of life, social security, satisfaction, cluster, health, profession, family.

В условиях изменения движущих сил развития общества, становления новой парадигмы общественного развития, превращения знания в решающий фактор становления цивилизации XXI в. важным становится защита прав, свобод, интересов личности во всех сферах жизнедеятельности. Целью такой защиты должно стать создание нормальных условий жизни и деятельности населения, обеспечения социальной безопасности и устойчивого социального развития, достижение полного соответствия параметрам современного социального государства. С другой стороны, возрастают угрозы и риски социальной безопасности личности и общества. Многие учёные (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман и др.) называют современное общество «обществом риска». Э. Гидденс вводит понятие «человек риска». По его мнению, «человек риска» – это человек, живущий в условиях современного общества, созданного им самим, где возрастают угрозы его жизнедеятельности, растёт число рисков, которыми человек оказывается не в состоянии управлять. Обеспечение социальной безопасности современного российского общества определяется следующими причинами:

- во-первых, изменением роли и значимости личности в реализации стратегий развития общества, превращением знания, интеллекта в решающий фактор социальной динамики;

- во-вторых, ростом различных рисков и угроз;

- в-третьих, увеличивающейся массовой бедностью населения, детерминированной накоплением богатства на одном полюсе и отсутствием средств для нормальной жизнедеятельности на другом, что значительно осложняет решение проблем социальной безопасности граждан путём самозащиты;

- в-четвёртых, значимостью разработки и внедрения в социальную практику инновационных технологий обеспечения социальной безопасности;

- в-пятых, глобализационными процессами современности, их влиянием на экономическую, финансовую и социально-бытовую сферы российского общества, что заметно осложняет решение задач социальной защищённости, безопасности населения и устойчивого развития России.

Важным становится и обеспечение региональной социальной безопасности, которая имеет свое экономическое, политическое, социально-бытовое, духовно-культурное, информационное и социально-экологическое содержание, детерминированное уровнем жизни, экологической обстановкой, географическим положением.

Всё это актуализирует необходимость обращения к исследованию проблем социальной безопасности, технологиям её обеспечения, индикаторам оценки состояния, взаимосвязи с экономической, продовольственной, экологической, национальной и другими видами безопасности. «Социальная безопасность понимается как деятельность личности, направленная на воспроизводство и совершенствование своей индивидуальной и социальной субъектности в исторически конкретном жизненном пространстве и в рамках взаимозависимости людей по поводу их жизненного пространства, выражающаяся в первичных, базовых социальных отношениях владения, пользования, распоряжения и распределения, потребления и присвоения во всех основных сферах жизнедеятельности общества: в экономике – по поводу собственности, в политике – по поводу власти, в социально-бытовой сфере – по поводу условий жизни в семье, микрогруппе, в социально-экологической сфере – по поводу воспроизводства экологических ресурсов региона проживания; в сфере духовно-практической – по поводу производства и потребления ценностей духовной культуры, что, в конечном счёте, и обуславливает повышение качества жизни в современном обществе» [2, с. 139].

Представители школы «Социология качества жизни» под руководством доктора социологических наук, профессора Забайкальского государственного университета М. Б. Лига, отмечают, что интегральным индикатором всех процессов, происходящих в современном социуме, является качество жизни [2; 3; 4; 5]. Качество жизни, по мнению, представителей данной школы, – это оценка личностью уровня реализации своих потребностей, удовлетворённость (неудовлетворённость) своей социальной и индивидуальной субъектностью, детерминированной жизненной стратегией индивида, социальной политикой государства. Качество жизни тесно связано с состоянием социальной безопасности. Высокий уровень социальной безопасности способствует обеспечению достойного качества жизни, и наоборот.

Экономической основой качества жизни является уровень жизни, который формируется на основе объективных данных. Однако значительная роль в оценке уровня жизни принадлежит субъективным факторам. Оценка уровня жизни самим субъектом не всегда совпадает с объективными данными статистики. В современной научной литературе в структуре уровня жизни выделяют три подуровня: первый – обеспеченность товарами и услугами; второй – развитие основных потребностей человека; третий – удовлетворение потребностей. В зависимости от степени удовлетворения этих потребностей выделяют четыре уровня жизни населения: до-

статок (пользование благами, обеспечивающими всестороннее развитие человека); нормальный уровень (рациональное потребление по научно обоснованным нормам, обеспечивающее человеку восстановление его физических и интеллектуальных сил); бедность (потребление благ на уровне сохранения работоспособности как нижней границы воспроизводства рабочей силы); нищета (минимально допустимый по биологическим критериям набор благ и услуг, потребление которых лишь позволяет поддерживать жизнеспособность человека) [3].

В 2014 г. Институтом социально-гуманитарных проблем ЗабГУ в рамках предоставления субсидий социально ориентированным некоммерческим организациям Забайкальского края было проведено исследование «Оценка мнения населения о состоянии межнациональных отношений как индикатора социальной безопасности в Забайкальском крае». Отдельные вопросы данного исследования были использованы для оценки качества жизни населения Забайкальского края.

Оцените уровень своего материального достатка – как Вы живёте?

Большая часть респондентов (68,2 %) оценивает свой уровень жизни как средний; 13,9 % бедный; 10,9 % как обеспеченный; 4,4 % как очень бедный; 0,8 % оценивают свой материальный достаток как очень хороший; 2,7 % либо затруднились дать оценку своему благополучию, либо оставили вопрос без ответа.

Таблица 1

Уровень материального благополучия

№	Вариант ответа	2012 г.	2013 г.	2014 г.
1	очень бедно (денег не хватает не только на покупку вещей и одежды, но даже на питание)	4,5 %	4 %	4,4 %
2	бедно (на скромное питание денег ещё хватает, а приобретение одежды и других вещей нет)	17,7 %	20,1 %	13,9 %
3	средне (на питание, одежду, крайне необходимые вещи денег хватает, но на покупку дорогостоящих вещей приходится долго копить)	61,3 %	66,2 %	68,2 %
4	обеспеченно (есть денежные накопления и возможность покупать практически все необходимое для жизни)	9,4 %	7,1 %	10,9 %
5	очень хорошо (не отказываете себе ни в чём, денежные накопления постоянно прирастают)	1,0 %	0,5 %	0,8 %
6	другое	2,0 %	0,6 %	1,8 %
7	нет ответа	4,0 %	2,6 %	0,9 %

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что существенных изменений в оценке респондентами своего уровня жизни за два года не произошло.

Следует обратить внимание на то, что увеличилось количество респондентов, оценивающих свой уровень жизни как средний.

Таким образом, по результатам исследования в социальной структуре Забайкальского края по критерию уровня жизни, можно выделить ряд кластеров. Наиболее значительным кластером является группа респондентов, оценивающих свой уровень жизни как средний (68,2 %). Следующий кластер – это люди, живущие бедно. Представители этого кластера нуждаются в финансах. Денег хватает лишь на скромное питание (13,9 %). Респонденты, которые дали оценку своему уровню жизни как очень бедному, образуют третий кластер в социальной структуре края (4,4 %). Самый малочисленный кластер – люди, имеющий высокий (10,9 %) и элитарный уровень жизни (0,8 %). Респонденты, составившие кластер бедные и очень бедные, обеспечивают свою жизнедеятельность на уровне прожиточного минимума. Прожиточный минимум вводится государством на период кризисного состояния. Однако введённый в Российской Федерации в 90-е гг. XX в., он продолжает существовать и сегодня, являясь показателем определения минимального размера оплаты труда, минимального размера пенсии по старости, размера стипендий, пособий и социальных выплат.

В соответствии с Федеральным законом от 02.12.2013 № 336-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда», минимальный размер оплаты труда составит с 1 января 2014 года 5 554 р. в месяц, что на 349 р. выше МРОТ в 2013 году¹.

В Забайкальском крае на IV квартал 2013 года установлены следующие размеры прожиточного минимума: все население – 7 670,33; трудоспособное население – 8 059,47; пенсионеры – 6 143,39; дети – 6 143,39².

Одним из индикаторов качества жизни является удовлетворённость своей профессией. Удовлетворённость профессией – это оценка индивидом своей профессиональной деятельности, условий её осуществления, соответствие ожиданий результатам. На удовлетворённость профессией оказывают влияние её престижность, характер,

содержание и объём работы; взаимоотношения с начальством, коллегами; оплата труда; уровень интеллектуальных задач, с которыми человек может успешно справляться; психологическая атмосфера; признание и служебное продвижение. 16,0 % опрошенных в ходе социологического исследования оценивают свой уровень удовлетворённости профессией как отличный; 29,6 % – как хороший. В этих группах уровень ожиданий соответствует результатам деятельности. Таким образом, около 45,6 % респондентов полностью удовлетворены своей профессией, работой. 27,3 % участников анкетирования оценивают уровень своей удовлетворённости как средний. 11,1 % и 9,9 % оценивают свою удовлетворённость профессией как ниже среднего и как низкую. Причины такой оценки самые разные: социальные, психологические, экономические. Результаты исследования не выявили специфики удовлетворённости профессией респондентов в зависимости от возраста, образования, вида профессиональной деятельности.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. подчёркивается, что основными целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан являются:

- снижение уровня социального и имущественного неравенства населения;
- стабилизация его численности в среднесрочной перспективе;
- коренное улучшение демографической ситуации в долгосрочной перспективе³ [7].

Повышение качества жизни российских граждан гарантируется путём обеспечения личной безопасности, а также доступности комфортного жилья, высококачественных и безопасных товаров и услуг, достойной оплаты активной трудовой деятельности.

Удовлетворённость жильём является важной стороной человеческой жизни. Именно от качества и количества жилья зависят условия существования людей. Жильё – это форма удовлетворения биологических (сон, отдых, еда, продолжение рода и др.) и социальных (защита от воздействия окружающей природной и социальной среды, обособление и индивидуализация, безопасность, самовыражение,

¹Федеральный закон от 02.12.2013 № 336-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда».

²Постановление Правительства Забайкальского края от 20.02.2014 г. № 82 «Об установлении величины прожиточного минимума в Забайкальском крае за IV квартал 2013 года».

³Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666).

развитие творческих способностей, формирование первичных социальных отношений, воспитание детей и др.) потребностей личности.

Удовлетворённость населения жильём выглядит следующим образом:

Таблица 2
Удовлетворённость населения жильём

№	Вариант ответа	2012 г.	2013 г.	2014 г.
1	низкая	22,1 %	9,7 %	6,9 %
2	ниже среднего	38,0 %	14,4 %	10,9 %
3	средняя	21,8 %	29,4 %	26,9 %
4	высокая	38,0 %	16,2 %	34,4 %
5	очень высокая	22,1 %	28,9 %	20,0 %
6	нет ответа	4,7 %	1,4 %	1,0 %

В распределении, характеризующем удовлетворённость жителей Забайкальского края жильём в 2014 году, преобладают очень высокий (20,0 %) и высокий (34,4 %) уровень удовлетворённости. 26,9 % оценивают свой уровень удовлетворённости как средний. Доля негативных оценок составила 10,9 % (ниже среднего); как низкую оценили свою удовлетворённость 6,9 %. Однако следует отметить, что количество респондентов, оценивающих свою удовлетворённость жильём как «очень высокую» и «высокую», колеблется. Снизилось количество респондентов, которые оценивают свою удовлетворённость как «среднюю». В 2012 г. респондентов, давших оценку удовлетворённости жильём как «очень высокую» и «высокую», было 60,1 %, в 2013 году их количество снизилось и составило 45,1 %, а в 2014 году составило 54,4 %.

Следующим индикатором, оказывающим влияние на качество жизни, являются отношения в семье. Семья решает проблемы социализации и духовного общения, формирования у личности потребности в самоактуализации и самовыражении. Семья формирует чувство безопасности, защищённости.

Результаты эмпирического исследования показывают, что степень удовлетворённости отношениями в семье оценивают как очень высокую 42,2 % респондентов; высокую – 35,5 %; среднюю – 30,6 %; ниже средней – 10,5 %; низкую – 5,3 %.

Среди индикаторов, характеризующих удовлетворённость личности своей жизнью, особое место принадлежит здоровью. Оценка состояния здоровья, как одного из

индикаторов качества жизни, обусловлена демографическими процессами; состоянием экологии; усилением значимости человеческого капитала в жизнедеятельности общества; кризисом рождаемости и дефицитом человеческих ресурсов.

«Здоровье – это биологическое, психическое, социальное и духовное функционирование организма, характеризующееся отсутствием болезненных изменений, позволяющее человеку удовлетворять свои потребности и реализовывать возможности в определённой среде посредством приспособительных и адаптационных механизмов, заложенных в организме» [4, с. 153]. Состояние здоровья населения отражает уровень социально-экономического, культурного развития общества, медицины. На оценку удовлетворённости/неудовлетворённости своим здоровьем оказывают влияние физические, социальные, духовные и психологические факторы. Учёные доказали, что на здоровье человека оказывают воздействие условия и образ жизни (50 %), окружающая среда (20 %), генетические факторы (20 %), уровень развития здравоохранения (10 %).

Таблица 3
Удовлетворённость населения состоянием своего здоровья

№	Вариант ответа	2012 г.	2013 г.	2014 г.
1	низкая	18,1 %	16,3 %	5,3 %
2	ниже среднего	39,9 %	33,3 %	10,5 %
3	средняя	25,9 %	33,7 %	30,6 %
4	высокая	10,4 %	10,9 %	35,8 %
5	очень высокая	7,2 %	4,2 %	16,4 %
6	нет ответа	5,7 %	1,7 %	1,4 %

Следует обратить внимание на то, что большая часть респондентов оценивает свою удовлетворённость здоровьем как «очень высокую» и «высокую». Незначительные изменения в оценке удовлетворённости состоянием здоровья произошли. Уменьшилось количество респондентов, которые оценивают своё здоровье как неудовлетворительное.

Из данных индикаторов складывается оценка условий жизнедеятельности респондентов. Условия жизнедеятельности можно охарактеризовать как жизненное пространство личности. «Жизненное пространство трактуется как среда обитания человека, позволяющая ему так или иначе воспроизводить и совершенствовать свою жизнь, как совокупность

элементов, составляющих естественную и социокультурную основу воспроизводства жизни человека как биопсихосоциального существа» [1].

При оценке удовлетворённости жизнью, различными её сферами были выделены следующие уровни: низкий, ниже среднего, средний, высокий, очень высокий.

Таблица 4
Удовлетворённость здоровьем, жильём, профессией, отношениями в семье, жизнью в целом (2013 г.)

Уровень удовлетворённости	здоровье	жильё	профессия	отношения в семье	жизнь в целом
низкий	4,2 %	9,7 %	12,4 %	1,9 %	3,7 %
ниже среднего	10,9 %	14,4 %	10,7 %	4,6 %	8,9 %
средний	33,7 %	29,4 %	28,5 %	17,0 %	33 %
высокий	33,3 %	28,9 %	25,9 %	32,8 %	35,2 %
очень высокий	16,3 %	16,2 %	17,8 %	42,0 %	17,1 %
нет ответа	1,6 %	1,4 %	4,7 %	1,7 %	2,1 %

Анализируя полученные данные, можно сделать вывод о том, что существует зависимость между оценкой уровня жизни в целом и её отдельных сфер. Низкий уровень удовлетворённостью жизнью в целом детерминируют и низкую удовлетворённость здо-

ровьем, жильём, профессией, отношениями в семье. И, наоборот, высокий и очень высокий уровень удовлетворённости жизнью в целом детерминируют высокую и очень высокую удовлетворённость здоровьем, жильём, профессией, отношениями в семье.

Таблица 5
Удовлетворённость здоровьем, жильём, профессией, отношениями в семье, жизнью в целом (2014 г.)

Уровень удовлетворённости	здоровье	жильё	профессия	отношения в семье	жизнь в целом
низкий	5,3 %	6,9 %	9,9 %	2,7 %	3,6%
ниже среднего	10,5 %	10,9 %	11,1 %	4,0%	7,2 %
средний	30,6 %	26,9%	27,3 %	14,1 %	25,6 %
высокий	35,8 %	34,4 %	29,6 %	35,5 %	43,1 %
очень высокий	16,4 %	20,0 %	16,0 %	42,2 %	18,4%
нет ответа	1,4 %	1,0 %	6,1 %	1,5 %	2,1 %

При анализе взаимосвязи между уровнем жизни и качеством жизни становится очевидным, что между ними существуют различные виды связи. Высокий уровень жизни определяет высокое качество жизни. Низкий уровень жизни определяет и низкое качество жизни. В тоже время высокий уровень жизни может вести к низкому качеству жизни, а низкий уровень жизни к высокому качеству жизни.

Таким образом, большая часть респондентов (61,5 %) оценивает свою удовлетворённость жизнью как «очень высокую» и «высокую». В 2013 г. людей, оценивших свою удовлетворённость как очень высокую и высокую, было 52,3 %. В то же время по-прежнему сохраняется удельный вес населения, неудовлетворённого своей жизни (10,8 %). 25,6 % участников исследования оценивают свою удовлетворённость как среднюю.

Таблица 6
Уровень удовлетворённости жизнью в целом

№	Уровень удовлетворённости	2012 г.	2013 г.	2014 г.
1	низкий	-	3,7 %	3,6 %
2	ниже среднего	9,0 %	8,9 %	7,2 %
3	средний	22,9 %	33,0 %	25,6 %
4	высокий	41,4 %	35,2 %	43,1 %
5	очень высокий	17,2 %	17,1 %	18,4 %
6	нет ответа	9,5 %	2,1 %	2,1 %

Таким образом, становится очевидным, что существенных изменений в оценке удовлетворённостью жизнью в целом не произошло. В 2014 г. количество респондентов, оценивающих свою удовлетворённость как низкую, осталось прежним по сравнению с 2013 г. Уменьшилось количество людей, давших оценку своей удовлетворённости как средней.

Важным детерминантом состояния социальной безопасности является общая ситуация на территории проживания респондента, ситуация в крае, стране в целом. В связи с чем в анкету была включена группа вопросов, позволившая выявить мнения респондентов относительно ситуации в населённом пункте, крае, стране. Ответы на поставленные вопросы представлены в таблице 7.

Таблица 7

Удовлетворённость ситуацией

№	Уровень удовлетворённости	Населённый пункт	Забайкальский край	Россия	Жизнь в целом
1	низкая	12,5 %	13,0 %	16,6 %	3,6 %
2	ниже среднего	18,5 %	20,0 %	19,7 %	7,2 %
3	средняя	37,2 %	40,0 %	37,1 %	25,6 %
4	высокая	25,4 %	22,8 %	21,8 %	43,1 %
5	очень высокая	4,9 %	3,2 %	3,5 %	18,4 %
6	нет ответа	1,5 %	1,0 %	1,3 %	2,1 %

Хотелось бы обратить внимание на то, что оценка удовлетворённости совпадает по всем предложенным объектам (населённый пункт – 37,5 %; Забайкальский край – 40,0 %; Россия – 37,1 %). Около 20,0 %, как и в 2013 году, оценивают свою удовлетворённость существующей ситуацией ниже средней.

Таким образом, как показывает проведённый анализ полученных данных, существуют три кластера в оценке удовлетворённости ситуацией. Первый кластер оценивает свою удовлетворённость как среднюю, что составляет около 20 % респондентов. Второй кластер образуют респонденты, которые оценивают свою удовлетворённость как высокую и очень высокую. Их количество составляет более 20 %. Промежуточное положение между ними занимает кластер, куда вошли респонденты, оценившие свою удовлетворённость как низкую и ниже средней (около 20 %). Причём, оценка удовлетворённости жизнью в целом, у представителей этого кластера значительно ниже оценки удовлетворённости ситуацией. Это связано, как нам представляется, с тем, что данный кластер по-прежнему ориентирован на патерналистскую модель социальной политики, оказывающей поддержку на уровне минимальных стандартов всему населению страны.

Результаты проведённого социологического опроса населения по оценке условий его жизнедеятельности показали, что в целом эта оценка в течение двух лет практически не изменилась.

Интегральным индикатором оценки состояния социальной безопасности является качество жизни как выражение удовлетворённости личностью своей жизнедеятельностью. Высокий уровень качества обеспечивает стабильное состояние социальной безопасности. Стабильное состояние социальной безопасности – состояние социума, при котором обеспечена надёжная и всесторонняя защита личности, общества и государства от воздействия различного рода рисков, исходящих от природной, социальной, технологической реальностей.

При низком уровне качества жизни состояние социальной безопасности характеризуется как социально-опасное.

Исходя из результатов проведённого исследования, состояние социальной безопасности Забайкальского края можно оценить как стабильное. 61,4 % респондентов оценивают свою удовлетворённость жизнью в целом как высокую и очень высокую. Значительно меньшее количество опрошенных людей (36,4 %) дают оценку своей удовлетворённости жизнью как средней, ниже среднего, низкой. В то же время существует достаточно невысокий процент удовлетворённости общей ситуацией в населённом пункте, Забайкальском крае, России среди респондентов, которые достаточно высоко оценивают качество своей жизни. Среди опрошенных респондентов, которые оценивают своё качество жизни как низкое, ниже среднего, высок процент удовлетворённых общей ситуацией в населённом пункте, Забайкальском крае, России.

Список литературы

1. Григорьев С. И., Гусякова Л. Г. Социология в подготовке и деятельности специалиста по социальной работе в России: учеб. пособие для студентов вузов и практических работников. Барнаул: Азбука, 2001. 143с.
2. Лига М. Б. Качество жизни как основа социальной безопасности. М.: Гардарики, 2006. 223 с.
3. Лига М. Б., Щеткина И. А. Методология и методика оценки качества жизни. Чита: ЗабГГПУ, 2011. 138 с.
4. Лига М. Б., Щеткина И. А. Качество жизни: организационно-управленческий аспект. Новосибирск: НАУКА, 2011. 227 с.
5. Лига М. Б., Щеткина И. А., Павлова Н. С. Социальная безопасность молодежи: организационно-управленческое обеспечение. М.: Академия естествознания, 2012. 160 с.

References

1. Grigor'ev S. I., Guslyakova L. G. Sotsiologiya v podgotovke i deyatel'nosti spetsialista po sotsial'noi rabote v Rossii: ucheb. posobie dlya studentov vuzov i prakticheskikh rabotnikov. Barnaul: Azbuka, 2001. 143s.
2. Liga M. B. Kachestvo zhizni kak osnova sotsial'noi bezopasnosti. M.: Gardariki, 2006. 223 s.
3. Liga M. B., Shchetkina I. A. Metodologiya i metodika otsenki kachestva zhizni. Chita: ZabGGPU, 2011. 138 s.
4. Liga M. B., Shchetkina I. A. Kachestvo zhizni: organizatsionno-upravlencheskii aspekt. Novosibirsk: NAUKA, 2011. 227 s.
5. Liga M. B., Shchetkina I. A., Pavlova N. S. Sotsial'naya bezopasnost' molodezhi: organizatsionno-upravlencheskoe obespechenie. M.: Akademiya estestvoznaniya, 2012. 160 s.

Статья поступила в редакцию 15.03.2014

УДК 316.422
ББК 60.56

*Светлана Геннадьевна Максимова,
доктор социологических наук, профессор,
Алтайский государственный университет
(656099, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61)
e-mail: svet-maximova@yandex.ru*

Функционирование некоммерческих организаций как ресурс обеспечения социальной безопасности в регионах России¹

В статье представлен анализ становления и развития субсектора негосударственных некоммерческих организаций, играющих важную роль в общественном развитии с позиций обеспечения социальной безопасности в современном регионе России. Социологическое исследование проведено в Алтайском крае в 2013 г. Экспертный опрос проводился среди представителей органов законодательной, исполнительной власти, органов местного самоуправления, представителей общественных организаций, научной и педагогической общественности. В статье показана актуализация социальных проблем современного общества, на решение которых должна быть направлена деятельность некоммерческого сектора России. К числу общих угроз социальной безопасности в России, участвовавшие в исследовании эксперты отнесли снижение уровня жизни основной массы населения, низкий уровень развития промышленного производства при острой потребности в его модернизации, снижение качества и доступности услуг учреждений образования, медицины, культуры и, соответственно, их социализирующего влияния, негативные демографические тенденции (высокая смертность, снижение продолжительности жизни, миграционный отток молодого и трудоспособного населения, увеличение доли лиц пожилого возраста), недостатки системы социального управления на всех уровнях властного регулирования, низкую экономическую активность населения и отсутствие соответствующих механизмов её стимулирования. В связи с этим рассматриваются характеристики НКО, содействующие повышению качества жизни населения; создающие условия для социального развития; разрабатывающие и реализующие механизмы и формы общественного участия в процессе выработки и претворения в жизнь социальной политики.

Ключевые слова: некоммерческие организации, социальная безопасность, трансформация, региональные социумы, воспроизводство, девиации.

*Svetlana Gennadyevna Maksimova,
Doctor of Sociology, Professor,
Altai State University
(61 Lenin Ave., Barnaul, Russia, 656099)
e-mail: svet-maximova@yandex.ru*

Functioning of Non-Profit Organizations as a Recourse to Provide Social Security in the Regions of Russia²

There is an analysis of the formation and development of the sub-sector of non-profit organizations that play an important role in social development in terms of ensuring social security in the modern region of Russia. Sociological research was conducted in the Altai Region in 2013. Expert survey was conducted among representatives of legislative, executive, local authorities, representatives of public organizations, scientific and educational community. The article shows the actualization of modern society social problems, the decision should be directed activities of the nonprofit sector in Russia. Some of the common threats to social security in Russia, according to experts involved in the research, are the decline in living of the general population, low level of industrial development in acute need of modernization, reducing the quality and accessibility of educational institutions, medicine, culture and, consequently, their socializing influence demographic trends (high mortality, reduced life expectancy, out-migration of the young and able-bodied population, increasing the share of old people), the shortcomings of the social management system at all levels of power control, low economic activity of the population and the lack of appropriate mechanisms for their promotion. In this context, the characteristics of NCOs that enhance the quality of life; creating conditions for social development; developing and implementing mechanisms and forms of public participation in the formulation and implementation of social policy are considered.

Keywords: non-profit organizations, social security, transformation, regional societies, reproduction of a deviation.

¹Работа выполнена в рамках реализации гранта РГНФ № 12-03-00301 «Трансформация социальной безопасности региональных социумов в контексте распространения «социальных болезней» в современной России» (2012–2014).

²The work is performed within RHSF project N 12-03-00301 "Transformation of social security in the context of regional societies spreading of "social illnesses" in modern Russia" (2012–2014).

Сектор негосударственных некоммерческих организаций играет важную роль в общественном развитии. Некоммерческие организации содействуют повышению качества жизни населения, создают условия для социального развития, разрабатывают и реализуют механизмы и формы общественного участия в процессе выработки и претворения в жизнь социальной политики.

Одной из наиболее значимых предпосылок обеспечения социально-экономического развития страны является становление институтов гражданского общества и эффективное взаимодействие некоммерческих организаций, бизнеса и органов государственной власти, местного самоуправления в решении важнейших социальных задач.

Некоммерческие организации (НКО), являясь поставщиками социально значимых услуг, отличаются от других хозяйствующих субъектов способностью оперативно реагировать на потребности населения и социальные проблемы; отражать интересы различных групп и слоёв, работать по заказу государства и через механизмы общественного контроля способствовать эффективности работы различных государственных служб и судебной системы.

Последние несколько лет наблюдался рост ежегодно регистрируемых НКО. Так, в 2005 г. отношение количества зарегистрированных общественных объединений и религиозных организаций в Государственном реестре к общему количеству поступивших заявлений о регистрации составило 17 %, в 2006 г. – 17,8 %, в 2007 г. – 24 %¹. В 2008 г. Минюстом России было зарегистрировано 4 912 НКО (без учёта религиозных общественных организаций), в 2009 г. количество вновь созданных некоммерческих организаций составило 6 218 тысяч (без учёта религиозных общественных организаций). В период с 01.01.2009 по 01.01.2011 гг. на территории Российской Федерации зарегистрирована 1 341 религиозная организация и 9 014 общественных объединений, политических партий и некоммерческих организаций.

¹Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства юстиции Российской Федерации на 2008–2010 годы (<http://mjm.mezon.ru/node/1284>). Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства юстиции Российской Федерации на 2009–2011 годы: [сайт] URL: <http://mjm.mezon.ru/node/1283> (дата обращения: 20. 04. 2014).

По предварительным итогам переписи населения 2010 г. численность населения Российской Федерации составляет 142 905,2 тыс. человек соответственно, на одну тыс. населения приходится 1,6 некоммерческих организаций всех организационно-правовых форм и 1,4 социально ориентированных организации всех форм.

Российская статистика отражает состояние гражданского общества лишь постольку, поскольку объектом статистического наблюдения является ряд характеристик некоммерческого сектора экономики. Эти характеристики во многом несовершенны [8].

На сегодняшний день принято делить всех юридических лиц на две группы: коммерческие и некоммерческие организации. В основе этого деления лежит главная цель их создания. В отношении коммерческих организаций главной целью создания юридического лица является стабильное извлечение прибыли с её последующим распределением между участниками. Основные организационные формы коммерческих организаций – общество с ограниченной ответственностью (ООО) и акционерные общества (ЗАО и ОАО). Некоммерческие организации создаются совсем для других целей и, прежде всего, не имеют своей целью извлечение и дальнейшее распределение прибыли между участниками. Ведение некоммерческими организациями предпринимательской деятельности по закону возможно в том случае, если эта деятельность отвечает целям создания организации и направлена на достижение этих целей.

Отметим, что по результатам исследования по теме: «Трансформация социальной безопасности региональных социумов в контексте распространения «социальных болезней» в современной России» (2012–2014 гг.)² показана актуализация социальных проблем современного общества, на решение которых должна быть направлена деятельность некоммерческого сектора России. Социологическое исследование проведено в Алтайском крае в 2013 г. Экспертный опрос проводился среди представителей органов законодательной, испол-

²Грант РГНФ № 12-03-00301 «Трансформация социальной безопасности региональных социумов в контексте распространения "социальных болезней" в современной России» (2012–2014).

нительной власти, органов местного самоуправления, представителей общественных организаций, научной и педагогической общественности. Выборочная совокупность составила 20 экспертов. Методом исследования явился экспертный опрос. Гайд экспертного опроса включал ряд категорий, касающихся оценок трансформации социальной безопасности, распространения социальных девиаций в регионах, оценки угроз, источников опасности, стратегий и субъектов защиты, оценки деятельности государства по обеспечению социальной безопасности.

Согласно оценкам экспертов ($n = 20$), состояние безопасности современных российских регионов определяется, во-первых, существующими угрозами социальной безопасности общероссийского масштаба, в целом типичными для всех субъектов Российской Федерации, во-вторых, уникальной структурой угроз социальной безопасности конкретного региона, обусловленных его уникальным геополитическим и социально-экономическим положением.

К числу общих угроз социальной безопасности в России участвовавшие в исследовании эксперты отнесли снижение уровня жизни основной массы населения, низкий уровень развития промышленного производства при острой потребности в его модернизации, снижение качества и доступности услуг учреждений образования, медицины, культуры и, соответственно, их социализирующего влияния, негативные демографические тенденции (высокая смертность, снижение продолжительности жизни, миграционный отток молодого и трудоспособного населения, увеличение доли лиц пожилого возраста), недостатки системы социального управления на всех уровнях властного регулирования, низкую экономическую активность населения и отсутствие соответствующих механизмов ее стимулирования, выраженное усиление процессов маргинализации, рост потребности населения в социальной помощи, поддержке, увеличение роли компенсационных мер социальной защиты, распространение негативных социальных настроений в обществе.

Отличительной чертой описанной ситуации является фактическое отсутствие каких-либо сдерживающих, указанные дестабилизирующие тенденции, факторов, за исключением специфических черт мен-

талитета россиян – пассивности, стремления приспособиться к наличным условиям жизни, выраженной толерантности к проявлениям тех или иных социальных проблем. При этом неоптимальный характер системы социального управления в совокупности со снижением способности населения к самообеспечению и негативными трансформациями социализационных процессов создает благоприятные условия для постепенного накопления потенциала социальной напряженности и протестной активности населения. С другой стороны, длительное состояние депривации базовых потребностей населения и возрастающее чувство безысходности приводит к широкому распространению социальных девиаций, которые, являясь, в том числе, следствием неудовлетворительного функционирования институтов социализации, в то же время выступают способом преодоления неудовлетворенности условиями жизни (алкоголизация, наркомания, суициды, конфликты, экстремистская деятельность) и доступным видом экономической активности (проституция) [4; 5].

Однако на отмеченные проблемы социальной безопасности налагает свой отпечаток экономический статус регионов, особенности их географического расположения и разделяемых населением культурных традиций.

Являясь значимым параметром жизненного пространства социальных субъектов разного уровня, актуальные угрозы безопасности находят своё отражение в ответных реакциях социума. Типичными способами реагирования населения в ситуации угрозы социальной безопасности, по мнению экспертов (представителей органов законодательной, исполнительной власти, органов местного самоуправления, представителей общественных организаций, научной и педагогической общественности), выступают ухудшение социального самочувствия и социального здоровья, рост социальной напряженности и конфликтности, разрушение традиционных ценностных основ социальной жизни. Таким образом, осознание угроз безопасности не способствует актуализации конструктивных защитных действий населения, а напротив, стимулирует реализацию рискованных стратегий поведения, опосредованных ощущением безысходности, беззащитности, социальной несправедливо-

сти, разочарования в легитимных способах преодоления незащищённости в какой-либо сфере жизни.

Характеризуя институциональный уровень обеспечения социальной безопасности, эксперты дифференцировали функции государственного сектора, общественного сектора и сектора бизнеса в противодействии распространению и воспроизводству социальных рисков.

Государство должно обеспечивать правовое регулирование рисков, связанных с распространением социальных девиаций, определять общую концепцию работы по профилактике и преодолению последствий рискованного поведения населения, создать систему реабилитации граждан с социально обусловленными заболеваниями и эффективно ею управлять, способствовать созданию оптимальных условий для активной деятельности третьего сектора в области профилактики распространения социальных девиаций.

Общественные организации эксперты рассматривают в качестве значимых агентов формирования социальных норм, препятствующих выбору девиантных моделей поведения, пропаганды здорового образа жизни и жизненных стратегий, альтернативных рискованному поведению. Их важнейшая роль также должна заключаться в осуществлении общественного контроля над деятельностью государства в сфере противодействия рискам распространения социальных девиаций.

Таким образом, показано явное смещение социальных проблем в Алтайском крае в сторону возникновения и распространения социальных рисков воспроизводства девиаций и угроз социальной безопасности, что еще больше подчеркивает необходимость активизации функционирования социально-ориентированных организаций некоммерческого сектора.

Факт увеличения числа НКО в России, которое наблюдалось к началу 2007 г., вероятно, был стимулирован созданием Общественной палаты РФ и другими действиями государства, направленными на поддержку некоммерческих организаций (в том числе эти действия могли побудить и создание новых НКО с целью получения средств государственной поддержки, например, федеральный бюджет 2007 г. предусматривал выделение государственных грантов на поддержку НКО, участвующих

в развитии институтов гражданского общества, в размере 1,25 млрд р.) [3]. В свою очередь, некоторое сокращение числа НКО в России в 2008 г. объясняется повышением государственного контроля со стороны государственных органов в отношении НКО, а именно вступлением в силу и реализацией поправок в закон об НКО, ужесточающих порядок регистрации и отчетности некоммерческих организаций перед контролирующими и регистрирующими государственными органами¹.

Основная деятельность НКО заключается в обеспечении общества набором благ с особыми достоинствами, куда, помимо прочего, входят услуги по оказанию помощи нуждающимся и пр. Эти функции в значительной степени относятся к функциям государства, однако то обстоятельство, что деятельность НКО остаётся востребованной, объясняется тем, что государственный сектор своей деятельностью не может охватить потребности всех слоёв общества.

В рамках общественного сектора размещение ресурсов между разными направлениями деятельности отражает предпочтения только части населения государства. Наряду с этим определённые финансовые группы, население готовы финансировать общественно полезную или благотворительную деятельность при условии несколько иного распределения средств. В этом случае некоммерческие организации дополняют деятельность государства, и государство не подменяет НКО [1].

По данным Министерства юстиции Российской Федерации [2], в Алтайском крае за весь период регистрации было внесено в реестр 7 181 некоммерческая организация всех организационно-правовых форм. По состоянию на 01.04.2013 года в реестр внесена 2 269 некоммерческая организация. Структура некоммерческого сектора Алтайского края гетерогенна, однако большинство НКО зарегистрировано в форме общественных организаций (37,4 %), религиозных организаций (12,7 %) и профессиональных союзов (10,3 %) (табл. 1).

¹Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России // Аналитический обзор по результатам анализа государственной статистики баз данных НКО и опросов общественного мнения: [сайт] URL: <http://www.socpolitika.ru/files/424/NKO2006.pdf> (дата обращения: 20.04. 2014).

Таблица 1

Число некоммерческих организаций, зарегистрированных в Алтайском крае, по данным Минюста России на 12.03.2012 с учётом организационно-правовых форм

<i>Всего зарегистрировано на 12.03.2012</i>	<i>2269</i>	<i>Доля в %</i>
Автономная некоммерческая организация	119	5,2
Адвокатская палата субъектов	1	0,04
Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств	13	0,6
Адвокатское бюро	4	0,2
Иные некоммерческие образования	2	0,08
Казачье общество	38	1,7
Коллегия адвокатов	16	0,7
Национально-культурная автономия	17	0,7
Некоммерческий фонд	102	4,5
Некоммерческое партнёрство	162	7,1
Нотариальная палата	1	0,04
Общественная организация	848	37,4
Общественно-государственное общественное объединение	32	1,4
Общественное движение	24	1,1
Общественное учреждение	9	0,4
Общественный фонд	57	2,5
Община малочисленных народов	5	0,2
Объединение работодателей	6	0,3
Объединение (союз, ассоциация юридических лиц)	58	2,5
Политическая партия	45	2
Профессиональный союз	233	10,3
Религиозная организация	288	12,7
Совет муниципальных образований	1	0,04
Союз (ассоциация) общественных объединений	6	0,3
Территориальное общественное самоуправление	49	2,2
Торгово-промышленная палата	1	0,04
Учреждение	132	5,8

Если выделить из сектора НКО субсектор социально ориентированных организаций, то на настоящий момент на территории Алтайского края зарегистрировано 1 910 СО НКО, то есть большинство некоммерческих организаций края являются социально ориентированными (табл. 2).

Таблица 2

Число социально ориентированных некоммерческих организаций, зарегистрированных в Алтайском крае, по данным Минюста России на 12.03.2012 с учётом организационно-правовых форм

<i>Всего в Алтайском крае зарегистрировано на 12.13.2012</i>	<i>1910</i>	<i>Доля в %</i>
Автономная некоммерческая организация	119	5,2
Иные некоммерческие образования	2	0,08
Казачье общество	38	1,7
Национально-культурная автономия	17	0,7
Некоммерческий фонд	102	4,5
Некоммерческое партнёрство	162	7,1
Общественная организация	848	37,4
Общественное движение	24	1,1
Общественное учреждение	9	0,4
Общественный фонд	57	2,5
Община малочисленных народов	5	0,2
Профессиональный союз	233	10,3
Религиозная организация	288	12,7
Союз (ассоциация) общественных объединений	6	0,3

По данным Всероссийской переписи населения, проведённой по состоянию на 14 октября 2010 года, численность постоянного населения Алтайского края составила 2419,8 тыс. человек, соответственно на одну тысячу населения приходится 0,9 некоммерческих организаций всех организационно-правовых форм (что ниже среднего по России – 1,6 НКО на тысячу населения) и 0,8 социально ориентированных организации всех форм (1,4 – в среднем по России).

Данные, находящиеся в открытом доступе на сайте Минюста России, позволяют отследить динамику числа организаций, включенных в реестр некоммерческого сектора на 1 января каждого года, и отследить динамику их численности. Так, за последние шесть лет в Алтайском крае (начиная с 2007 г.) отмечалась устойчивая тенденция к сокращению числа некоммерческих организаций, а в 2011 г. произошёл незначительный рост их численности (рис. 1).

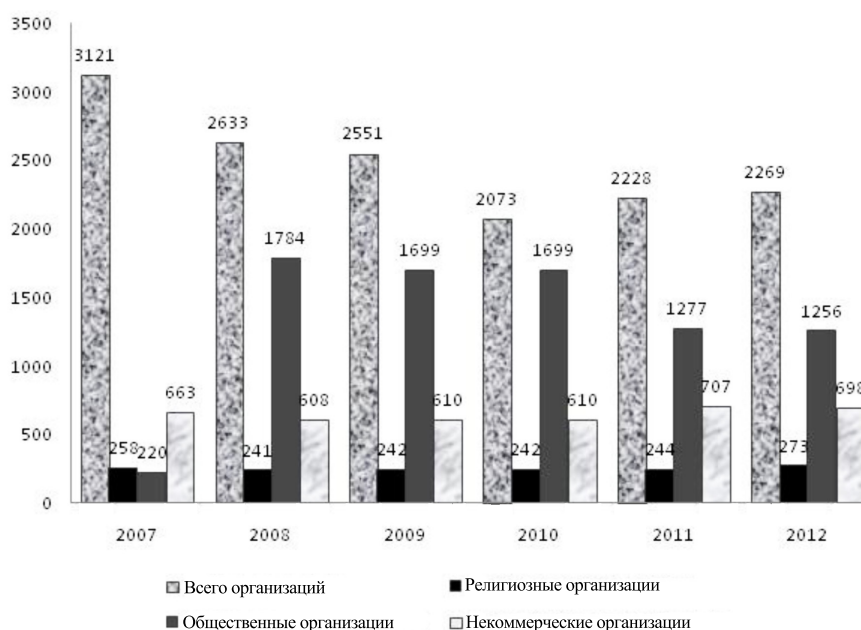

Рис. 1. Динамика численности организаций некоммерческого сектора Алтайского края в период с 2007 по 2012 годы

Продолжением активного развития и роста НКО в Российской Федерации, и в Алтайском крае в частности, стало признание результатов их социальной деятельности со стороны государства, которое выразилось в реализации Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации¹.

Согласно принятой Концепции благотворительная деятельность некоммерческих организаций, бизнеса и физических лиц, а также добровольческая активность граждан являются важнейшими факторами социального развития общества в таких

сферах, как образование, наука, культура, искусство, здравоохранение, охрана окружающей среды и ряд других.

В последние годы наблюдается устойчивый рост числа граждан и организаций, участвующих в благотворительной и добровольческой деятельности, а также расширяются масштабы реализуемых благотворительных программ и проектов.

В начале 2013 г. был проведён экспертный опрос руководителей некоммерческих организаций, расположенных в городских округах, городских поселениях и иных муниципальных образованиях на территории Алтайского края в целях оценки состояния инфраструктуры гражданского общества – негосударственных некоммерческих организаций, выявления проблемных ситуаций в их деятельности, оценки эффективности межсекторного взаимодействия (основой для отбора экспертов являлись реестры некоммерческих организаций в Алтайском крае).

¹Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации, одобренная распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 г. № 1054-р: [официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации]: URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/admReform/publicsociety/doc091224_1949 (дата обращения: 20.04.2014).

В экспертном опросе приняли участие руководители и заместители руководителей 107 организаций некоммерческого сектора Алтайского края.

Отметим, что большинство организаций имеют длительный стаж работы на территории края (от 16 и более лет) – 24,5 %, от 11 до 15 лет функционируют от 18,6 % НКО-участников исследования, 21,6 % – работают от 6 до 10 лет, 17,6 % – от 3 до 5 лет, 17,6 % НКО, охваченных исследованием, были созданы в течение двух лет, предшествующих исследованию. Что касается направлений

деятельности НКО, то, как свидетельствуют данные рис. 2, их структура гетерогенна, и, как правило, каждая НКО осуществляет одновременно несколько направлений работы. Так, распределение множественных выборов экспертов представлено ниже. Мы видим, что среди наименее заполненных НКО направлений работы миротворческая деятельность, развитие межнационального сотрудничества (9,5 % выборов), охрана исторического, культурного и природного наследия (4,8 % выборов), оказание помощи пострадавшим, беженцам и переселенцам (1,9 % выборов).

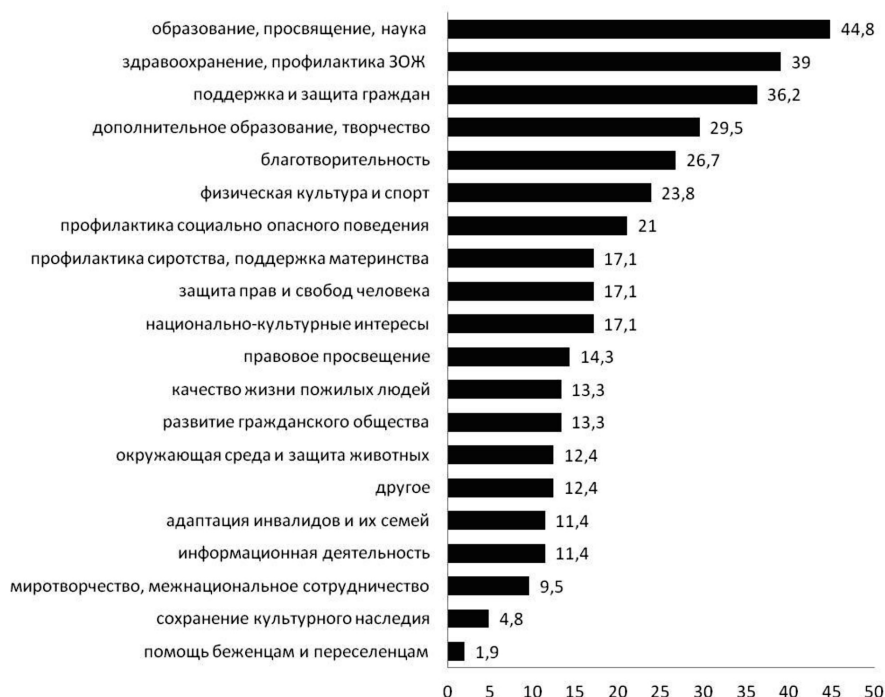

Рис. 2. Распределение некоммерческих организаций по направлениям деятельности, множественные выборы по общей выборке, %

Что касается распределения основных направлений работы НКО в зависимости от стажа их работы, то можно выделить следующие тенденции: как правило, длительно работающие НКО (стаж работы от 16 лет и более) заняты в сфере обеспечения качества жизни (50 %), содействия адаптации инвалидов (41,7 %), правового просвещения населения (38,9 %).

Вновь возникающие НКО максимально ангажированы в работу по сохранению культурного наследия (40 %), защиту материнства и детства (29,4 %), а также защиту национально-культурных интересов (23,5 %), охрану здоровья (23,7 %), охрану животных и окружающей среды (23,1 %). Хотя следует заметить, что направления

деятельности новичков сферы НКО весьма разнообразны, наименее «популярны» – качество жизни пожилых людей, адаптация инвалидов и их семей, помощь беженцам и переселенцам, а также информационная деятельность (ни одна из НКО стажем работы менее двух лет не занимается вышеперечисленными мероприятиями). Среди организаций, работающих в секторе НКО от 3 до 5 лет, максимально выражены такие направления деятельности, как сохранение культурного наследия (40 %), дообразование (35,7 %) и профилактика социально опасных форм поведения (33,3 %). В целом структура направлений работы НКО повторяет тенденции, отмеченные в общей выборке (табл. 3).

Распределение некоммерческих организаций по направлениям деятельности, множественные выборы в зависимости от стажа работы организации

Направление деятельности	Стаж работы НКО				
	менее 2 лет	от 3 до 5 лет	от 6 до 10 лет	от 11 до 15 лет	более 16 лет
поддержка и защита граждан	22,9 %	11,4 %	11,4 %	22,9 %	31,4 %
профилактика сиротства, поддержка материнства	29,4 %	23,5 %	17,6 %	11,8 %	17,6 %
качество жизни пожилых людей	,0 %	14,3 %	7,1 %	28,6 %	50,0 %
адаптация инвалидов и их семей	,0 %	16,7 %	8,3 %	33,3 %	41,7 %
образование, просвещения, наука	13,3 %	26,7 %	26,7 %	15,6 %	17,8 %
благотворительность	11,1 %	22,2 %	22,2 %	25,9 %	18,5 %
здравоохранение, профилактика ЗОЖ	23,7 %	13,2 %	31,6 %	15,8 %	15,8 %
окружающая среда и защита животных	23,1 %	23,1 %	15,4 %	23,1 %	15,4 %
профилактика социально опасного поведения	14,3 %	33,3 %	19,0 %	19,0 %	14,3 %
дополнительное образование, творчество	10,7 %	35,7 %	17,9 %	21,4 %	14,3 %
информационная деятельность	,0 %	25,0 %	8,3 %	50,0 %	16,7 %
физическая культура и спорт	17,4 %	21,7 %	30,4 %	21,7 %	8,7 %
защита прав и свобод человека	22,2 %	11,1 %	5,6 %	22,2 %	38,9 %
правовое просвещение	20,0 %	13,3 %	13,3 %	26,7 %	26,7 %
помощь беженцам и переселенцам	,0 %	,0 %	100,0 %	,0 %	,0 %
сохранение культурного наследия	40,0 %	40,0 %	20,0 %	,0 %	,0 %
миротворчество, межнациональное сотрудничество	22,2 %	22,2 %	33,3 %	11,1 %	11,1 %
развитие гражданского общества	7,1 %	21,4 %	35,7 %	21,4 %	14,3 %
национально-культурные интересы	23,5 %	29,4 %	17,6 %	,0 %	29,4 %
другое	23,1 %	15,4 %	15,4 %	7,7 %	38,5 %

Большинство НКО, охваченных исследованием, в качестве основной целевой группы определяют молодёжь (47,7 % выборов) и население в целом (40,2 %), а также детей (34,6 % выборов). 29,69 % НКО работают для женщин, 25,2 % отметили также, что работают с пожилыми людьми, инвалидами (25,5 %), многодетными родителями (19,6 % выборов). С семьями работают 20 % организаций, инвалидами – 19,6 %, малообеспеченными категориями граждан (12,6 %), по 10,3 % выборов – отдельные профессиональные группы и 9,3 % выборов в качестве основной целевой группы отмечены сироты и беспризорные дети, а также военнослужащие, ветераны боевых действий (7,5 %), люди с заболеваниями (в том числе ВИЧ – 3,7 %) и иные группы риска (алкоголе-, наркозависимые, проститутки и т. п.) (6,5 %). Наименее охвачены заботой некоммерческих объединений группы национальных меньшинств края (4,7 %), безработные (4,7 %) и мигранты, беженцы

и вынужденные переселенцы (0,9 %). Основные группы работы для НКО – индивиды и социальные группы, нуждающиеся в особой социальной защите и поддержке, как со стороны государства, так и со стороны сообщества.

Таким образом, сектор негосударственных некоммерческих организаций играет важную роль в общественном развитии. НКО содействуют повышению качества жизни населения; создают условия для социального развития; разрабатывают и реализуют механизмы и формы общественного участия в процессе выработки и претворения в жизнь социальной политики [6; 7].

Президент Российской Федерации Д. А. Медведев в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 ноября 2010 года уделил особое внимание некоммерческим организациям, как лучше знающим ситуацию на местах, чем даже органы власти, имеющим уникальный

опыт и помогающим людям, которые попали в трудную ситуацию. Организации данного типа приобретают субъектную роль в рамках приоритетного направления долгосрочной политики социальной поддержки населения, к которому отнесено развитие сектора негосударственных некоммерческих организаций в сфере оказания социальных услуг (в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р).

Уровень развития гражданского общества становится одним из решающих факторов политического, экономического, научно-технического развития страны в целом. Задача модернизации экономики и общества не может быть решена без вовлечения в этот процесс как можно

большого числа творческих, свободных и активных граждан. Конструктивное взаимодействие гражданских формирований в решении сложнейших социальных проблем является стабильным развитием демократических процессов и, в конечном итоге, становлении сильного государства и зрелого общества. Гражданское общество в любой стране всегда гибче, чем государственный аппарат и его бюрократическая система управления, реагирует на те или иные потребности и изменения в политической, экономической или социальной сферах жизнедеятельности общества. Возможность людей активно участвовать в процессе принятия решений, прежде всего, через гражданские объединения и инициативы, усиливает уважение к свободе слова, культурному и политическому многообразию, которые являются универсальными ценностями сегодняшнего мира.

Список литературы

1. Грищенко А. В. Формируем целевой капитал некоммерческой организации // URL: http://www.profiz.ru/se/5_2010/formiruem_celevoj_kapital/ (дата обращения: 20. 04. 2014).
2. Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 20. 04. 2014).
3. Леонов Ю. С. Некоммерческие организации: законодательное регулирование и практика // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 6. С. 30–34.
4. Наркотизация в приграничном регионе России: вызовы, риски, угрозы / С. Г. Максимова [и др.]. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 398 с.
5. Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Авдеева Г. С., Гончарова Н. П. Адаптивные стратегии населения Алтайского края в нестабильных социально-экономических условиях // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2011. № 12. С. 117–120.
6. Попов Е. А., Максимова С. Г. Современное гражданское общество в России: проблемы становления и регионального развития // NOTA BENE: Проблемы общества и политики. 2012. № 1. С. 1–20.
7. Попов Е. А., Максимова С. Г. Гражданское общество в современной России: региональное измерение // Право и политика. 2012. № 7. С. 1214–1218.
8. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / Л. И. Яковсон [и др.]. М.: Вершина, 2008. 296 с.

References

1. Grishchenko A. V. Formiruem tselevoj kapital nekommercheskoi organizatsii // URL: http://www.profiz.ru/se/5_2010/formiruem_celevoj_kapital/ (data obrashcheniya: 20. 04. 2014).
2. Informatsionnyi portal Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii: [sait]. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (data obrashcheniya: 20. 04. 2014).
3. Leonov Yu. S. Nekommercheskie organizatsii: zakonodatel'noe regulirovanie i praktika // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2008. № 6. S. 30–34.
4. Narkotizatsiya v prigranichnom regione Rossii: vyzovy, riski, ugrozy / S. G. Maksimova [i dr.]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2009. 398 s.
5. Maksimova S. G., Noyanzina O. E., Omel'chenko D. A., Avdeeva G. S., Goncharova N. P. Adaptivnye strategii naseleniya Altaiskogo kraja v nestabil'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2011. № 12. S. 117–120.
6. Popov E. A., Maksimova S. G. Sovremennoe grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: problemy stanovleniya i regional'nogo razvitiya // NOTA BENE: Problemy obshchestva i politiki. 2012. № 1. S. 1–20.
7. Popov E. A., Maksimova S. G. Grazhdanskoe obshchestvo v sovremennoi Rossii: regional'noe izmerenie // Pravo i politika. 2012. № 7. S. 1214–1218.
8. Faktory razvitiya grazhdanskogo obshchestva i mekhanizmy ego vzaimodeistviya s gosudarstvom / L. I. Yakobson [i dr.]. M.: Vershina, 2008. 296 s.

Статья поступила в редакцию 20.04.2014

Анатолий Владимирович Мошков,
доктор географических наук, заведующий лабораторией,
Тихоокеанский институт географии
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
(690041, Россия, г. Владивосток, ул. Радио, 7)
e-mail: mavr@tig.dvo.ru

Основные виды природопользования в Дальневосточной части Амурского региона России¹

Амурский регион России – территория, располагающая уникальным природно-ресурсным и производственным потенциалом, эффективное использование которого возможно благодаря выгодному экономико-географическому положению в быстроразвивающемся Азиатско-тихоокеанском регионе мира. Здесь сосредоточен основной демографический потенциал российского Дальнего Востока. За время хозяйственного освоения территории Амурского региона здесь сложились различные типы природопользования: лесопользование, сельскохозяйственное землепользование, водопользование, горнопромышленное, транспортное, селитебное, природоохранное, рекреационное и др. Эффективность функционирования этих видов природопользования зависит от уникальности эксплуатируемых природных ресурсов и стабильного спроса на выпускаемую продукцию на отечественных и мировых рынках.

При этом под эффективным, устойчивым природопользованием в регионе понимается установление такого типа взаимоотношений населения и хозяйства региона с его природно-ресурсной и окружающей средой, при котором в течение длительного времени сохраняются достаточный природно-ресурсный потенциал региона и высокие качества окружающей среды. Важнейшим звеном рационализации производственно-природных отношений является выработка критериев рациональности ресурсопользования. Прежде всего, следует отметить, что критерии определяются политикой природопользования. В статье приводятся результаты количественной оценки рациональности природопользования как в целом по всей территории Дальневосточной части Амурского региона, так и в отдельных субъектах Дальневосточного федерального округа и экономических центрах. Рациональность природопользования может быть повышена не только за счёт увеличения выхода товарной продукции и минимизации затрат по всем трём аспектам ресурсопользования, но и сбалансированного развития производственной деятельности в регионе и охране природной среды. Отмечены наиболее рациональные виды природопользования для территории Амурского региона с учётом сложившегося природно-ресурсного, демографического и экономического потенциалов развития.

Ключевые слова: Амурский регион, устойчивое природопользование, рационализация производственно-природных отношений, природно-ресурсный и экономический потенциал, критерии рациональности природопользования, виды природопользования.

Anatoliy Vladimirovich Moshkov,
Doctor of Geography, Head of Laboratory, the Pacific Institute of Geography,
Far East Branch, the Russian Academy of Sciences,
(7 Radio St., Vladivostok, Russia, 690041)
e-mail: mavr@tig.dvo.ru

The Main Types of the Natural Resources Usage in the Far Eastern Part of the Amur Region of Russia²

The Amur region of Russia is a territory with unique natural resources and industrial potential, where effective use is possible due to its favorable economic and geographical position in rapidly growing Asia-Pacific region of the world. The main demographic potential of the Russian Far East is located here. Over the period of economic mastering of the Amur region territory the various types of natural resources use have been developed like forest management, agricultural land use, water

¹Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) «Факторы, механизмы и типы структурной трансформации и модернизации территориальных социально-экономических систем Тихоокеанской России» (номер проекта – 14-18-03185).

²The work is performed within the grant of the Russian Science Fund (RNF) "Factors, mechanisms and types of structural transformation and modernization of territorial socio-economic systems of Pacific Russia" (project number – 14-18-03185).

management, mining, transportation, residential, nature conservation, recreational one, etc. Effectiveness of these types of nature management depends on the uniqueness of the exploited natural resources and a stable demand for its products in the domestic and world markets.

At the same time, effective sustainable nature management in the region is understood as establishment of such a type of interrelationship between population and economy of the region with its natural resources and environment when a sufficient natural-resource potential of the region and high quality of its environment are maintained for a long time. Development of the criteria for the optimal resources use is the most important link to rationalization of the industrial and natural relations. First of all, it should be noted that the criteria are defined by the policy of natural resources use. The article presents the results of quantitative evaluation of rationality of natural resources use both in the whole Far Eastern part of the Amur region, and in separate federal administrative units of the Far Eastern Federal Region and economic centers. Rationality of the natural resources use can be improved not only by increasing the yield of commercial products and minimizing the costs in all three aspects of the resource use, but also through the balanced development of industrial activity and protection of the natural environment in the region. The most rational types of the nature management in the Amur region, taking into account the existing natural resources, demographic and economic development potentials, have been defined.

Keywords: Amur region, sustainable use of natural resources, rationalization of industrial and natural relations, natural resource and economic potential, criteria for nature management rationalization, types of nature management.

В состав Амурского региона входят субъекты Российской Федерации, территории которых большей частью входят в бассейн Амура (Забайкальский, Хабаровский и Приморский края, Амурская область и Еврейская автономная область). Основная территория Амурского региона России располагается в пределах Дальневосточного федерального округа. К настоящему времени здесь сложились различные типы природопользования: лесопользование, сельскохозяйственное землепользование, водопользование, горнопромышленное, транспортное, селитебное, природоохранное, рекреационное и др. [2; 4]. Эффективность функционирования этих видов природопользования зависит от уникальности эксплуатируемых природных ресурсов и стабильного спроса на выпускаемую продукцию на отечественных и мировых рынках.

Под эффективным, устойчивым природопользованием в регионе понимается установление такого типа взаимоотношений населения и хозяйства региона с его природно-ресурсной и окружающей средой, при котором в течение длительного времени сохраняются достаточный природно-ресурсный потенциал региона и высокие качества окружающей среды [7]. Важнейшим звеном рационализации производственно-природных отношений является выработка критериев рациональности природопользования. Прежде всего, следует отметить, что критерии определяются политикой природопользования. Эта политика во многом зависит от господствующих в обществе со-

циально-экономических законов и отношений. Особенно актуальна проблема выбора критериев рациональности природопользования в России в связи с коренным изменением общественно-экономических отношений, которые начались в 1990-х гг.

Различные исследования показывают, что природопользование в широком смысле охватывает весь круг взаимоотношений человека, его взаимодействия с природой, прежде всего, с природно-ресурсной средой. Такие взаимоотношения можно свести в целом к двум большим типам [7]:

1. Использование человеком природного вещества, энергии, процессов, свойств природных систем для удовлетворения свои различных потребностей.

2. Связанные с этим воздействия на человека, его технического вооружения на природные, природно-ресурсные системы и их отдельные компоненты. В ряде случаев антропогенные воздействия могут существенно преобразовывать природные системы или их отдельные компоненты.

В наиболее полном виде все составляющие природопользования реализуются, как правило, в пределах большой территории – региона, где сформировались и взаимодействуют разнообразные звенья территориальных структур хозяйства и территориальных структур природопользования. Именно на региональном уровне можно наиболее полно отобразить весь круг взаимоотношений человека, населения региона и различных форм его жизнедеятельности с природно-ресурсной системой и окружаю-

щей средой. Политика природопользования, равно как и критерии его рациональности, даже в рамках одного государства не может быть единой повсеместно. Это объясняется исторически сложившимися различиями в уровне развития регионов, их производственных потенциалов, различиями в плотности населения, природных условиях проживания населения и функционирования производства и, конечно, различиями в ресурсообеспеченности (виды ресурсов, их запасы, качество, транспортная доступность, условия эксплуатации и др.) [7].

Производственно-природные отношения в регионе можно количественно оценивать по совокупным затратам на виды природопользования. Особый интерес представляет анализ производственно-природных отношений в уникальном регионе страны – Амурском регионе. Амурский регион России включает области и края – субъекты Российской Федерации, территории которых большей частью входят в бассейн Амура (Забайкальский, Хабаровский и Приморский края, Амурская область и Еврейская автономная область). Амурский регион к настоящему времени располагает

уникальным природно-ресурсным потенциалом, здесь сложились различные типы природопользования: лесопользование, сельскохозяйственное землепользование, водопользование, горнопромышленное, морехозяйственное, транспортное, селитебное, природоохранное, рекреационное и др., имеющие важное общероссийское и международное значение.

Совокупные затраты на природопользование в этом случае будут представлять собой сумму затрат на прямое изъятие ресурса из природной среды – объём добычи полезных ископаемых в отгруженной продукции собственного производства, млн р. (А), суммы текущих затрат на охрану природной среды, млн р. (Б), т. е. от затраты средств на сохранение качества связанных с ним ресурсов [1; 3] и затрат на восстановление нарушенных элементов природной среды – инвестиции в основной капитал, направленные на охрану природы и рациональное природопользование, млн р. (В). Критерий рациональности природопользования для региона можно определить как отношение $K_{np} = П/(А+Б+В)$, где П – количество валового регионального продукта [15] (табл. 1).

Таблица 1

Критерии рационального природопользования в Амурском регионе

	<i>Валовой региональный продукт, млн р. (П)</i>	<i>Добыча полезных ископаемых, млн руб. (А)</i>	<i>Текущие затраты на охрану окружающей среды, млн р. (Б)</i>	<i>Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану и рациональное использование природных ресурсов, млн р. (С)</i>	<i>Критерий природопользования (K_{np})</i>
Амурский регион, всего	748030,4	112919	2216	620,5	6,5
Приморский край	263272,4	72090	463	269,6	3,6
Хабаровский край	232639,8	16397	1065	137,2	13,2
Амурская область	114281,6	10649	146	91,2	4,5
Еврейская автономная область	24606,6	453	38	23,3	47,8
Забайкальский край	113230,1	13330	504	99,2	8,1

Источник: [14].

Рациональность природопользования может быть повышена не только за счёт увеличения выхода товарной продукции и минимизации затрат по всем трём аспектам ресурсопользования, но и сбалансированного развития производственной деятельности в регионе и охране природной среды. Это может характеризовать экономическую и экологическую целесообразность

данного вида природопользования на территории. Наиболее высокие значения показателя K_{np} отмечаются Хабаровском и Забайкальском краях и Амурской области, где характерны значительные объёмы добычи полезных ископаемых, большие вложения в охрану и воспроизводство природной среды. В тоже время в Еврейской автономной области отмеча-

ется не только небольшой объём валового регионального продукта, но и незначительные затраты на охрану природной среды.

Сбалансированное развитие регионов предполагает внутреннюю согласованность функционирования всех компонентов экономической структуры и населения, а также устойчивое равновесие с окружающей средой в процессе природопользования [3]. Внутренняя согласованность происходит путем формирования и адаптации разных сфер жизнедеятельности населения и разноуровневых функциональных блоков. В качестве основных функциональных блоков региона принимается: 1) население; 2) производственный блок, включающий виды экономической деятельности (в т. ч. добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; производство электроэнергии, газа и воды; сельское хозяйство, рыбное хозяйство и рыбноводство; 3) ресурсный блок – лесные, морские биологические, земельные и водные ресурсы; 4) блок ресурсопользования – воздействие производства на окружающую среду (сброс загрязнённых сточных вод, площадь лесных пожаров и др.).

Необходимость сохранения равновесия регионов с окружающей средой диктуется не только потребностью улучшения экологической обстановки, но и соблюдения экологического императива [18].

При выборе наиболее эффективного варианта регионального природопользования целесообразно использовать сравнение индикаторов и ограничений эффективного, устойчивого природопользования, рассчитанных для каждого сценария, варианта хозяйствования. Под эффективным, устойчивым природопользованием в регионе понимается установление такого типа взаимоотношений населения и хозяйства региона с его природно-ресурсной и окружающей средой, при котором в течение длительного времени сохраняются достаточный природно-ресурсный потенциал региона и высокие качества окружающей среды [7]. По критериям устойчивого природопользования выбирается лучший вариант среди субъектов Амурского региона Дальневосточного федерального округа (ДВФО) (табл. 2).

Таблица 2

Индикаторы, критерии и ограничения устойчивого природопользования

Субъекты ДВФО	Индикаторы регионального природопользования		
	Запасы, объёмы природных ресурсов; их количественные и качественные характеристики	Объёмы добычи, использования отдельных видов природных ресурсов	Техногенные воздействия
1. Лесные ресурсы			
	общий запас древесины на корню, млн м ³ (2003 г.)	вывозка древесины, тыс. пл. м ³ (2003 г.)	лесная площадь, пройденная пожарами, тыс. га (2003 г.)
Приморский край	1920,0	2856,8	35,775
Хабаровский край	5145,0	7817,4	176,753
Амурская область	2045,0	1293,5	192,816
Еврейская автономная область	178,0	113,6	5,771
Итого по Амурскому региону	9288,0	12081,3	411,115
Всего по ДВФО	20574	13370	649,184
2. Водные ресурсы			
	среднегодовой сток, км ³ /год	использование свежей воды, млн м ³ (2003 г.)	сброс загрязнённых сточных вод, млн м ³ (2003 г.)
Приморский край	56,1	562,0	389,0
Хабаровский край (включая Еврейскую автономную область)	318,5	463,0	233,0
Амурская область	170,8	109,0	91,0
Итого по Амурскому региону	545,4	1134,0	713,0
Всего по ДВФО	1847,8	1851,0	931,0

Окончание таблицы

Субъекты ДВФО	Индикаторы регионального природопользования		
	Запасы, объёмы природных ресурсов; их количественные и качественные характеристики	Объёмы добычи, использования отдельных видов природных ресурсов	Техногенные воздействия
3. Земельные ресурсы			
	Земли, используемые землепользователями, занимающимися сельскохозяйственным производством, тыс. га (2006 г.)	Продукция сельского хозяйства, млн руб. (2006 г.)	Внесение минеральных удобрений на гектар посева сельскохозяйственных культур, кг (2006 г.)
Приморский край	1096,0	13604	19,2
Хабаровский край	4529,5	10018	48,5
Амурская область	1798,5	11034	9,5
Еврейская автономная область	200,1	3501	10,4
Итого по Амурскому региону	7624,1	38157	21,9
Всего по ДВФО	136860,8	61477	16,4

Источник: [7; 14].

Изменения, динамика отдельных видов природных ресурсов в Амурском регионе представлены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели изменений, динамики отдельных видов природных ресурсов

Субъекты ДВФО	Индикаторы динамики регионального природопользования		
	Запасы, объёмы природных ресурсов; их количественные и качественные характеристики	Объёмы добычи, использования отдельных видов природных ресурсов	Техногенные воздействия
1. Лесные ресурсы			
	динамика общего запаса древесины на корню, млн м ³ (1998–2003 гг.)	динамика вывозки древесины, тыс. пл. м ³ (1995–2003 гг.)	динамика лесовосстановления, тыс. га (1995–2003 гг.)
Приморский край	– 15,0	1026,5	– 33,8
Хабаровский край	– 232,0	3253,2	– 19,5
Амурская область	+ 8,0	– 242,6	– 33,8
Еврейская автономная область	+ 2,0	58,7	– 7,1
Итого по Амурскому региону	– 237,0	4095,8	– 94,2
Всего по ДВФО	– 325,0	2849,0	– 110,6
2. Водные ресурсы			
	водообеспеченность, тыс. м ³ на 1 км ²	динамика использования свежей воды, млн м ³ (1995–2003 гг.)	динамика сброса загрязнённых сточных вод, млн м ³ (1995–2003 гг.)
Приморский край	303	– 297,0	– 142,0
Хабаровский край (вместе с Еврейской автономной областью)	611	– 118,0	– 75,0
Амурская область	470	– 36,0	– 25,0
Итого по Амурскому региону	1384		
Всего по ДВФО		– 753,0	– 348,0

Окончание таблицы

3. Земельные ресурсы			
	динамика площади сельскохозяйственных угодий, тыс. га (1995–2006 гг.)	динамика валового сбора зерна, тыс. тонн (1995–2006 гг.)	динамика внесения минеральных удобрений на гектар посева сельскохозяйственных культур, кг (1995–2006 гг.)
Приморский край	– 654,2	– 23,0	12,1
Хабаровский край	– 170,2	2,8	18,0
Амурская область	– 1444,7	– 25,1	– 1,7
Еврейская автономная область	– 195,2	– 5,9	– 11,7
Итого по Амурскому региону	– 2238,6	– 51,2	16,7
Всего по ДВФО	– 3497,6	– 54,2	– 13,7

Источник: [7; 14].

В качестве показателей, характеризующих взаимоотношения между населением, производством и природной средой в Амурском регионе (в составе Приморского и Хабаровского краёв, Амурской области, Еврейской автономной области), используются следующие статистические данные: численность постоянного населения, производство продукции по видам экономической деятельности, природные ресурсы, техногенное воздействие на природную среду (табл. 3). В Амурском регионе, по данным табл. 3, наиболее активно процессы природопользования разворачиваются в Приморском и Хабаровском краях. Именно в этих двух субъектах Амурского региона Дальневосточного федерального округа (ДВФО) сосредоточены основные запасы природных ресурсов (земельных, водных, лесных), а также отмечается наиболее существенное воздействие производства на природную среду – наибольший объём производства продукции добывающих и обрабатывающих производств, сельского хозяйства, производства электроэнергии и, соответственно, наибольшие объёмы сброса загрязнённых сточных вод. Входящие в Амурский регион субъекты ДВФО существенно различаются по численности населения, структуре производства, природным ресурсам и особенностям природопользования. Используя коэффициент конкордации Кенделла [9], можно оценить тесноту связи между приведёнными в таблице 3 факторами природопользования.

$$S = \sum_{i=1}^n (\sum R_i - \sum \sum R_y)^2 = 334.$$

$$W = \frac{12 \cdot S}{m^2 \cdot (n^3 - n)}; \quad W = \frac{12 \cdot 334}{199 \cdot (256 - 4)} = 0,16.$$

В нашем случае, коэффициент конкордации (W) равен 0,16 (по шкале Чеддока связь слабая), что характеризует слабую взаимосвязь между экономическими, социальными и ресурсными составляющими субъектов ДВФО, входящими в Амурский регион.

Важным механизмом повышения степени сбалансированности регионального развития может стать цивилизованный рынок, формирующийся в процессе возрастания потребностей людей. Именно степень удовлетворения потребностей населения становится главным показателем сбалансированного развития регионов. Она выражается в уровне жизни и состоянии здоровья населения, способности людей оплатить повседневные услуги (в т. ч. и благодаря эффективной работе производств-ресурсопользователей в регионе), возможности пользоваться безопасной окружающей средой.

Матричные модели регионального природопользования в обобщённой форме могут быть построены для определённого региона в целом, а также для его отдельных подрайонов, охватывающих целостные территориально-производственные природно-ресурсные системы. Вначале такие модели должны быть построены как отражающие фактическое состояние регионального природопользования за определённый период времени (например, за один год) (табл. 4). Одним из важных направлений сбалансированного развития регионов становится обеспечение социальной защищённости населения, улучшения условий и повышение уровня жизни населения. Поэтому сопоставление таких разнородных показателей в рамках матричной модели возможно через их удельные значения, в частности, приведённые на душу населения или на руб. произведённой продукции:

1) производство продукции на одного занятого по видам экономической деятельности (млн р.);

2) запасы природных ресурсов на душу населения (лесные, м³; водные, м³/год; земельные, га);

3) использование земельных ресурсов, р./га;

4) лесовосстановление, на душу населения;

5) сброс загрязнённых сточных вод на душу населения, м³;

6) использование свежей воды, м³/на р. продукции;

7) производство пиломатериалов;

8) урожайность зерновых, ц/га и др.

Полная матричная модель регионального природопользования [3] отражает взаимосвязи, реализующиеся между элемен-

тами системы: населением, хозяйством, природными ресурсами и природной средой Амурского региона (табл. 5).

Матричная модель содержит три группы строк и столбцов, включающих соответствующие характеристики: населения и видов экономической деятельности в форме отдельных предприятий, компаний, организаций; всё сочетание природных ресурсов в виде их месторождений, зон, участков, а также компоненты окружающей природной среды. В пересечениях строк и столбцов отражаются их возможные взаимоотношения, например, производство сельскохозяйственной продукции на одного жителя; потребление воды на один р. продукции (добывающих, обрабатывающих и производства электроэнергии, газа и воды; и др.).

Таблица 4

Социально-экономическая характеристика субъектов РФ – природопользователей Амурского региона Дальневосточного федерального округа в 2006 г.

Субъекты Амурского региона	Среднегодовая численность населения, тыс. чел.	Производство продукции по видам экономической деятельности, млн р.				Природные ресурсы			Техногенное воздействие		
		добыча полезных ископаемых	обрабатывающие производства	производство электроэнергии, газа и воды	сельское хозяйство	лесные, млн м ³	водные, км ³ /год	земельные, тыс. га	лесовосстановление, тыс. га	сброс загрязнённых сточных вод, млн м ³	внесение минеральных удобрений, кг/га
Приморский край	2012,7	7026	42464	29698	13604	1920	56,1	1096,0	18,7	337	19,2
Хабаровский край	1416,3	14507	53472	23857	10018	5145	488	4529,7	94,1	209	48,5
Амурская область	884,3	9577	9620	16664	11034	2045	170,8	1796,9	28,6	90	9,5
Еврейская автономная область	187,7	187	2508	962	3501	178	226	200,1	2,8	14	10,4

Источник: [14].

Матричная модель регионального природопользования
Амурского региона Дальневосточного федерального округа

Природные ресурсы			Производство продукции по видам экономической деятельности, тыс. млн р.				Среднегодовая численность населения, тыс. чел	Производство продукции по видам экономической деятельности, млн р.				Природные ресурсы			Техногенное воздействие		
			сельское хозяйство	производство электроэнергии, газа и воды	обрабатывающие производства	добыча полезных ископаемых		лесные, млн м ³	водные, км ³ /год	земельные, тыс. га	лесовосстановление, тыс. га	сброс загрязнённых сточных вод, млн м ³	внесение минеральных удобрений, кг/га				
1,7 ²	0,12 ²	2070,9 ²	0,4 ¹	0,4 ¹	0,35 ¹	0,28 ¹	4485,5	0,28 ¹	0,35 ¹	0,49 ¹	0,4 ¹	2 070,9 ²	2091,3 ²	1,7 ²	0,3 ⁵	158,9 ⁸	0,0
4274,9 ⁴	0,03 ⁷	12081,3 ³	0,0	5 119,5 ¹²	0,0	32489	0,28 ¹	0,0	0,0	5119,5 ¹²	0,0	12 081,3 ³	0,03 ⁷	1,7 ²	0,3 ⁵	158,9 ⁸	0,0
14221,0 ⁴	0,01 ⁷	1034,2 ⁸	0,0	0,0	108080	0,0	0,35 ¹	0,0	108080	0,0	0,0	0,0	0,0	1,7 ²	0,3 ⁵	158,9 ⁸	0,0
9365,9 ⁴	0,02 ⁷	0,0	0,0	71181	0,0	0,0	0,4 ¹	0,0	0,0	71181	0,0	0,0	0,02 ⁷	1,7 ²	0,3 ⁵	158,9 ⁸	0,0
5 020,6 ⁴	0,03 ⁷	0,0	38157	0,0	0,0	0,0	0,4 ¹	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,03 ⁷	1,7 ²	0,3 ⁵	158,9 ⁸	0,0
0,0	0,0	9288	0,0	0,0	1 034,2 ⁸	12 081,3 ³	4485,5	0,0	1 034,2 ⁸	0,0	0,0	2 070,9 ²	2091,3 ²	1,7 ²	0,3 ⁵	158,9 ⁸	0,0
0,0	545,4	0,0	0,03 ⁷	0,02 ⁷	0,01 ⁷	0,03 ⁷	4485,5	0,03 ⁷	0,01 ⁷	0,01 ⁷	0,03 ⁷	2 070,9 ²	2091,3 ²	1,7 ²	0,3 ⁵	158,9 ⁸	0,0
7624,1	0,0	0,0	5020,6 ⁴	9 365,9 ⁴	14 221,0 ⁴	4 274,9 ⁴	4485,5	5020,6 ⁴	14 221,0 ⁴	0,01 ¹⁰	0,02 ¹⁰	2 070,9 ²	2091,3 ²	1,7 ²	0,3 ⁵	158,9 ⁸	0,0
0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	4485,5	0,0	0,0	0,0	0,0	2 070,9 ²	2091,3 ²	1,7 ²	0,3 ⁵	158,9 ⁸	0,0
0,0	0,0	0,0	0,02 ¹⁰	0,01 ¹⁰	0,01 ¹⁰	0,02 ¹⁰	4485,5	0,02 ¹⁰	0,01 ¹⁰	0,01 ¹⁰	0,02 ¹⁰	2 070,9 ²	2091,3 ²	1,7 ²	0,3 ⁵	158,9 ⁸	0,0
21,9	0,0	0,0	13,1 ¹¹	0,0	0,0	0,0	4485,5	13,1 ¹¹	0,0	0,0	0,0	2 070,9 ²	2091,3 ²	1,7 ²	0,3 ⁵	158,9 ⁸	0,0

Окончание таблицы

	Среднегодовая численность населения, тыс. чел	Производство продукции по видам экономической деятельности, млн р.				Природные ресурсы			Техногенное воздействие		
		добыча полезных ископаемых	обрабатывающие производства	производство электроэнергии, газа и воды	сельское хозяйство	лесные, млн м ³	водные, м ³ /год	земельные, тыс. га	лесовосстановление, тыс. га	сброс загрязнённых сточных вод, млн м ³	внесение минеральных удобрений, кг/га
Техногенное воздействие	лесовосстановление, тыс. га	0,3 ⁵	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	411,1	0,0	0,0
	сброс загрязнённых сточных вод, млн м ³	158,9 ⁹	0,02 ¹⁰	0,01 ¹⁰	0,01 ¹⁰	0,0	0,0	0,0	0,0	713,0	0,0
	внесение минеральных удобрений, кг/га	0,0	0,0	0,0	13,1 ¹¹	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	21,9

Примечание: ¹ – производство продукции на 1 занятого по видам экономической деятельности (млн р.); ² – запасы природных ресурсов на душу населения (лесные, м³; водные, м³/год; земельные, га); ³ – вывозка древесины, тыс. пл. м³; ⁴ – использование земельных ресурсов, р./га; ⁵ – лесовосстановление на душу населения (тыс. га); ⁶ – сброс загрязнённых сточных вод, м³; ⁷ – использование свежей воды, м³/на р. продукции; ⁸ – производство пиломатериалов; ⁹ – сброс загрязнённых сточных вод на душу населения; ¹⁰ – сброс загрязнённых сточных вод, м³/на р. продукции; ¹¹ – урожайность зерновых, ц/га; ¹² – добыча топливно-энергетических ресурсов (млн р.).

Источник: [14].

Таблица 6

**Матричная модель регионального природопользования в субъекте (Приморском крае)
Дальневосточного федерального округа Амурского региона**

Среднегодовая численность населения, тыс. чел.	Среднегодовая численность населения, тыс. чел	Производство продукции по видам экономической деятельности, млн р.				Природные ресурсы			Техногенное воздействие		
		добыча полезных ископаемых	обрабатывающие производства	производство электро-энергии, газа и воды	сельское хозяйство	лесные, млн м ³	водные, км ³ /год	земельные, тыс. га	лесовосстановление, тыс. га	сброс загрязнённых сточных вод, млн м ³	внесение минеральных удобрений, кг/га
2012,7	2012,7	0,83 ¹	0,45 ¹	0,84 ¹	0,13 ¹	961, ²	27,9 ²	0,54 ²	9,3 ⁵	167,5 ⁹	0,0

Окончание таблицы

Техногенное воздействие	Природные ресурсы			Производство продукции по видам экономической деятельности, тыс. млн р.				
	лесовосста-новление тыс. га	земельные, тыс. га	водные, км ³ /год	лесные, млн м ³	сельское хозяйство	производство электроэнер-гии, газа и воды	обрабатыва-ющие про-изводства	добыча полезных ископаемых
0,0	9,3 ⁵	0,54 ²	27,9 ²	961 ²	0,13 ¹	0,84 ¹	0,45 ¹	0,83 ¹
0,0	167,5 ⁶	0,0	0,01 ⁷	4481 ³	0,0	2216,2 ¹²	0,0	7126
0,0	0,05 ¹⁰	6501,8 ⁴	0,001 ⁷	297,9 ⁸	0,0	0,0	42464	0,0
0,0	0,01 ¹⁰	38744,5 ⁴	0,002 ⁷	0,0	0,0	29698	0,0	2216,2 ¹²
14,1 ¹¹	0,0	27096,7 ⁴	0,004 ⁷	0,0	13604	0,0	0,0	0,0
0,0	0,0	12412,4 ⁴	0,0	1920	0,0	0,0	297,9 ⁸	4481 ³
0,0	0,0	0,0	56,1	0,0	0,004 ⁷	0,002 ⁷	0,001 ⁷	0,01 ⁷
0,0	0,0	1096,0	0,0	0,0	12412,4 ⁴	27096,7 ⁴	38744,5 ⁴	6501,8 ⁴
0,0	11437	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,02 ¹⁰	0,01 ¹⁰	0,01 ¹⁰	0,05 ¹⁰
19,2	0,0	21,9	0,0	0,0	14,1 ¹¹	0,0	0,0	0,0

Примечание: ¹ – производство продукции на 1 занятого по видам экономической деятельности (млн р.); ² – запасы природных ресурсов на душу населения (лесные, м³; водные, м³/год; земельные, га); ³ – вывозка древесины, тыс. пл. м³; ⁴ – использование земельных ресурсов, р./га; ⁵ – лесовосстановление на душу населения (тыс. га); ⁶ – сброс загрязнённых сточных вод, м³; ⁷ – использование свежей воды, м³/на р. продукции; ⁸ – производство пиломатериалов тыс. м³; ⁹ – сброс загрязнённых сточных вод на душу населения; ¹⁰ – сброс загрязнённых сточных вод, м³/на р. продукции; ¹¹ – урожайность зерновых, ц/га; ¹² – добыча топливно-энергетических ресурсов (млн р.).

Источник: [14].

Матричная модель регионального природопользования
в экономическом центре Амурского региона (г. Уссурийск, Приморский край)

	Численность населения, тыс. чел.	Площадь территории, тыс. га	Добыча полезных ископае- мых, млн р.	Обрабатывающие производства, млн р.	Производство электро- энергии, газа, воды, млн р.	Производство сельхоз- продукции, млн р.	Забор свежей воды, млн м ³	Сброс очищенных сточных вод, млн м ³	Сброс загрязнённых сточных вод, млн м ³	Выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, тыс. т
Численность населения, тыс. чел.	181,3	49,9 ⁷	76,6 ¹	252,1 ¹	93,3 ¹	968,8 ²	132,6 ³	50,3 ⁴	22,6 ⁵	0,13 ⁶
Площадь территории, тыс. га	49,9 ⁷	3,63	303,0 ⁸	993,4 ⁸	367,7 ⁸	11,8 ⁹		2,5 ¹¹	1,1 ¹²	6,7 ¹³
Добыча полезных ископаемых, млн р.	76,6 ¹	0,303 ⁸	1,1	0,0	0,0	0,0	21,8 ¹⁰	0,0	0,0	0,0
Обрабатывающие производства, млн р.	252,1 ¹	993,4 ⁸	0,0	3606,2	0,0	0,0	0,01 ¹⁰	0,0	0,0	0,0
Производство электроэнергии, газа, воды, млн р.	93,3 ¹	367,7 ⁸	0,0	0,0	1334,9	0,0	0,02 ¹⁰	0,0	0,0	0,0
Производство сельхозпродукции, млн р.	968,8 ¹	11,8 ⁹	0,0	0,0	0,0	968,8	0,03 ¹⁰	0,0	0,0	0,0
Забор свежей воды, млн м ³	132,6 ³	0,0	21,8 ¹⁰	0,01 ¹⁰	0,02 ¹⁰	0,03 ¹⁰	24,0	0,0	0,0	0,0
Сброс очищенных сточных вод, млн м ³	50,3 ⁴	2,5 ¹¹	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	9,1	0,0	0,0
Сброс загрязнённых сточных вод, млн м ³	22,6 ⁵	1,1 ¹²	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	4,1	
Выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, тыс. т	0,13 ⁶	6,7 ¹³	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	24,4

Примечание: ¹ – производство продукции на 1 занятого в промышленности (тыс. р.); ² – производство продукции на 1 занятого в сельском хозяйстве (тыс. р.); ³ – забор свежей воды, м³/на 1 жителя города; ⁴ – сброс очищенных сточных вод, м³/на 1 жителя города; ⁵ – сброс загрязнённых сточных вод, м³/на 1 жителя города; ⁶ – выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, т/на 1 жителя города; ⁷ – плотность населения города, чел./га; ⁸ – производство продукции, тыс. р./на 1 га площади; ⁹ – урожайность зерновых, ц/га; ¹⁰ – использование свежей воды, м³/на р. продукции; ¹¹ – сброс очищенных сточных вод, м³/га; ¹² – сброс загрязнённых сточных вод, м³/га; ¹³ – выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, т/га.

Источник: [14; 17]

Следует отметить, что на территории Дальневосточной части Амурского региона основные виды природопользования, сформировавшиеся ещё в конце XIX и начале XX вв., сохраняют своё значение базовых производств, как в условиях плановой экономики, так при переходе к рынку. В первую очередь, выделяются производства морехозяйственного комплекса (добыча и обработка рыбы и морепродуктов), лесного комплекса (лесозаготовка, механическая и химико-механическая переработка древесины), горнодобывающего комплекса (включая добычу минерального сырья и его первичную переработку) [5; 6; 8; 10–13].

Сопоставление видов деятельности, развитых в 1970-е гг. в Амурском регионе Дальнего Востока и в отдельных субъектах, с современными позволяет оценить, с одной стороны, изменения, динамику территориально-отраслевых структур, а с другой – их значительную инерционность. Так, почти во всех субъектах сохранились многие звенья морехозяйственных, горнодобывающих и лесопромышленных структур. Существенно сократились лишь уровни их развития, особенно перерабатывающих звеньев. Практически заново начали формироваться нефтегазовые транспортные и перерабатывающие звенья. Значительное сокращение

во всех субъектах претерпели звенья машиностроения. Заново начал формироваться туристический сектор экономики. Коренная перестройка произошла и в производственно-экономических связях: их резкое сокращение с российскими регионами, в том числе западными, и переориентация на внешнеэкономические, прежде всего, с соседними странами Северо-Восточной Азии (Китаем, Японией и Республикой Корея).

В долгосрочной перспективе до 2050 г. возможны следующие изменения в видах деятельности и звеньях их территориальных структур как на макро- и мезоуровнях, так и на уровне отдельных экономических центров [16].

1. Прекращение, ликвидация отдельных видов экономической деятельности и звеньев их территориальных структур.

2. Сохранение отдельных видов деятельности с той или иной трансформацией их территориальных структур.

3. Появление новых видов деятельности и новых звеньев их территориальных структур.

Для прогнозных оценок возможных прекращения одних, сохранения других и появления новых видов деятельности на различных пространственных уровнях (от районов до экономических центров) необходимы прогнозные оценки спроса на соответствующие виды товаров и услуг, технологий, в т. ч. новых, ресурсов, в т. ч. природных, сырьевых, профессиональных кадров и инновационной инфраструктуры. Для уровня экономических центров важны прогнозные оценки транспортной инфраструктуры, численности населения, наличия научно-образовательных центров, состояния окружающей среды.

Появление новых видов деятельности в Амурском регионе в целом, и в отдельных субъектах в долгосрочной перспективе возможно в инновационной сфере с использованием региональных, прежде всего – морских природных ресурсов, на базе научно-образовательных центров. Подобные новые виды деятельности, как показывают соответствующие исследования, могут быть связаны с производством приборов и оборудования для освоения ресурсов океана, для биотехнологий на морском сырье, для эффективного освоения северных районов.

Большие структурные перестройки произойдут в горнодобывающей промышленности. Ряд современных предприятий по добыче руд чёрных, цветных и драгоценных металлов после отработки месторождений прекратят своё существование. Возможно, появятся и новые предприятия с глубокой и комплексной переработкой руд.

В дальнейшем значительное развитие получат нефтегазовые узловые и линейные пространственные структуры, в т. ч. крупный газопровод из юго-западной Якутии до Хабаровска с выходом на Владивосток (возможно и его ответвление на Китай и Корейский полуостров). В Хабаровском крае и Приморье будут построены и модернизированы ряд крупных газо- и нефтеперерабатывающих заводов с выпуском продукции на внутренние рынки и рынки стран АТР. Здесь же имеются благоприятные предпосылки развития производств океанического машиностроения (морских судов, подводных аппаратов, приборов и оборудования для освоения морских природных ресурсов).

Список литературы

1. Бакланов П. Я. Прямые и обратные природно-ресурсные звенья в структуре территориальных систем промышленности Дальнего Востока // Экономико-географический аспект природопользования на Дальнем Востоке. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1979. С. 108–110.
2. Бакланов П. Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. Владивосток: Дальнаука, 2001. 144 с.
3. Бакланов П. Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. М., 2007. 239 с.
4. Бакланов П. Я., Ганзей С. С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 218 с.
5. Бакланов П. Я., Мошков А. В., Романов М. Т. Территориальные структуры хозяйства и экономические районы в долгосрочном развитии. Вестник ДВО, 2011. № 2. С. 18–28.
6. Бакланов П. Я., Романов М. Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.
7. Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI веков: в 3 т. / кол. авторов; под общ. ред. академика П. Я. Бакланова. Т. 2. Природные ресурсы и региональное природопользование / кол. авторов; отв. ред. П. Я. Бакланова, В. П. Каракина. Владивосток: Дальнаука, 2010. 560 с.

8. Ишаев В. И. Стратегическое планирование регионального экономического развития. Владивосток: Дальнаука, 1998. 128 с.
9. Лагутин М. Б. Наглядная математическая статистика: учеб. пособие. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2007. 472 с.
10. Леонов С. Н., Корсунский Б. Л., Барабаш Е. С. Региональная экономика и управление: экономика Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2007. 176 с.
11. Меламед И. И. Стратегия развития Дальнего Востока России: монография. М: Современная экономика и право, 2008. 464 с.
12. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А. Г. Гранберг. Рос. акад. наук, Дальневосточное отделение, Ин-т экон. исследований. М.: Экономика, 2006. 848 с.
13. Минакир П. А., Прокаполо О. М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток – Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.
14. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2008. М.: Росстат, 2009. 375 с.
15. Романов М. Т., Мошков А. В. Политика природопользования и критерии его рациональности: материалы XIV совещания географов Сибири и Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 530–533.
16. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года / Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 февраля 2009 г., № 2094-р. М., 2009.
17. Уссурийску 140 лет: сб. статей. Владивосток: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. 2006. 95 с.
18. Шарыгин М. Д., Гагарский М. Д. Теоретические основы размещения производительных сил и экономики районов. Пермь: Перм. ун-т, 2005. 227 с.

References

1. Baklanov P. Ja. Prjamyje i obratnyje prirodno-resursnyje zven'ja v strukture territorial'nyh sistem promyshlennosti Dal'nego Vostoka // Jekonomiko-geograficheskij aspekt prirodopol'zovanija na Dal'nem Vostoke. Vladivostok: DVNC AN SSSR, 1979. S. 108–110.
2. Baklanov P. Ja. Dal'nevostochnyj region Rossii: problemy i predposylki ustojchivogo razvitija. Vladivostok: Dal'nauka, 2001. 144 s.
3. Baklanov P. Ja. Territorial'nye struktury hozjajstva v regional'nom upravlenii. M., 2007. 239 s.
4. Baklanov P. Ja., Ganzej S. S. Transgranichnyje territorii: problemy ustojchivogo prirodopol'zovanija. Vladivostok: Dal'nauka, 2008. 218 s.
5. Baklanov P. Ja., Moshkov A. V., Romanov M. T. Territorial'nye struktury hozjajstva i jekonomicheskie rajony v dolgosrochnom razvitii. Vestnik DVO, 2011. № 2. S. 18–28.
6. Baklanov P. Ja., Romanov M. T. Jekonomiko-geograficheskoe i geopoliticheskoe polozenie Tihookeanskoj Rossii. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. 168 s.
7. Geosistemy Dal'nego Vostoka Rossii na rubezhe XX–XXI vekov: v 3 t. / kol. avtorov; pod obshh. red. akademika P. Ja. Baklanova. T. 2. Prirodnye resursy i regional'noe prirodopol'zovanie/ kol.avtorov; otv. red. P. Ja. Baklanova, V. P. Karakina. Vladivostok: Dal'nauka, 2010. 560 s.
8. Ishaev V. I. Strategicheskoe planirovanie regional'nogo jekonomicheskogo razvitija. Vladivostok: Dal'nauka, 1998. 128 s.
9. Lagutin M. B. Nagljadnaja matematicheskaja statistika: ucheb. posobie. M.: BINOM. Laboratorija znanij, 2007. 472 s.
10. Leonov S. N., Korsunskij B. L., Barabash E. S. Regional'naja jekonomika i upravlenie: jekonomika Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Dal'nauka, 2007. 176 s.
11. Melamed I. I. Strategija razvitija Dal'nego Vostoka Rossii: monografija. M: Sovremennaja jekonomika i pravo, 2008. 464 s.
12. Minakir P. A. Jekonomika regionov. Dal'nij Vostok / otv. red. A. G. Granberg. Ros. akad. nauk, Dal'nevostochnoe otd-nie, In-t jekon. issledovanij. M.: Jekonomika, 2006. 848 s.
13. Minakir P. A., Prokapolo O. M. Regional'naja jekonomicheskaja dinamika. Dal'nij Vostok – Habarovsk: DVO RAN, 2010. 304 s.
14. Regiony Rossii. Osnovnye social'no-jekonomicheskie pokazateli gorodov. 2008. M.: Rosstat, 2009. 375 s.
15. Romanov M. T., Moshkov A. V. Politika prirodopol'zovanija i kriterii ego racional'nosti: materialy XIV soveshhanija geografov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. S. 530–533.
16. Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona na period do 2025 goda / Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 fevralja 2009 g., № 2094-r. M., 2009.
17. Ussurijsku 140 let: sb. statej. Vladivostok: Territorial'nyj organ federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Primorskemu kraju. 2006. 95 s.
18. Sharygin M. D., Gagarskij M. D. Teoreticheskie osnovy razmeshhenija proizvoditel'nyh sil i jekonomiki rajonov. Perm': Perm. un-t, 2005. 227 s.

Статья поступила в редакцию 20.03.2014

УДК 329.63
ББК 66.6

Александр Иванович Начкин¹,
кандидат военных наук, доцент,
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
(191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48)
e-mail: tvakky@mail.ru

Валерий Григорьевич Зарубин,
доктор социологических наук, профессор,
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
(191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48)
e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Региональная структура педагогической подготовки по программам бакалавриата в вузах России

В статье раскрываются тенденции модернизации высшего государственного и негосударственного профессионального педагогического образования в Российской Федерации. Исследование показало, что подготовкой кадров по педагогическим направлениям занимаются федеральные и национальные университеты, различные отраслевые и региональные университеты, академии, институты. Подготовка педагогических кадров по образовательным программам бакалавриата по направлениям 050100 *Педагогическое образование*, 050400 *Психолого-педагогическое образование*, 050700 *Специальное (дефектологическое) образование*, 051000 *Профессиональное обучение* ведётся в 228 государственных вузах Российской Федерации. Анализируется образовательная деятельность государственных и негосударственных вузов. На основании сравнительного анализа региональной структуры образовательных учреждений и направлений подготовки по программам бакалавриата на территории восьми федеральных округов делается вывод о том, что сформировался рынок педагогического труда. Педагогические университеты и институты испытывают острую конкуренцию со стороны государственных и негосударственных образовательных учреждений. Рынок педагогического труда – это система социально-экономических и юридических отношений в обществе, норм и институтов, призванных обеспечить нормальный непрерывный процесс воспроизводства рабочей силы и эффективное использование труда в сфере образования.

Ключевые слова: социология, рынок педагогического труда, высшее педагогическое образование, федеральный округ, образовательная программа.

Alexsandr Ivanovich Nachkin²,
Candidate of Military Sciences, Associate Professor,
Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen
(48 Moika, Saint-Petersburg, Russia, 191028)
e-mail: tvakky@mail.ru

Valeriy Grigoryevich Zarubin,
Doctor of Sociology, Professor,
Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen
(48 Moika, Saint-Petersburg, Russia, 191028)
e-mail: vg_zarubin@mail.ru

Regional Structure of Pedagogical Training on the Bachelor Programs at Russian Universities

The article reveals the trends of modernization of state and non-state higher professional education in the Russian Federation. Research has shown that teacher-training is practiced by federal and national universities, various sectoral and regional universities, academies and institutes. Training of teachers on educational bachelor programs at the courses: 050100 *Pedagogical Education*, 050400 *Psycho-pedagogical education*, 050700 *Special (defectological) educa-*

¹**А. И. Начкин** – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

²**А. И. Начкин** – is the main author, organizer of the research, formulates conclusion and summarizes the results of collective project.

tion, 051000 *Vocational training* is performed at 228 state universities in the Russian Federation. The educational activities of state and not-state universities are analyzed. Conclusion, that market of pedagogical work was formed, is based on comparative analysis of regional structure of educational institutions and training areas under the bachelor programs on the territory of 8 federal districts. Pedagogical universities and institutions face to intense competition from state and not-state educational institutions. Market of pedagogical work – is a system of socio-economic and juridical relations in society, norms and institutions to ensure normal ongoing process of reproduction of labor power and the efficient use of labor in the field of education.

Keywords: sociology, market of pedagogical work, higher pedagogical education, federal districts, educational program.

В процессе модернизации российского образования особое внимание уделяется совершенствованию педагогических кадров и педагогического образования, что связано с изменением ожиданий общества от системы образования и функций педагога в современных условиях, появлением новых типов педагогической занятости и трансформацией рынка педагогического труда. Согласно ФЗ-273 «Об образовании в Российской Федерации» к системе образования относятся не только образовательные организации, но и федеральные государственные образовательные стандарты, образовательные программы различных видов, уровней и (или) направленности, педагогические работники и обучающиеся, органы управления образованием и др. [3, гл. 2, ст. 10, п. 1].

Вопрос о необходимости реформирования педагогического образования связан с итогами проведенного Министерством образования и науки РФ в 2012 году мониторинга деятельности государственных вузов и их филиалов, который показал, что 30 из 42 педагогических вузов (71,43 %) и 29 из 37 их филиалов (78,38 %) признаны имеющими признаки неэффективности [2]. Результаты мониторинга являются аргументом в пользу реорганизации системы педагогического образования.

Исследование, проведенное нами [3], показывает, что только среди вузов подготовкой кадров по педагогическим направлениям занимаются федеральные и национальные университеты, различные отраслевые и региональные университеты, академии, институты. И прежде чем обсуждать вопросы институциональных изменений в системе педагогического образования, в том числе и вопросы создания региональных сетей, необходимо проанализировать регионально-территориальную структуру образовательных учреждений и направлений подготовки.

Сегодня подготовка педагогических кадров в Российской Федерации в системе высшего профессионального образования осуществляется в структуре государственного и негосударственного образования. В структуре государственного высшего профессионального образования выделяется четыре группы вузов. Первая группа – федеральные университеты. Вторая – региональные университеты (в состав группы входят: классические университеты, технические, аграрные и технологические университеты, университеты культуры, физической культуры и другие). Третья группа – педагогические вузы (университеты и институты). Четвертая группа – иные вузы (академии и институты).

В настоящее время подготовка педагогических кадров по образовательным программам бакалавриата по направлениям 050100 *Педагогическое образование*, 050400 *Психолого-педагогическое образование*, 050700 *Специальное (дефектологическое) образование*, 051000 *Профессиональное обучение* ведётся в 228 государственных вузах Российской Федерации. Среди них 9 федеральных университетов и МГУ им. М. В. Ломоносова, 106 региональных университетов, 56 педагогических университетов и институтов, а также 56 других вузов.

Эти вузы располагаются на территории восьми федеральных округов: Центрального, Южного, Северо-Западного, Дальневосточного, Сибирского, Уральского, Приволжского и Северо-Кавказского.

Наблюдается зависимость между территориальной структурой Российской Федерации и распределением вузов, осуществляющих подготовку педагогических кадров. Анализ статистической информации выявил ряд тенденций формирования педагогических кадров (табл. 1).

Распределение вузов, в которых осуществляется подготовка педагогических кадров по образовательным программам бакалавриата на территориях федеральных округов РФ

№	Федеральные округа Российской Федерации	Количество субъектов РФ	Количество вузов	Государственные вузы			
				Федеральные университеты	Университеты	Педагогические вузы	Другие вузы
1	Центральный федеральный округ	18	55	1	18	12	24
2	Южный федеральный округ	6	23	1	10	5	7
3	Северо-Западный федеральный округ	11	22	2	12	4	4
4	Дальневосточный федеральный округ	9	13	2	8	3	0
5	Сибирский федеральный округ	12	33	1	18	7	7
6	Уральский федеральный округ	6	24	1	10	8	5
7	Приволжский федеральный округ	14	42	1	21	13	7
8	Северо-Кавказский федеральный округ	7	16	1	9	4	2
ВСЕГО		83	228	10	108	56	56

Первая тенденция. На территории каждого из федеральных округов РФ сформировалась группа вузов, которая ведёт подготовку педагогических кадров по программам бакалавриата. В Центральном округе эта группа состоит из 55 вузов, в Южном – из 23, в Северо-Западном – из 22, в Дальневосточном округе – из 13, в Сибирском – из 33, в Уральском – из 24, в Приволжском – из 42, и в Северо-Кавказском округе – из 16 вузов. Каждая группа состоит из разнородных вузов. Это привело к формированию неконтролируемого рынка педагогического труда в Российской Федерации. Особенно острая ситуация сложилась в Центральном и Дальневосточном федеральных округах.

Вторая тенденция. Во всех девяти федеральных университетах и в МГУ им. М. В. Ломоносова осуществляется подготовка педагогических кадров по программе бакалавриата. Поиск вариантов эффективного взаимодействия между педагогическими вузами и федеральными университетами приведёт в перспективе к повышению фундаментальных основ и качества подготовки педагогических кадров.

Третья тенденция. К позитивным моментам современного рынка труда относится то, что на территории каждого Федерального округа функционирует ведущий педагогический вуз, который осуществляет уровневую подготовку педагогических кадров – по программам бакалавриата и магистратуры.

В Центральном федеральном округе – это Московский педагогический государственный университет, в Южном – Волгоградский государственный социально-педагогический университет, в Северо-Западном – Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, в Дальневосточном округе – Благовещенский государственный педагогический университет, в Сибирском – Красноярский государственный педагогический университет и Новосибирский государственный педагогический университет, в Уральском округе – Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург) и Челябинский государственный педагогический университет, в Приволжском округе – Нижегородский государственный педагогический университет и Ульяновский государственный педагогический университет, и в Северо-Кавказском округе – Дагестанский государственный педагогический университет. В перспективе данные педагогические вузы могут координировать методическую, исследовательскую и организационную деятельность вузов, осуществляющих подготовку педагогических кадров на территории федеральных округов.

Соотношение доли вузов, которые осуществляют подготовку педагогических кадров по программе бакалавриата, способствует выявлению уровня конкуренции на рынке педагогического труда. Педагогические вузы составляют только ¼ часть

(24, 6) от числа участников педагогического рынка труда. Наибольший сегмент рынка составляют федеральные и региональные университеты – в совокупности 50,8 %. Активную конкуренцию педагогическим вузам составляют другие вузы – 24,6 %.

Уровень конкуренции на рынке педагогического труда по образовательным программам бакалавриата на территории федеральных округов различен.

Первую группу составляют федеральные округа, где доля педагогических вузов достаточно высока, и колеблется от 25,5 до 32,8 %. К числу таких территориальных образований относятся Уральский федеральный округ (доля педагогических вузов составляет 32,8 %, доля федеральных и региональных университетов – 46,2 % и доля других вузов – 21,0 %) и Приволжский федеральный округ (доля педагогических вузов составляет 30,9 %, доля федеральных и региональных университетов – 52,4 %, и доля других вузов – 16,7 %).

Вторую группу составляют федеральные округа, где доля педагогических вузов находится на среднем уровне и колеблется от 23,0 до 25,5 %. К числу таких территориальных образований относятся Северо-Кавказский федеральный округ (доля педагогических вузов составляет 25,5 %, доля федеральных и региональных университетов – 55,8 %, и доля других вузов – 12,5 %) и Дальневосточный федеральный округ (доля педагогических вузов составляет 23,0 %, доля федеральных и региональных университетов – 77,0 %, другие вузы на рынке педагогического труда отсутствуют).

Третью группу составляют федеральные округа, где доля педагогических вузов

является низкой и колеблется от 16,4 % до 21,9 %. К числу таких территориальных образований относятся Центральный федеральный округ (доля педагогических вузов составляет 21,9 %, доля федеральных и региональных университетов – 34,5 % и доля других вузов – 43,6 %), Южный федеральный округ (доля педагогических вузов составляет 21,8 %, доля федеральных и региональных университетов – 47,8 %, доля других вузов – 30,4 %), Сибирский федеральный округ (доля педагогических вузов составляет 21,2 %, доля федеральных и региональных университетов – 57,6 %, и доля других вузов – 21,2 %) и Северо-Западный федеральный округ (доля педагогических вузов составляет 16,4 %, доля федеральных и региональных университетов – 67,2 %, и доля других вузов – 16,4 %).

В Российской Федерации подготовка педагогических кадров ведётся не только в государственных, но и в негосударственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования. В структуре негосударственного высшего профессионального образования выделяется три группы вузов: первая группа – университеты, вторая – академии и третья – институты. Подготовка педагогических кадров ведётся по образовательным программам бакалавриата по направлениям: «050100», «050400», «050700» и «051000».

Негосударственные вузы, которые осуществляют подготовку педагогических кадров, располагаются на территории семи федеральных округов Российской Федерации. В Уральском федеральном округе негосударственные вузы, ориентированные на подготовку педагогов, отсутствуют.

Таблица 2

Распределение негосударственных вузов, осуществляющих подготовку педагогических кадров по образовательным программам бакалавриата на территориях Федеральных округов РФ

№	Федеральные округа Российской Федерации	Количество субъектов РФ	Количество вузов	Негосударственные вузы		
				Университеты	Академии	Институты
1	Центральный федеральный округ	18	37	8	6	23
2	Южный федеральный округ	6	2	0	0	2
3	Северо-Западный федеральный округ	11	4	1	1	2
4	Дальневосточный федеральный округ	9	1	0	0	1
5	Сибирский федеральный округ	12	3	1	2	0
6	Уральский федеральный округ	6	0	0	0	0
7	Приволжский федеральный округ	14	6	1	2	3
8	Северо-Кавказский федеральный округ	7	7	0	0	7
ВСЕГО		83	60	11	11	38

В ходе исследования выявлен ряд тенденций формирования педагогических кадров в негосударственных вузах.

Первая тенденция. В стране насчитывается 60 негосударственных вузов, которые осуществляют подготовку педагогических кадров. Среди них 11 университетов, 11 академий и 38 институтов. Это вузы различного профиля (гуманитарные, экономические, юридические и др.). В то же время отсутствуют профильные педагогические вузы.

Вторая тенденция. Негосударственные вузы функционируют в густонаселённых и промышленно развитых субъектах Российской Федерации. Их размещение носит «очаговый» характер. Ведущим центром подготовки педагогических кадров является Москва (подготовку осуществляют 25 вузов, из них 6 университетов, 5 академий и 14 институтов). К числу крупных центров подготовки педагогических кадров относятся: Московская область (подготовку осуществляют 8 вузов, из них: 1 университет, 1 академия и 6 институтов), Республика Дагестан (6 институтов), Санкт-Петербург (4 вуза, из них: 1 университет, 1 академия и 2 института), Республика Татарстан (4 вуза, из них: 1 университет, 1 академия и 2 института). К числу центров подготовки педагогических кадров относятся: Тульская область (2 института), Краснодарский край (2 института) и Новосибирская область (1 университет и 1 академия).

На рынке образовательных услуг негосударственного образования доминируют институты (доля составляет 66,0 %), университеты (17,0 %) и академии (17,0 %) находятся на периферии рынка.

Таким образом, анализ функционирования высшего профессионального педагогического образования в Российской Федерации выявил следующие тенденции: возник современный рынок педагогического труда, и на территории Российской Федерации сформировалась группа ведущих педагогических вузов.

1. Рынок педагогического труда – это система социально-экономических и юридических отношений в обществе, норм и институтов, призванных обеспечить нормальный непрерывный процесс воспроизводства рабочей силы и эффективное использование труда в сфере образования. Современный российский рынок педагогического

труда представляет собой хаотичное взаимодействие вузов. Педагогические университеты и институты испытывают острую конкуренцию со стороны государственных (федеральные и региональные университеты и вузы различного профиля), а также негосударственных образовательных учреждений (университетов, академий и институтов).

2. На территории 8 федеральных округов функционируют ведущие педагогические вузы, которые осуществляют уровневую подготовку педагогических кадров – по программам бакалавриата и магистратуры. В Центральном округе – это Московский педагогический государственный университет, в Южном округе – Волгоградский государственный социально-педагогический университет, в Северо-Западном округе – Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, в Дальневосточном округе – Благовещенский государственный педагогический университет, в Сибирском округе – Красноярский государственный педагогический университет и Новосибирский государственный педагогический университет, в Уральском округе – Российский государственный профессионально-педагогический университет (Екатеринбург) и Челябинский государственный педагогический университет, в Приволжском округе – Нижегородский государственный педагогический университет и Ульяновский государственный педагогический университет, и в Северо-Кавказском округе – Дагестанский государственный педагогический университет. В перспективе данные педагогические вузы могут координировать методическую, исследовательскую и организационную деятельность вузов, осуществляющих подготовку педагогических кадров, на территории федеральных округов.

3. Любая модернизация, в том числе институциональные изменения в системе педагогического образования, должна соотноситься с задачами данного вида деятельности в общей структуре профессионального образования и учитывать специфику территориального деления страны. Только подробное исследование регионально-территориальной структуры образования позволит выявить особенности формирования рынка педагогического труда.

Источники

1. Информационный портал Министерства образования и науки РФ. URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/> (дата обращения: 10.03.2014).
2. Сайты министерств и ведомств образования и науки республик, краев, областей и автономных округов РФ, сайты, вузов и сайты – носители справочной информации.
3. Российское образование: [федеральный портал]. URL: <http://www.edu.ru/abitur/act.3/ds.1/isn.630/index.php> (дата обращения: 10.03.2014).
4. Edenetwork: электронный справочник. URL: <http://vuz.edunetwork.ru/> (дата обращения: 10.03.2014).
5. Моё образование: [портал]. URL: <http://www.moeobrazovanie.ru/tgpi/> (дата обращения: 10.03.2014).
6. Мониторинг деятельности федеральных образовательных учреждений высшего профессионального образования. Министерство образования и науки Российской Федерации. Москва, 2012. URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/12.10.31-pdf> (дата обращения: 15.03.2014).
7. Национальный рейтинг университетов. URL: <http://www.univer-rating.ru/college.asp?id=43> (дата обращения: 15.03.2014).
8. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ». URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>/Российская газета от 29 декабря 2012 г. (дата обращения: 15.03.2014).

Istochniki

1. Informacionnyj portal Ministerstva obrazovanija i nauki RF. URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/> (data obrashhenija: 10.03.2014).
2. Sajty ministerstv i vedomstv obrazovanija i nauki respublik, kraev, oblastej i avtonomnyh okrugov RF, sajty, vuzov i sajty – nositeli spravocnoej informacii (data obrashhenija: 10.03.2014).
3. Rossijskoe obrazovanie: [federal'nyj portal]. URL: <http://www.edu.ru/abitur/act.3/ds.1/isn.630/index.php> (data obrashhenija: 10.03.2014).
4. Edenetwork: jelektronnyj spravocnik. URL: <http://vuz.edunetwork.ru/> (data obrashhenija: 10.03.2014).
5. Moe obrazovanie: [portal]. URL: <http://www.moeobrazovanie.ru/tgpi/> (data obrashhenija: 10.03.2014).
6. Monitoring dejatel'nosti federal'nyh obrazovatel'nyh uchrezhdenij vysshego professional'nogo obrazovanija. Ministerstvo obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii. Moskva, 2012. URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/12.10.31-pdf> (data obrashhenija: 15.03.2014).
7. Nacional'nyj rejting universitetov. URL: <http://www.univer-rating.ru/college.asp?id=43> (data obrashhenija: 15.03.2014).
8. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2012 №273-FZ». URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>/Rossijskaja gazeta ot 29 dekabrja 2012 g. (data obrashhenija: 15.03.2014).

Статья поступила в редакцию 18.03.2014

УДК 316
ББК С5

Марта Владимировна Хасаншина,
аспирант,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30)
e-mail: marta3748@yandex.ru

Социология в регионе: проблема востребованности

В статье рассматривается проблема востребованности профессионалов-социологов на региональном уровне. Приводятся аргументы о возрастающей потребности современного общества в социологическом знании в связи с глобальными изменениями во всех его сферах: экономической, политической, социальной. Автором проанализировано мнение выпускников и студентов-социологов о востребованности и перспективах профессии социолога в будущем, а также данные госзакупок Федеральной службы занятости населения для выяснения возможности трудоустройства выпускников-социологов как в Забайкальском крае, так и за его пределами. Выявлена и обоснована необходимость изменения отношения к данной профессии со стороны общественности. По итогам исследования установлена востребованность и перспективность профессии социолога с точки зрения её значимости для функционирования любой сферы общества, но невостребованность в должной мере современными работодателями. А также нашла свое подтверждение и мысль о том, что с точки зрения популярности и престижности социология как профессия, имеющая достаточно высокий рейтинг популярности в современном обществе, недооценивается на региональном уровне, причём не только в Забайкальском крае, но и в общероссийском масштабе.

Ключевые слова: социология, востребованность, трудовая занятость, рынок труда, трудоустройство.

Martha Vladimirovna Khasanshina,
Postgraduate Student,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: marta3748@yandex.ru

Sociology in Region: the Problem of Demand

The article considers the problem of demand of professional sociologists at the regional level. There are arguments about the growing needs of modern society in sociological knowledge, in connection with global change in all its spheres: economic, political, social. The author analyzes the opinion of graduates and students-sociologists about demand and prospects of the profession of sociologist in the future, and also the data of procurement of the Federal employment service to clarify the possibility of employment of graduates-sociologists as in Zabaikalsky Krai and beyond. The author reveals and substantiates the necessity of a change of attitude to the profession from the public. According to the results of the study it is showed the relevance and the prospects of the profession of sociologist from the point of view of its significance for the functioning of any social fields, but not in demand in contemporary employers. And c the idea that from the point of view of popularity and prestige of sociology as a profession with a rather high rating of popularity in the modern society is confirmed, and it is underestimated at the regional level, not only in Zabaikalsky Krai, but in the all-Russian scale.

Keywords: sociology, demand, employment, labor market, employment.

В современных условиях глобальных изменений во всех сферах жизнедеятельности общества, сложных политических отношениях особенно важно знание об обществе как целостном социальном организме.

Особенно остро потребность в адекватной оценке проблем российского общества и путей их решения возникла после глобальных социальных экспериментов XX в.

Постижение новых реалий и возможностей потребовало нового взгляда, способного дать исчерпывающие ответы на вызов времени. Потребовалось переосмысление основ общественного развития, культуры жизнедеятельности человека во всех сферах общества: политической, социальной, экономической, культурной. Всё это актуализировало использование на практике со-

циологического знания, вырабатываемых социологией подходов для анализа социальной реальности. Причём вследствие высокой социальной цены радикально-демократических реформ, их неподготовленности, непрофессионального осуществления потребовалось использование новых направлений социологического знания [5, с. 11]. Социология – это «ослепительное и захватывающее предприятие, чьим предметом является поведение людей как социальных существ» [4, с. 13].

Социологи востребованы в маркетинговых и PR-агентствах, средствах массовой коммуникации и пресс-службах, избирательных кампаниях, правозащитных организациях и общественных движениях. Они работают в научных центрах и институтах, ведущих как прикладные, так и академические исследования. В настоящее время количество таких центров, в том числе и негосударственных, возросло, и многие из них успешно действуют на рынке научной продукции. Увеличивается количество рабочих мест и для преподавателей социологии самых разных уровней – от средней школы до поствузовских курсов.

С данной точки зрения у социологии есть масса возможностей для развития, но с другой – социологи зачастую вынуждены доказывать своё право на жизнь. Для людей, получающих образование и заинтересованных в дальнейшей деятельности в роли социолога, найти подходящее место работы является затруднительным. Это оборачивается непониманием своей функции, выводами об отсутствии перспектив профессии-социолога. В итоге начинающие специалисты-социологи покидают социологию, так и не отыскав себе в ней места. Наши размышления подтверждают данные официального сайта Федеральной службы по труду и занятости, которые мы получили в ходе анализа ситуации по трудоустройству социологов в феврале 2013 года [3]. Согласно данным на момент проведения анализа только 18 человек могли бы устроиться по специальности «Социология» в любом регионе России.

Учитывая, что сегодня в 120 вузах страны ведётся подготовка по специальности «Социология», более 20 тысяч выпускников за эти годы получили социологическую специальность [2]. Можно говорить о наличии кадрового ресурса, но невозможности трудоустройства социологов по специальности.

Не исключением является и Забайкальский край. При изучении баз данных Государственной службы занятости и кадрового агентства «Твоя новая работа» на предмет вакансий для специалистов-социологов на забайкальском рынке труда было выявлено, что таких вакансий вообще нет.

Для изучения данной проблемы «изнутри» было проанализировано мнение выпускников и студентов-социологов о востребованности и перспективах профессии социолога в будущем. Методом анкетирования было опрошено 37 выпускников и 123 студента специальности «Социология» Забайкальского государственного университета. В ходе исследования были выдвинуты две общие задачи для обеих категорий респондентов:

- 1) выявить отношение к учёбе в вузе по специальности «Социология»;
- 2) выяснить отношение к профессии «социолог», а также мнение о перспективах развития профессии социолога в современном обществе.

Третья задача была поставлена в соответствии со спецификой каждой категории респондентов:

- для выпускников-социологов: оценить себя с точки зрения профессиональных качеств, полученных в университете;
- для студентов-социологов: выяснить, как видят себя будущие социологи в своей профессии.

Остановимся на некоторых выводах, которые были сформулированы по результатам опроса.

1. В 1,7 раза увеличился процент поступающих на специальность «Социология» стихийно, не целенаправленно, чаще из-за невозможности поступить на другую специальность по разным причинам (посоветовали родители, родственники, друзья, возможность поступления на бюджетную форму обучения, приемлемая стоимость оплаты за обучение). По мнению А. А. Русановой, таких студентов можно отнести к группе «неопределившихся» при распределении студентов в зависимости от субъективных ориентаций, интересов, ценностей в плане получения высшего образования [7]. Следовательно, выбирая профессию социолога по такому принципу, некоторые абитуриенты не осознают всей сложности выбранной специальности. В связи с этим, с одной стороны, человек вынужден пребывать в той сфере деятельности, где не

могут проявиться его возможности и реализоваться призвание, с другой, страдает авторитет, престиж профессии, искажается представление о её возможностях и предназначении.

2. Происходит снижение научной и профессиональной активности студентов-социологов, а значит и интереса к специальности. Полученные данные показали: по сравнению с выпускниками, активно принимавшими в годы учёбы участие в научных мероприятиях (37,8 %), обучающихся в университете на сегодняшний день, стало в 6 раз меньше (6,2 %). Аналогичная ситуация с количеством студентов-социологов, являющихся постоянными участниками социологических исследований, их стало в 2 раза меньше.

3. Набор личностных и профессиональных качеств, которые, по мнению студентов и выпускников, они приобрели в стенах вуза, мало чем отличается у тех и других. Респонденты и той, и другой группы выбрали эрудированность, разносторонность, исполнительность и настойчивость – среди личных качеств; аналитическое, критическое мышление, умение искать информацию, коммуникативные навыки – среди профессиональных качеств, присущих социологу. Единственным отличием является дополнение такого личного качества у студентов как оригинальность.

4. На момент проведения опроса 89,2 % выпускников являлись трудоустроенными, из которых 24,3 % работают по специальности. Положительным моментом является высокий процент трудоустроенных, однако по специальности удаётся найти работу не всем. Основной причиной, по которой выпускники-социологи не смогли устроиться по специальности – это отсутствие вакансий на рынке труда (48,6 %). Данный факт в очередной раз подтверждает нашу мысль об отсутствии возможности трудоустройства как ключевой проблемы развития профессии в целом. Стоит отметить, что большинство выпускников-социологов работает в сфере образования (45,5 %), что коррелирует с мнением студентов о том, что образовательные учреждения пока являются наиболее реальной базой для их будущего трудоустройства (74,1 %).

5. Большинство выпускников-социологов считают профессию социолога не востребованной, как на российском рынке труда (64,8 %), так и на рынке труда Забай-

кальского края (73 %). В тоже время, более половины из них (56,6 %) считают социологию наукой будущего, а 37,8 % полагают, что спрос на специалистов такого рода в будущем будет расти. Данная точка зрения совпадает с мнением студентов-социологов (расхождение ± 2 %).

6. Достаточно оптимистично респонденты обеих групп оценивают профессионализм социолога, большинство из них (63,0 %) считает, что социолог обладает всеми необходимыми знаниями и навыками для работы в любой современной организации, а 81,5 % утверждают, что само общество нуждается в таких специалистах как социологи. В тоже время весьма пессимистично студенты-социологи оценивают свои шансы на трудоустройство в будущем: 55,6 % из них не уверены, что смогут найти работу по своей профессии, и, как следствие, 38,3 % будущих социологов не планируют работать по специальности.

7. Почти каждый пятый опрошенный студент всё же хочет и надеется связать свою будущую трудовую деятельность с социологией. Однако большинство из них не уверены, что смогут осуществить свои профессиональные намерения в нашем городе (крае), – таковых 72,8 %, а 63,6 % опрошенных уверены, что смогут реализовать свое желание работать по специальности в другом городе (регионе).

8. Больше половины респондентов (61,7 %) готовы работать по специальности в Забайкальском крае, если будут предложены рабочие места и достойная заработная плата. Но как говорилось выше, пока ни того, ни другого «малая родина» не может предложить своим молодым специалистам-социологам.

9. 45,6 % студентов-социологов не планируют повышать образование по своему профилю. Те, кто хотят учиться дальше (26,6 %), нацелены получать другую специальность. Лишь 17,3 % сегодняшних студентов-социологов хотят поступить в магистратуру, 8,6 % – в аспирантуру. В связи с этим возникает вопрос о вовлечении кадров в научную деятельность. А ведь эффективная работа вузов по формированию молодежного кадрового корпуса сферы науки – залог успешного развития всей системы образования [6].

Таким образом, результаты опроса выпускников-социологов и студентов-социо-

логов о социологии как профессии, её востребованности в разных сферах общества и перспективности показали, что во мнениях респондентов преобладает достаточно пессимистический взгляд на роль их профессии в нашем регионе. Они ощущают себя мало востребованными как профессионалы, но всё же надеются на то, что ситуация когда-то изменится. И те, и другие достаточно высоко оценивают роль и статус социологии, социологических исследований в нашем обществе, но негативно оценивают отношение к социологам в нашем регионе. Самым главным фактором, влияющим на мнение выпускников и студентов-социологов, является отсутствие вакансий социолога на Забайкальском рынке труда.

Для выяснения возможности трудоустройства выпускников-социологов не только в Забайкальском крае, но и за его пределами был проанализирован другой информационный источник – официальный сайт Российской Федерации для размещения информации о размещении заказов [2]. На момент обследования на сайте было размещено 15 заказов на проведение социологических опросов в РФ.

Одной из целей анализа стало выявление географии проведения социологических исследований в России, т. е. выяснение, где и кем они востребованы, а так же, как оценивается работа социологов-профессионалов, осуществляющих эти исследования (стоимость проектов).

Анализ показал, что социологические исследования востребованы в следующих городах России: Москва, Тула, Красноярск, Мурманск, Санкт-Петербург, Новосибирск, Ростов-на-Дону и т. д. Для большей конкретизации нами были выделены районы на основании заявленных мест оказания услуг:

- 1) Центральная часть России – Ростовская, Тульская, Московская, Владимирская, Мурманская, Ленинградская области;
- 2) Западная Сибирь – Новосибирская, Кемеровская области, Красноярский край;
- 3) Восточная Сибирь – республика Бурятия.

Можно сделать вывод о том, что социологические исследования теряют востребованность по мере отдаления от центральной части России. Чем дальше от центра, тем спрос на социологические исследования падает, и в Восточной Сибири практически равен нулю. К сожалению, Забайкальский край вообще не входит в полученный перечень. А это значит, что перспективы трудоустройства по профессии у социологов Забайкальского края крайне низки. В подтверждение приведём результаты анализа цен контрактов на предоставляемые услуги по выделенным нами районам оказания услуг проведения социологических исследований (табл. 1).

Таблица 1

**Стоимость контрактов на социологические исследования
(по данным официального сайта Российской Федерации
для размещения информации о размещении заказов)**

<i>Центральная часть России</i>							
Начальная цена контракта (р.)	Место оказания услуг						Итого
	Ростовская обл.	Тульская обл.	Московская обл.	Владимирская обл.	Ленинградская обл.	Мурманская обл.	
8 095 075,71			1				8 095 075,71
3 999 600,00			1				3 999 600,00
3 000 000,00	1						3 000 000,00
2 000 000,00				1			2 000 000,00
1 200 000,00						2	2 400 000,00
1 036 666,66					1		1 036 666,66
569 800,00			1				569 800,00
480 000,00		1					480 000,00
79 165,50			1				79 165,50
Итого:	1	1	4	1	1	2	21 660 307,87

Окончание таблицы

Западная Сибирь				
Начальная цена контракта (р.)	Место оказания услуг			Итого
	Новосибирская обл.	Кемеровская обл.	Красноярский край	
500 000,00	1	1		1 000 000,00
105 000,00			1	105 000,00
81 600,00		1		81 600,00
Итого	1	2	1	1 186 600,00
Восточная Сибирь				
Начальная цена контракта (р.)	Место оказания услуг			Итого
	Республика Бурятия			
450 200,00		1		450 200,00
Итого		1		450 200,00

Как видно из таблицы, масштабные, дорогостоящие контракты на проведение социологических исследований заключаются преимущественно в центральной части России (66,6 % от общего числа заказов). Таким образом, вывод о снижении спроса на предоставление услуг проведения социологических опросов по мере отдаления от Центральной части России ещё раз подтвердился. Отметим, что среди заказчиков на проведение социологических исследований преобладают органы управления: администраций областей, республик, городов, муниципальных образований. В совокупности они составили 73,3 % от всего перечня заявленных заказов. Эти данные демонстрируют востребованность социологических исследований, основывающихся на эмпирических данных, прогнозных моделях, системном анализе, как на уровне управления социальной организацией, так и на уровне управления городом, регионом, муниципальным образованием и т. п. Но согласно приведённым выше данным (таблица 1 «География заказов социологических исследований»), эта

востребованность в российских регионах имеет довольно ограниченный характер и распространяется лишь на некоторые субъекты РФ, выделенных нами условных районов Центральной части России, Западной и Восточной Сибири. Хочется еще раз обратить внимание на тот факт, что, к сожалению, в Забайкальском крае этой востребованности нет вообще.

– В ходе анализа выяснилось, что темы для изучения достаточно разнообразны (табл. 2), но некоторые из них не уточняются заказчиком: формулировка – удовлетворённость населения качеством общего образования, начального и среднего профессионального образования;

– удовлетворённость населения, деятельностью органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, в том числе их информационной открытостью.

Отметим, что представители управленческого аппарата, заказывающие социологические исследования получают необходимую информацию для эффективной работы, а также выполняют государственный заказ.

Таблица 2

**Распределение тем социологических заказов
(по данным официального сайта Российской Федерации
для размещения информации о размещении заказов)**

Варианты ответов	Частота	Процент
Выполнение научно-исследовательских работ по проведению 4-х социологических исследований	1	6,7
Выполнение работ по проведению социологического исследования об общественно-политической и социально-экономической ситуации и эффективности деятельности префектуры	1	6,7
Оказание услуг по организации и проведению двух социологических исследований по оценке населением общественно-политической ситуации	1	6,7

Окончание таблицы

<i>Варианты ответов</i>	<i>Частота</i>	<i>Процент</i>
Оказание услуг по подготовке и проведению социологического исследования по теме «Актуальные проблемы жизнедеятельности населения»	1	6,7
Оказание услуг по проведению анкетирования, социологического опроса и исследований состояния рынка труда и потребности незанятых инвалидов трудоспособного возраста в трудоустройстве	1	6,7
Оказание услуг по проведению социологического исследования по изучению эффективности проектов в сфере воспитания культуры толерантности через систему образования, а также уровня межкультурной толерантности в среде школьников	1	6,7
Оказание услуг по проведению социологического исследования по теме «Восприятие образа краевой исполнительной власти населением»	1	6,7
Оказание услуг по проведению социологического опроса жителей по определению уровня оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления	1	6,7
Оказание услуг по проведению социологического опроса населения	1	6,7
Оказание услуг по проведению социологического опроса	1	6,7
Оказание услуг по проведению соцопросов	1	6,7
Оказание услуг по реализации комплекса социологических и информационных мероприятий в сфере ЖКХ	1	6,7
Организация проведения исследований и социологических опросов, разработка статистических и информационно-аналитических материалов в сфере туризма	1	6,7
Проведение социологического опроса населения в целях выявления оценки населением деятельности органов местного самоуправления	1	6,7
Социологическое исследование и мониторинг	1	6,7

Таким образом, профессия социолога, с точки зрения её значимости для функционирования любой сферы социума, является весьма востребованной и перспективной, но не востребована в должной мере современными работодателями. Подтвердилась и мысль о том, что с точки зрения популярности и престижности социология как профессия, имеющая достаточно высокий рейтинг популярности в современном обществе, недооценивается на региональном уровне, причем не только в За-

байкальском крае, но и в общероссийском масштабе. По результатам исследования нами определены проблемы, решение которых позволит повысить статус профессии социолога:

- 1) отсутствие вакансий социолога на рынке труда или их малое количество;
- 2) низкий уровень престижности профессии социолога в России;
- 3) невостребованность социологических исследований (исключение – Центральная часть России).

Источники

1. Всероссийский фестиваль науки: [сайт]. URL: <http://www.official.festivalnauki.ru> (дата обращения: 28.02.2014).
2. Портал госзакупок: [сайт]. URL: <http://zakupki.gov.ru/wps/portal/base/topmain/home> (дата обращения: 28.02.2014).
3. Федеральная служба по труду и занятости: [сайт]. URL: www.trudvsem.ru (дата обращения: 28.02.2014).

Список литературы

4. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
5. Григорьев С. И., Гулякова Л. Г., Лига М. Б. Квалиметрический потенциал социологического витализма в исследовании качества жизни (к формированию новой специальной теории социологии жизненных сил человека). Чита: ЗабГГПУ, 2009. 89 с.
6. Номоконов М. В. Особенности формирования молодёжного кадрового корпуса Забайкальского университета // Дискуссия. 2013. № 1(31). С. 110–113.
7. Русанова А. А. Профессиональное самоопределение в структуре социального самоопределения студенческой молодёжи (социологический анализ) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 4(88). С. 156–164.

Istochniki

1. Vserossiiskii festival' nauki: [sait]. URL: <http://www.official.festivalnauki.ru> (data obrashcheniya: 28.02.2014).
2. Portal goszakupok: [sait]. URL: <http://zakupki.gov.ru/wps/portal/base/topmain/home> (data obrashcheniya: 28.02.2014).
3. Federal'naya sluzhba po trudu i zanyatosti: [sait]. URL: www.trudvsem.ru (data obrashcheniya: 28.02.2014).

References

4. Veber M. Izbrannye proizvedeniya / per. s nem. M.: Progress, 1990. 808 s.
5. Grigor'ev S. I., Guslyakova L. G., Liga M. B. Kvalimetriceskii potentsial sotsiologicheskogo vitalizma v issledovanii kachestva zhizni (k formirovaniyu novoi spetsial'noi teorii sotsiologii zhiznennykh sil cheloveka). Chita: ZabGGPU, 2009. 89 s.
6. Nomokonov M. V. Osobennosti formirovaniya molodezhnogo kadrovogo korpusa Zabaikal'skogo universiteta // Diskussiya. 2013. № 1(31). S. 110–113.
7. Rusanova A. A. Professional'noe samoopredelenie v strukture sotsial'nogo samoopredeleniya studencheskoi molodezhi (sotsiologicheskii analiz) // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 4(88). S. 156–164.

Статья поступила в редакцию 26.03.2014

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 008
ББК 410

Маргарита Ивановна Гомбоева,
доктор культурологии, профессор,
старший научный сотрудник,
Институт природных ресурсов, экологии и криологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(672014, Россия, г. Чита, ул. Недорезова, 16 а)
e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Надежда Николаевна Замошникова,
кандидат педагогических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30)
e-mail: nadezhdanick@mail.ru

Дина Борисовна Сундуева,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30)
e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Типы культурной идентичности малых этнических групп в условиях ассимиляции

Статья посвящена определению и описанию типов культурной идентичности малых этнических групп, сформировавших отдельные этнотерриториальные ареалы проживания в восточно-забайкальском трансграничье. Малые этнические группы¹ в условиях культурной изоляции, ассимиляции и культурного доминирования демонстрируют разные стратегии адаптации: от формирования параллельного общества с высокой степенью этнотерриториальной локализованности до позиционирования псевдо (квази) идентичности. Основным методологическим средством изучения культурной идентичности МЭГ является состояние языка как фактора идентификации религиозной идентичности, форм жизнеобеспечения и природы самоидентификации. Анализ языка выступает в двух функциях, являясь объектом изучения и инструментом анализа элементов структуры идентичности МЭГ. В качестве эмпирического материала в статье привлечены нарративные свидетельства о влиянии факторов культурной изоляции шэнхэнских бурят в КНР на сохранность культуры; о степени ассимиляции малых этнических групп в восточно-забайкальском трансграничье в условиях культурного доминирования (рассказы потомков русского старожильческого населения Монголии, русского старожильческого поселения Трехречья в КНР, шилкинских хамниган Зугалая Агинского Бурятского округа РФ). Данные группы находятся в ретроспективном поиске идентичности между этнокультурным меньшинством и включенной единицей в структуру доминирующей группы или между визуальной стилизацией под «коренное», эндогенное население и воссозданием позиционирования архаичных культурных практик, идей и смыслов. На их примере выделены и описаны четыре типа культурной идентичности, репрезентирующие этапы этногенеза малых этнических групп в процессах от культурной изоляции к культурной ассимиляции: капсульный, консолидационный, диффузный и псевдоморфический.

Ключевые слова: малая этническая группа, идентичность, структура идентичности, самоидентификация, типы идентичности.

¹МЭГ – часть каких-либо этносов, их внутренние подразделения, обладающие культурно-бытовыми особенностями, отличающимися их от основного ядра этноса [9, с. 97].

Margarita Ivanovna Gomboeva,
Doctor of Culturology, Professor,
Senior Researcher,
Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology,
Siberian Branch, the Russian Academy of Sciences
(16a Nedorezov St., Chita, Russia, 672014)
e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Nadezhda Nikolayevna Zamoshnikova,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: nadezhdanick@mail.ru

Dina Borisovna Sunduyeva,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Cultural Identity Types of Small Ethnic Groups in Terms of Assimilation

The article is devoted to the definition and description of the cultural identity types of small ethnic groups that formed a separate ethno-territorial areas of stay in Eastern Transbaikal transborderland. Small ethnic groups¹ in the conditions of cultural isolation, assimilation and cultural domination demonstrate different adaptation strategies: from the formation of parallel society with a high degree of ethno-territorial localization to positioning pseudo (quasi) identity. The main methodological tool for studying the cultural identity of small ethnic groups is a language's state as a factor of the identification of religious identity, forms of life support and the self-identification nature. Analysis of the language serves two functions, as an object of study and analysis tool of the structural elements of small ethnic groups' identity. As the empirical material in the article involved narrative evidence on the impact factors of cultural isolation of shenkhenky Buryat in the People's Republic of China on safety of culture; about the degree of small ethnic groups assimilation in Eastern Transbaikaltransborderland in terms of cultural domination (stories descendants of the Russian old-timers' population of Mongolia, the Russian old-timers' settlement of Trekhrechya in China, Shilka khamnigans Zugalaya Agin-Buryat district of Russia). These groups are in backdated search of identity between ethno-local minority and included unit in the structure of the dominant group or between the visual stylization the "indigenous", endogenous population and recreation positioning archaic cultural practices, ideas and meanings. On their example four types of cultural identity are identified and described, representing the stages of ethno-genesis of small ethnic groups in the processes from cultural isolation to cultural assimilation: capsule, consolidation, diffuse and pseudo-morphic.

Keywords: small ethnic group, identity, structure of identity, self-identification, types of identity.

Трансграничные условия проживания малых этнических групп, находящиеся длительное время в иноэтническом окружении и условиях культурного (языкового, визуально-образного) доминирования усиливают ассимиляционные процессы, способствуют формированию специфических способов самопозиционирования идентичности, обуславливают поведение представителей общности, маркирующее диффузию идентичности.

Основополагающий методологический принцип, которым руководствовались авто-

ры исследования, заключается в том, что социальные и культурные проявления культурной идентичности могут быть достаточно адекватно поняты, если они изучаются на основе синтеза способов самоидентификации личности [11, с. 407] и способов самопозиционирования их. На материале речевых портретов и образов, репрезентирующих процесс структурных изменений, исследуются тенденции, детерминирующие и сопровождающие перемены в структуре культурной идентичности и самоидентификации представителей малых этнических групп.

¹Small ethnic groups is part of any ethnic groups, their internal divisions, which have cultural and community features that distinguish them from the main core of ethnos [9, s. 97].

Для изучения природы самоидентификационных признаков у субъектов исследования нами разработана структура культурной идентичности, включающая такие маркирующие, идентифицирующие признаки композиции как:

- состояние языка как основного отличительного признака ассимилирующегося субъекта, религиозной идентичности;

- наличие традиционных форм жизнеобеспечения, включая родо-племенные или сословные соотношения как признаки идентификации;

- способы совмещения многих идентичностей, самоидентификации и способы позиционирования идентичности, тождество внутренней самоидентификации и внешнего позиционирования.

Особое значение имеет процедура определения характера самоидентификации, позволяющая выявить наиболее проблемные способы самоидентификации, характеризовать природу формирования историко-культурных стратегий идентичности. Изучая содержание этнической самоидентификации как структуру, в которой неизменно ядро – феномен этнической самоидентификации с его общими механизмами, усредненными критериями и самой интенцией идентифицировать себя с каким-либо этносом, необходимо отметить, что данный процесс носит глубоко контекстуальный характер, при этом его позиционирование во многом акцентировано современными смыслами актуальной культуры конкретного этноса в момент взаимодействия с доминирующей группой.

Культурное наследие актуализирует потребность человека соотносить себя с этим этносом, связывает идентичность с реальностью, даёт возможность существовать за счёт приспособления к современным традициям и культуре. Когда наследие становится эфемерным, символическим и нереальным, перестает иметь смысл, ввиду, например, исчезновения этноса, он прекращает выполнять культуuroобразующую функцию, что приводит к смерти конкретной этнической идентичности или её трансформации [6, с. 14].

Методологически оправданным является процедура определения полноты функционирования идентификационных (маркирующих) признаков, характер функционирования и степень взаимодействия которых позволила нам определить типы культурной идентичности малых этнических групп.

Системообразующим показателем полноты или утраты структуры этнокультурной идентичности традиционно в исследовательской литературе рассматривается состояние языка. Связь между социокультурными и языковыми факторами изменения подчеркивалась во многих исследованиях [3, с. 363]. Изучение способов позиционирования культурной идентичности, осуществляемых на основе языковых признаков и неязыковых факторов самоидентификации и позиционирования, позволяет выявить основное направление изменения структуры идентичности. Современные процессы этнокультурной самоидентификации осуществляются через актуализацию неязыковых признаков идентификации.

МЭГ определена как часть этноса, обладающая статусом группы по отношению к собственному этносу и к этносу доминирующему, имеющая такие культурно-бытовые особенности, которые способствуют формированию группового сознания [9, с. 97]. Эти особенности, с одной стороны, подчеркивают исключительность группы. С другой стороны, эти особенности являются причиной давления доминирующих сообществ на поиски самоопределения и позиционирования этой самобытности. В результате у представителей МЭГ появляется групповое осознание отличия, что детерминирует явление двойного самосознания. Поэтому в структуре идентичности МЭГ языковые, профессиональные признаки, по сравнению с культурно-бытовыми особенностями и самосознанием, оказываются вторичными.

В рамках данной статьи предложена схема квазидинамического процесса изменения типов культурной идентичности МЭГ в ассимиляционных процессах трансграничья. Квазидинамический процесс понимается нами как промежуточная стадия между статическим и динамическим состоянием под влиянием внешних и внутренних культуuroгенерирующих факторов. Схема позволяет сравнить результаты ассимиляционных процессов, осуществляющихся достаточно длительное время (от 100 лет и более) и на протяжении одного столетия.

В структуру нашего анализа культурной идентичности МЭГ входит: состояние языка в процессах ассимиляции от изолята до его смены; религиозная идентичность от фундаментализма и консерватизма до неофитства; наличие более архаических форм идентификации и са-

моидентификации, (например, обращение к родо-племенной, сословной идентификации); сохранность традиционного природопользования и хозяйствования, а также самосознание. Самосознание подвержено влиянию таких факторов, как поколенческая метисность, наличие специфических фенотипических черт, давление группы и культурного контекста. Ядром самосознания выступают процессы самоидентификации, определяющие соотношение внутренней самоидентификации и его внешнего позиционирования.

Основные признаки типов культурной идентичности развиваются в направлении от культурного изолята к культурной ассимиляции через процессы постепенной утраты или смены и обретения стратегии некоей устойчивости нового качества.

В зависимости от синергии внутренних и внешних факторов генезиса малых этнических групп и полноты структуры этнокультурной идентичности данные группы сформировали определённые типы этнокультурной идентичности: капсульный, диффузионный, псевдоморфический (рис. 1).

Традиционная культура бурят внутренне неоднородна, характеризуется большой пестротой этнических традиций и значительным диапазоном их вариативности. Это связано, прежде всего, со специфическими особенностями этногенеза, формирования и развития культурных взаимосвязей. На протяжении сотен лет проживания бурят в трёх странах (Россия, Китай, Монголия) усилился процесс локализации разнородных по своим историко-культурным, социальным и региональным характеристикам. По существу традиционная культура бурят трёх стран существенно трансформировалась, испытывая влияние культуры домини-

рующих народов. Опыт межнационального сосуществования в условиях трансграничья в разной степени отразился на специфике внутреннего ядра культуры бурят этих трёх стран. В разной степени для культуры бурят России, Монголии и Китая характерны явления ассимиляции.

На территории Китая буряты XX в. жили в относительной изоляции, что позволило им сохранить культуру жизнеобеспечения, то, что в меньшей степени подвергается трансформации. Более того, сообществу шэнхэнских бурят КНР удалось создать феномен параллельного общества, все явления, характерные для «культурной капсулы» своего рода резервации: самоуправление, язык, обычаи, специфические виды хозяйственной деятельности, традиционные отношения в семье и в обществе. Условием сохранения положительной и устойчивой этнокультурной идентичности в условиях культурной изоляции стал такой фактор, как сохранение в течение XX века материальных форм жизнеобеспечения полукочевого скотоводства.

В настоящее время у шэнхэнских бурят сохранились основы духовной культуры: принцип самоуправления в общественном устройстве; старомонгольская письменность и обучение в школах на монгольском языке, а также ценности многопоколенной семьи. Структурная полнота культурной идентичности проявляется в сохранности языка, религиозной идентичности, формах и способах родо-племенной идентификации, типе хозяйствования. Характерной чертой капсульного типа является единство между внутренним самосознанием, самоидентификацией и формами позиционирования этнокультурной идентичности (рис. 2).

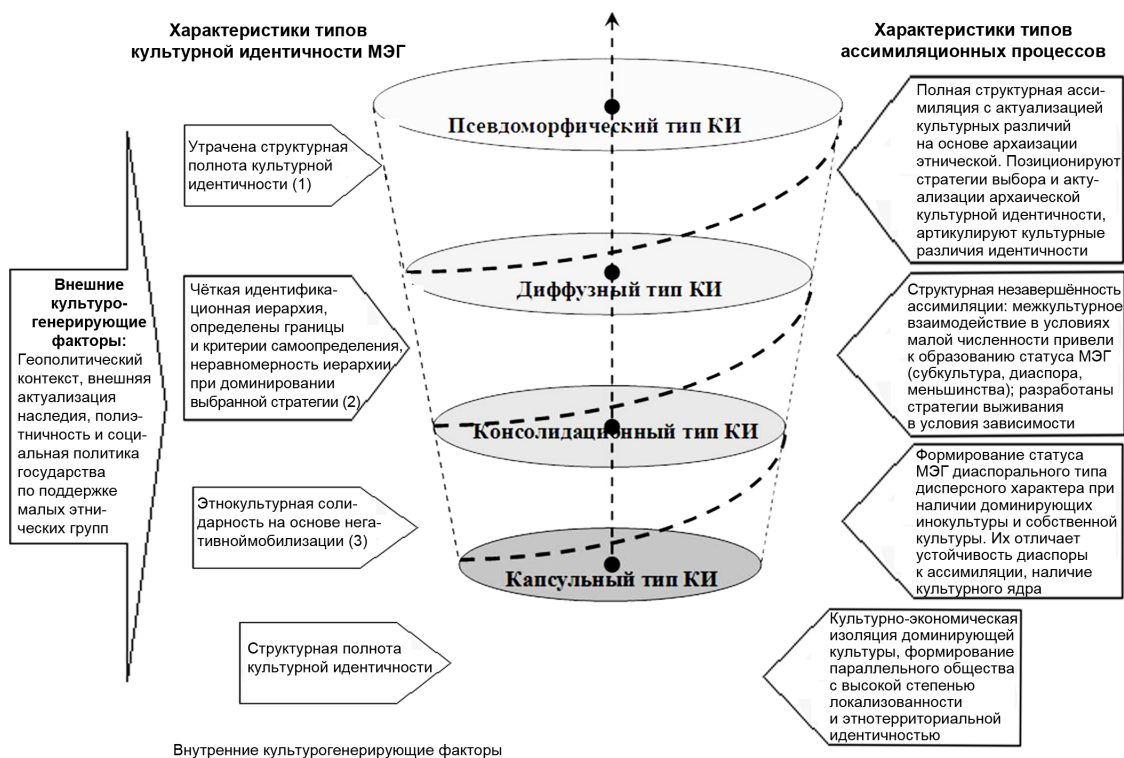

Рис. 1. Схема квазидинамического процесса эволюции типов культурной идентичности МЭГ в ассимиляционных процессах трансграничья в актуальном состоянии

Рис. 2. Структура самоидентификации и форм позиционирования капсульного типа культурной идентичности на примере бурят Шэнхэна (КНР)

Состояние культурной капсулы отличается характеристиками общества-изолята, сформированного в качестве параллельного сообщества доминирующим монгольскому и китайскому, влияние которых неравнозначно. В силу цивилизационного единства с монгольским окружением шэнхэнская группа сохранила и развила материнскую культуру. Что касается китайского влияния, то оно в определённой степени повлияло на различие способов позиционирования культурной идентичности, особенно в годы культурной революции. В период до и во время культурной революции шэнхэнские буряты позиционировали себя монголами.

Итак, капсульный тип этнической идентичности сформировался в условиях культурно-экономической изоляции от материнской культуры и доминирующей культуры, отличается формированием параллельного общества при высокой степени локализованности и этнотерриториальной идентичности.

В настоящий момент сообщество претерпевает существенные изменения, оно активно вступает в процессы межкультурного взаимодействия с китайским, российским бурятским, монгольским сообществами. Социально-экономические преобразования последних лет коренным образом изменили уклад семьи, что особенно отразилось на её материальном быте, где на сегодняшний день этническая специфика значительно ослаблена. В укладе семьи всё более распространяются общие для всех народов стандартизированные формы жизнедеятельности. Унифицировались тип поселений, внутреннее убранство домов, форма одежды, предметы домашнего обихода, стало чрезвычайно разнообразным питание за счёт широкого использования изделий промышленного производства. В Хайларе и Маньчжурии только за последние годы открыто около двух десятков бурятских кафе, закусочных и пекарен. Всё это размывает общинность и в перспективе формирует качественно иной, чем раньше, уровень интеграции в китайское общество [2, с. 240].

В условиях открытости общества к культурным контактам, некоторой утраты своеобразия образа жизни, этнокультурное единство поддерживается соотношением себя с ценностными символами данной группы, язык и память, связь с малой родиной создают солидарность в отношении

собственного воспроизводства и образов восприятия в окружающей среде. Так проявляется консолидационный тип этнокультурной идентичности.

Природа проявления консолидационного типа этнокультурной идентичности показана на примере способов позиционирования и самоидентификации культурной идентичности потомков русского старожильского населения Монголии. При увеличении контактов с «чужой» культурой происходит усложнение совмещения многих способов позиционирования своей идентичности, основанное как на строгом разграничении с иными этничностями, так и на принятии норм, стилей, образа жизни иных как допустимым в определённых пределах.

Этнокультурная солидарность на основе мобилизации признаков МЭГ отличается следующими особенностями. Для неё характерен билингвизм при сохранении русского родного языка с элементами консервации русских старожильческих говоров, православная религия, инкорпорированная в образ жизни и выступающая в качестве весомого фактора этнокультурного позиционирования, при этом они сохраняют память об истоках происхождения: территориальную (мы чикойские), сословную или субкультуральную (мы из забайкальских казаков) идентификацию, они сохраняют элементы традиционного хозяйствования и мироустройства.

Диффузный тип этнокультурной идентичности отличается наличием в структуре идентичности достаточно чёткой идентификационной иерархии, определением культурных границ самоопределения, неравномерностью иерархии способов позиционирования при доминировании выбранной стратегии. По существу, данный тип отличает бикультуральное позиционирование на основе внутренней самоидентификации: несбалансированное двуязычие, сужение сферы функционирования родного языка, явление языкового сдвига, элементы смены языка; наличие образа жизни, в котором элементы традиционного хозяйствования частично сохранены. При всём этом представители данной группы отличает обладание ясности в отношении религиозной идентичности.

Совмещения многих идентичностей взаимосвязано с последующими процессами диффузии в обществах с сильным асси-

миллионным влиянием и детерминируется не столько отдельными факторами, сколько факторным набором. Геополитический контекст и политические условия ассимиляции; наличие или отсутствие коллективных травм, сопровождающих процесс ассимиляции; внешние факторы актуализации культурного наследия; а также присутствие государственной политики в этой сфере, исторические сценарии доминирующего общества по интеграции малых этнических групп в культуру доминирующего общества составляют внешние условия для формирования данного типа этнокультурной идентичности.

Внешними факторами, оказывающими влияние на стратегии позиционирования этнокультурной идентичности данного типа, является синтез собственных наличных и санкционированных доминирующим обществом способов самоидентификации, процессов культурной диффузии и культурных заимствований, характер и тип взаимоотношений с культурой доминирующего общества.

Нарастание интенсивности и динамичности смены образов позиционирования, лежащих в основании самоидентификации, отчетливо проявилось в конце XX в., когда актуализировалась проблема кризиса идентичности. Интенсивность смены самоидентифицирующих образов обусловлена использованием образов традиционной народной культуры как признака совмещения с исторической идентичностью на основании общего прошлого.

Внутренними условиями диффузии является структурная незавершенность ассимиляции. Так, самосознание представителей данной группы отличается некоторой неопределенностью представлений человека о своей этнической принадлежности. Каждое новое поколение малых этнических групп проявляется в соответствующем языковом сознании. Индикатором ассимиляционных процессов служит смена языка, способом самовоспроизводства – культурные отличия и самосознание.

Актуализированные трансграничным взаимодействием способы позиционирования культурной принадлежности субэтническими сообществами в условиях частичной или полной утраты этнокультурной определенности выступают основанием для изучения стратегий позиционирования, стратегий формирования культурной

идентичности или становления новой культурной идентичности, что ведёт к смене этничности.

Псевдоморфический тип этнокультурной идентичности характеризует процесс ассимиляции и завершает её, создавая основу новой идентичности. Ценность термина псевдоморфичность в культуре была доказана еще представителями немецкой классической философии [16], отечественными философами [12], [14]. О. Шпенглер, определяя сущность исторической псевдоморфозы, писал, когда «чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот – её родной, не в состоянии задышать полной грудью. Всё, что поднимается из глубин этой ранней душевности, изливается в пустотную форму чуждой жизни» [16, с. 146]. В 90-е гг. XX в. псевдоморфоза была актуализирована В. Л. Цымбурским. В своей работе «Новый возраст России» В. Цымбурский, определяя тип исторического развития России, пишет: «В определённый момент Россия объявляет себя частью Европы. Одна цивилизация объявляет себя вдруг частью другой и начинает имитировать и воспроизводить европейские формы жизни и культуры» [14, с. 167].

Исследователями отмечается, что содержание, включая совокупности смыслов, присущий уклад жизни и матрицы сознания, постепенно адаптируется к форме и также трансформируется. При этом и сама форма изменяется под давлением «изнутри», под воздействием неадекватного ей содержания. Наконец, содержание, отторгающее чужеродную форму, создает внутри старых форм контуры новых форм (рис. 3).

Ядром культурной идентичности являются языковые, ментальные, физические, психические, социокультурные, культурно-антропологические, конфессиональные характеристики, устойчивые к изменениям и стабильные в своих проявлениях на протяжении значительных промежутков времени. Однако в условиях ассимиляционных процессов под воздействием многих факторов и потребности в адаптации к окружающей среде происходит утрата подлинности и достоверности содержания, ведущая к глубинным преобразованиям в структуре культурной идентичности. При этом псевдоморфный механизм создаёт внутреннее напряжение, относительно равновесного существования компонентов псевдоморфной структуры. Это, собственно, и есть,

как пишет А. И. Ракитов, один из основных механизмов образования псевдоморфной структуры – трансформация «родной», адекватной, органической формы, оболочки

при сохранении неизменным содержания, ядра», ригидного по своему содержанию и не способного реагировать на вызовы извне [7, с. 78].

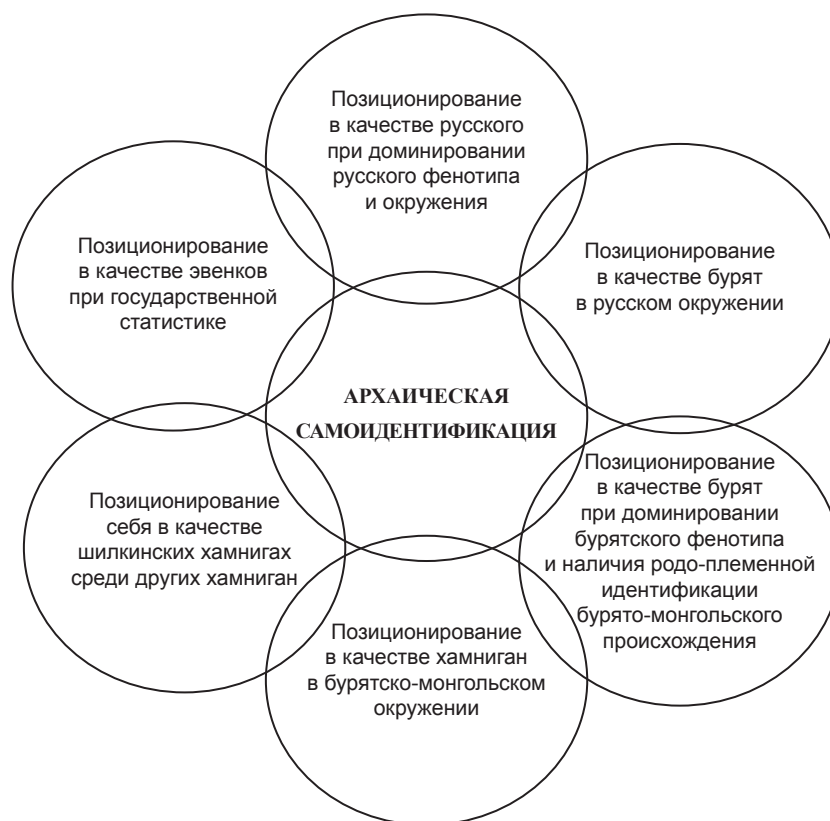

Рис. 3. Структура самоидентификации псевдоморфического типа на примере шилкинских хамниган

В условиях сильнейших ассимиляционных процессов наследие этнической группы под влиянием доминирующей группы претерпевает кардинальные изменения и утрачивается. Новое содержание, адаптируясь к старой форме внутри псевдоэтнической структуры, заполняя её пустоты, формирует *псевдоморфический тип* культурной идентичности.

Самоидентификация выступает в качестве системообразующего ядра культурной идентичности, её векторы позиционирования интенционально направлены на сохранение базовой идентичности, актуализируется при наличии конкурирующей идентичности. В идеальном варианте смысловая наполненность содержания самоидентификации соответствует этнической действительности, то есть тому образу этноса, с которым человек себя идентифицирует.

В условиях структурной ассимиляции, которая сопровождается утратой языка,

наблюдается явление доминирования множественных позиционирований актуализации этнической самоидентификации, и человек в стремлении соответствовать культурным образцам доминирующей культуры, становится обладателем псевдоморфического типа культурной идентичности.

Одной из основных характеристик описываемого типа культурной идентичности является *утрата языка* этнической группой, что обусловлено, прежде всего, внешними культурогенерирующими факторами, которые создают в языковом сообществе ситуацию напряжения, вынуждающую сообщество отказаться от своего языка. Известно, что механизм исчезновения языка малых этнических групп в условиях ассимиляции запускается в результате поглощения её доминирующей группой. Процессы языковой и культурной ассимиляции способны *изменить* традиционные границы сообщества.

В этом случае группа, утратившая свой язык, не рассматривает его в качестве культурного маркера идентичности. В исследовании ряда авторов показана изменчивость роли языка в определении этнической принадлежности, практически утратившего свои функции как одного из маркеров этничности. В данной работе предпринят анализ идентичности изучаемой группы в условиях постепенного забвения его носителями. Проблема заключается в том, что при языковом забвении состояние языка отличается наличием таких рудиментов, как устойчивые сочетания, отдельные фонетические особенности, которые сохраняются в качестве средства этнической самоидентификации. Потребность в самоидентифи-

кации, основанной на архаической идентичности, поддерживается другими признаками этнокультурной идентичности. С одной стороны, ещё существуют остатки культурного языкового сознания. Результаты сравнительного исследования позволяют констатировать, что в условиях ассимиляции, когда традиционные элементы культуры сведены к фрагментарным остаткам, наличествует изменение структуры самоидентификационных признаков. С другой стороны, поддержание самоидентификации детерминруется таким фактором, как давление иноэтнических групп и доминирующего общества, которые в совокупности интенционально направляют группу на поиски архаической идентичности.

Список литературы

1. Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: монография. Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.
2. Балдано М. Н., Дятлов В. И. Соотечественники: шэнхэнские буряты в проекте «национально-культурного возрождения» // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 592–600.
3. Билз Р. Аккультурация // Интерпретации культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. 728 с.
4. Бороноев А. О. Сибирь. Проблемы динамики сибирской идентичности. СПб.: Астерион, 2003. 274 с.
5. Вахтин Н. Б. Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) // Вестник молодых учёных. Серия: Филологические науки. № 1. СПб., 2001. С. 11–16
6. Зубачевский М. В. Этническая самоидентификация и её объективация в культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2010. 20 с.
7. Королев С. А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6. С. 70–79.
8. Лаллукка Сеппо. Восточно-финские народы России: Анализ этнодемографических процессов. СПб.: Европейский дом, 1997. 394 с.
9. Малые этнические и этнографические группы: сб. статей, посвящ. 80-летию со дня рождения проф. Р. Ф. Итса / под ред. В. А. Козьмина. СПб.: Альтернативная полиграфия, 2008. 356 с.
10. Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: Бытие и самосознание: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Екатеринбург, 2003. 54 с.
11. Смолич Е. Языки меньшинств как центральные ценности // Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 405 с.
12. Флоровский Г. В. Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
13. Хилханов Д. Л. Этническая идентичность: роль хозяйственно-экономических и культурно-языковых факторов: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Улан-Удэ, 2007. 306 с.
14. Цымбурский В. Л. Остров России: геополитические и хронополитические работы. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.
15. Черняев А. В. Г. В. Флоровский как философ и историк русской мысли. М.: ИФ РАН, 2010. 200 с.
16. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. М.: Мысль, 1998. 612 с.

References

1. Anisimova A. A., Echevskaia O. G. Sibirskaja identichnost': predposylki formirovanija, konteksty aktualizacii: monografija. Novosibirsk: NGU, 2012. 176 s.

2. Baldano M. N., Djatlov V. I. Sootechestvenniki: shjehnjenskie burjaty v proekte «nacional'no-kul'turnogo vozrozhdenija» // Migracii i diasporы v sociokul'turnom, politicheskom i jekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov / nauch. red. V. I. Djatlov. Irkutsk: Ottisk, 2010. S. 592–600.
3. Bilz R. Akkul'turacija // Interpretacii kul'tury. SPb.: Universitetskaja kniga, 1997. 728 s.
4. Boronoev A. O. Sibir'. Problemy dinamiki sibirskoj identichnosti. SPb.: Asterion, 2003. 274 s.
5. Vahtin N. B. Uslovija jazykovogo sdviga (K opisaniju sovremennoj jazykovej situacii na Krajnem Severe) // Vestnik molodyh uchenyh. Serija: Filologicheskie nauki. № 1. SPb., 2001. S. 11–16
6. Zubachevskij M. V. Jetnicheskaja samoidentifikacija i ejo ob#ektivacija v kul'ture: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Omsk, 2010. 20 s.
7. Korolev S. A. Psevdomorfoza kak tip razvitija: sluchaj Rossii // Filosofija i kul'tura. 2009. № 6. S. 70–79.
8. Lallukka Seppo. Vostochno-finskie narody Rossii: Analiz jetnodemograficheskikh processov. SPb.: Evropejskij dom, 1997. 394 s.
9. Malye jetnicheskie i jetnograficheskie gruppy: sb. statej, posvjashh. 80-letiju so dnja rozhdenija prof. R. F. Itsa / pod red. V. A. Koz'mina. SPb.: Al'ternativnaja poligrafija, 2008. 356 s.
10. Murzina I. Ja. Fenomen regional'noj kul'tury: Bytie i samosoznanie: avtoref. dis. ... d-ra kul'turologii. Ekaterinburg, 2003. 54 s.
11. Smolich E. Jazyki men'shinstv kak central'nye cennosti // Sociolingvistika i sociologija jazyka. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012. 405 s.
12. Florovskij G. V. Puti russkogo bogoslovija / otv. red. O. Platonov. M.: Institut russkoj civilizacii, 2009. 848 s.
13. Hilhanov D. L. Jetnicheskaja identichnost': rol' hozjajstvenno-jekonomicheskikh i kul'turno-jazykovyh faktorov: avtoref. dis. ... d-ra sociol. nauk. Ulan-Udje, 2007. 306 s.
14. Cymburskij V. L. Ostrov Rossii: geopoliticheskie i hronopoliticheskie raboty. M.: ROSSPJeN, 2007. 544 s.
15. Chernjaev A. V. G. V. Florovskij kak filosof i istorik russkoj mysli. M.: IF RAN, 2010. 200 s.
16. Shpengler O. Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoj istorii. T. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy / per. s nem. M.: Mysl', 1998. 612 s.

Статья поступила в редакцию 27.04.2014

УДК 911.3
ББК 26.8

Александр Николаевич Новиков,
кандидат географических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет,
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
Институт природных ресурсов, экологии и криологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(672014, Россия, г. Чита, ул. Недорезова, 16 а)
e-mail: geonov77@mail.ru

Концепция фрактальной географической трихотомии: вопросы классификации направлений и объектов научных исследований

Рассматривается тринитарная фрактальность как методологический инструмент классификации географических наук и объектов гуманитарно-географических исследований, закладываемых на микроструктурном уровне. Фрактальный тринитарный взгляд позволяет выявить взаимоотношения между отдельными географическими направлениями, таким образом, показать, как работает географическая наука, добывая, обрабатывая и внедряя географические знания в практику и образование. Определено место конструктивной географии в системе географических наук, которая, став признанной научной концепцией, не получила своего отражения в официальных классификаторах, разделившись между различными направлениями. Показана многоуровневая трихотомия (тринитарное самоподобие или фрактальность) объектов гуманитарно-географических исследований, выражающаяся в сочетании на различных географических уровнях (планетарном, региональном, локальном) точечных, линейных и площадных объектов. Произведена оценка классической теории центральных мест В. Кристаллера и современной теории территориальных структур хозяйства П. Я. Бакланова с позиции фрактального тринитаризма. Идеальная модель В. Кристаллера, представляющая систему расселения в виде шестиугольных ячеек, образующих решётки, есть проявление фрактальности. Фракталами являются шестиугольники различных уровней системы расселения. Каждый уровень образован точками (населёнными пунктами), линиями (дорогами), которые с нисходящим переходом на новый уровень образуют площадную тему. Представление П. Я. Бакланова об элементарных структурах хозяйства, закладываемых на микроструктурном уровне как двухслойные образования, не противоречит тринитарной философии фрактальности, так как отмеченные слои образуют сочетания точно-линейных и линейно-площадных тем. Отмеченная двухслойность проявляет самоподобие на различных по масштабу уровнях. Показана тринитарная географическая фрактальность трансграничных территорий.

Ключевые слова: гуманитарная география, науковедение, территориальные структуры хозяйства, тринитаризм, трихотомия, фрактальность, философско-географические исследования.

Aleksandr Nikolaevich Novikov,
Candidate of Geography, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology,
Siberian Branch, the Russian Academy of Sciences
(16 a Nedorezov St., Chita, Russia, 672014)
e-mail: geonov77@mail.ru

The Conception of Fractal Geographical Trichotomy: Classification Issues of Research Directions and Subjects

Trinitarian fractality is considered as a methodological instrument of classification of geographical sciences and subjects of humanitarian-geographical research, which are based on the micro-structured level. Fractal trinitarian view reveals the relationship between certain geographical areas showing how the science of geography works, mining, processing and implementing geographic knowledge into practice and education. The place of constructive geography in the system of geographical sciences is determined; the constrictive geography, having become the recognized scientific conception, is not reflected in the official qualifiers, divided into different areas. The multilevel trichotomy (trinitarian self-similarity or fractality) of humanitarian and geo-

graphical research subjects is displayed. It expressed in the combination at different geographical levels (planetary, regional, local) point, line and area subjects. An assessment of the classical theory of central places by V. Kristaller and modern theory of the economy territorial structures by P.Ya. Baklanov from the fractal trinitarian position is made. The ideal model by V. Kristaller representing the settlement system in the form of hexagonal cells, forming lattices, is the evidence of fractality. Fractals are hexagons of different settlement system levels. Each layer is formed by the points (settlements), lines (roads) which with the downward transition to a new level form the areal theme. P.Ya. Baklanov's view on the elementary structure of the economy, based on the micro-structural level as a double layer formation, does not contradict the Trinitarian Philosophy of fractality, as the marked layers form the combination of point-linear and linear-areal themes. The mentioned bilayer demonstrates the self-similarity at the different scale levels. The trinitarian geographic fractality of trans-border territories is suggested.

Keywords: humanitarian geography, science studies/research, geographical coverage of economy, trinitarism, trichotomy, fractality, philosophical and geographical research.

Актуальность темы. Тринитарная философия фрактальности имеет большое значение для географии как мировоззренческой науки, так как даёт альтернативный взгляд на географическую реальность, представляет географические объекты, явления и процессы не в двуедином, а в триединном выражении. В философии географии должны существовать альтернативные мировоззренческие модели, позволяющие наиболее полно отражать географическую реальность. Альтернативный взгляд необходим географии и как конструктивной науке. Географическая экспертиза геоэкономических, геоэкологических, геополитических проблем даёт рекомендации для разработки конкретных управленческих решений, которые затрагивают вопросы жизнедеятельности и безопасности миллионов людей. Географическая экспертиза должна отличаться вариативностью, рассматривать объекты, процессы и явления с различных точек зрения.

Постановка проблемы. Концепция фрактальной географической дихотомии, основанная на двуедином рассмотрении географических объектов, процессов и явлений в отечественной географии доминирует во всех разделах науки. Триединный взгляд в географической науке не подменяет собой двуединый, он дополняет его, позволяя получить более полную оценку географических объектов, процессов и явлений.

Цель статьи – сформулировать основные положения концепции фрактальной географической трихотомии.

Проблема фрактальности была выявлена в географии американским математиком Б. Мандельбротом в 1977 г. при измерении береговой линии Великобритании. Учёный пришёл к выводу, что по мере усиления тщательности измерений, длина линии стремится

к бесконечности, так как при увеличении масштаба участки изображенной границы суши и моря из прямой линии превращаются в ломанную, соответственно, длина участка уже измеренного на карте более мелкого масштаба, на карте более крупного масштаба – увеличивается. Таким образом, изрезанность береговой линии обнаруживает самоподобие при переходе с одного масштабного уровня на другой. Идеи фрактальной геометрии природы Мандельброта [7] можно применить и к исследованию трансграничных территорий. Использование идей Мандельброта имеет значение априорной познавательной модели для восприятия и отражения трансграничной географической картины мира. Мандельброт [7] назвал геометрические фигуры, обладающие свойством самоподобия на различных по масштабу уровнях, фракталами (лат. *fractus* – дроблёный, сломанный, разбитый).

Троичный взгляд на объект научного исследования, который мы находим в работах Р. Г. Баранцева [3], названный принципом тринитаризма; Б. В. Раушенбаха [11], названный логикой триединства, получает в настоящее время всё большее распространение, как в естественных, так и общественных науках.

Тринитарная методология, как доказывает Р. Г. Баранцев, в отличие от исследования бинарных оппозиций отличается целостностью: «Представление о структуре целостной триады позволяет дополнять многие диады до более гармоничных комплексов, находя недостающие элементы. Например, легко видеть, что в антитезе «явление – сущность» не хватает рационального элемента и можно провести аналитическое замыкание, скажем, через структуру [3, с. 158]».

Исследование бинарных оппозиций было реализовано через принцип дополнителности А. Д. Армандом, который, рассматривая вопросы дополнителности на примере природопользования, заметил: «Двоичная дополнителность уступила место троичной дополнителности» [1, с. 27].

Тринитарная фрактальность в классификации географических наук. Классификация географических наук возможна на основе тринитарного подхода, фрактальность которого заключается в делении первоначальной триады на последующие триады.

Автор уже предлагал триединый взгляд на систему географических наук, выделив горизонтальную (естественная, общественная и экологическая географии), вертикальную (геоглобалистика, страноведение и регионоведение) и функциональную (описательная, теоретическая и прикладная географии) классификации [8]. В настоящей статье, избегая повторений, автор ставит задачи чётко определить место конструктивной географии в системе наук и выявить внутренние и внешние функции географической науки, представив их как внешнюю и внутреннюю «жизнь географии».

Примером тринитарной фрактальности является треугольник В. Серпинского [12], где каждый из трёх малых треугольников, образующих большой, подобный ему по строению. Автор изменил треугольник В. Серпинского, заполнив центральный треугольник (выделенный на рисунке 1 пунктирной линией), что позволило не просто рассмотреть тринитарную фрактальность географической науки, но и выявить внутренние взаимосвязи между направлениями географической науки, объяснить появление новых направлений исследований.

В представленной функциональной классификации автор осуществляет попытку понять взаимоотношения между отдельными областями географической науки. В науковедческих исследованиях по географии они часто сводятся к дискуссии о диалектической связи интеграции и дифференциации географических наук. Принципы логики триединства Б. Раушенбаха [11] и фрактальное мировоззрение Б. Мандельброта [7] позволяют с иных позиций взглянуть на систему географических наук и на роль географии как науки в жизни общества.

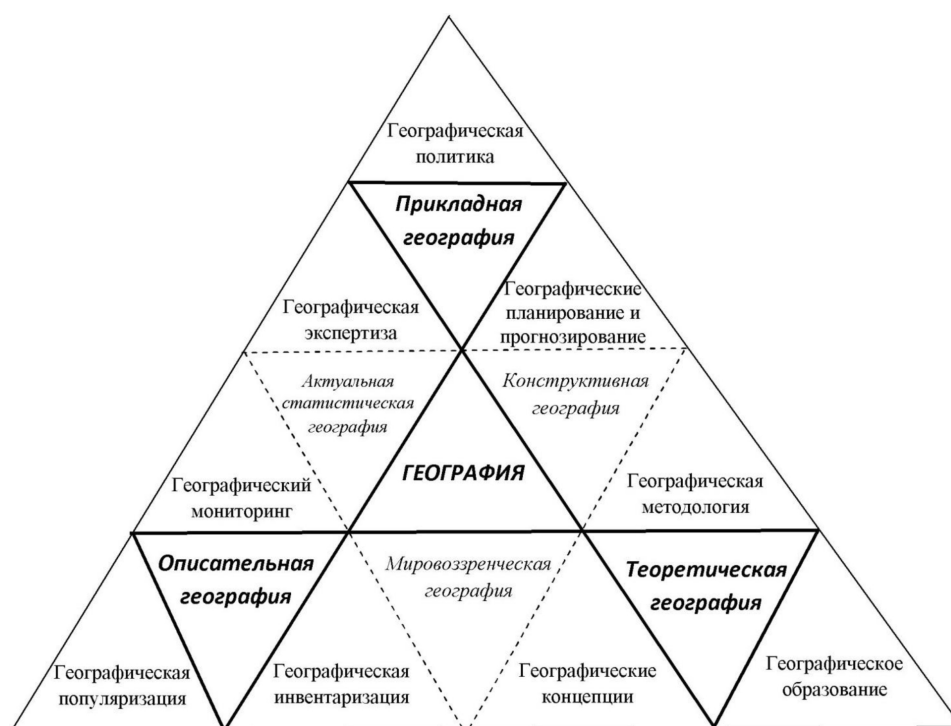

Рис. 1. Тринитарная фрактальность функциональной классификации географических наук

Представленная классификация отражает взаимоотношение между отдельными географическими науками – «жизнь географии в себе». И. П. Герасимов [4], предложивший концепцию конструктивной географии, считал её диалектическим взаимодействием теоретической и прикладной географий. Понятие «конструктивная география» так и не нашло своё место в официальных классификаторах географических наук, так как не вписывается ни в отраслевую классификацию (горизонтальную), выделяющую: физическую, общественную и экологическую географии; ни в территориальную классификацию (вертикальную), выделяющую геоглобалистику, страноведение и регионоведение. Именно поэтому автор предлагает функциональную классификацию, отражающую тринитарную фрактальность структуры географических наук.

Кроме того, представленная функциональная классификация отражает общественное значение географии. Внешние треугольники схемы: географическая политика, географическое образование и географическая популяризация – это выход географической науки во «внешний мир», то есть это те её сферы, которые связаны не с поиском новых знаний, а с их использованием в жизни общества.

Внутреннюю среду географических наук, выражающую «жизнь географии в себе» воплощают внутренние треугольники, примыкающие к пунктирной линии схемы. «Жизнь географии в себе» – это цикл поиска новых знаний, который проходит каждый ученый, исследуя географические объекты, процессы и явления, которые, в свою очередь также имеют свойство тринитарной фрактальности. Рассмотрим это свойство на примере территориальных структур населения и хозяйства.

Философия тринитарной фрактальности в территориальной организации населения и хозяйства. Во всякой науке, как показывает история научных знаний, самым трудным и сложным делом оказываются исходные положения и понятия. В математике таковым является понятие о материи и энергии, в биологии – учение о «первичном» живом веществе – клетке, в географии – учение о районах [5, с. 15]. П. Я. Бакланов, считает некорректным построение такого ряда подобий, опровергая представление о нём как первичном понятии экономической географии, он разраба-

тывает представление о территориальных структурах хозяйства, которые закладываются на низшем, микроструктурном уровне как двухслойные образования [2, с. 9–10]. П. Я. Бакланов разделил экономический район на первичные, исходные элементы, выявил их свойства, рассмотрел иерархию территориальных структур.

Подобно Б. Мандельброту, разделившему на фракталы многие вещи: биржевые графики колебания цен на товары во времени, береговую линию, гидрографическую сеть, П. Я. Бакланов [2] разделил экономический район на элементарные структуры, при этом не ставя задачу поиска самоподобия территориальных структур на различных уровнях. Развивая идеи П. Я. Бакланова о территориальных структурах хозяйства, рассмотрим вопрос их самоподобия на различных территориальных уровнях – фрактальности.

Территориальная организация населения и хозяйства, выраженная в виде географической карты, имеет тройственную природу, которая выражается в сочетании точечных, линейных и площадных тем. В качестве точечных тем выступают: населённые пункты, промышленные предприятия и транспортные узлы. Особенность ещё в том, что все три перечисленные точечные темы могут локализоваться сливаться в одну.

Точечные темы: города, месторождения полезных ископаемых и транспортные узлы. Линейные темы представлены на географической карте различными видами дорог и различного уровня границами. Что касается площадных тем, то они представлены сельскохозяйственными и лесными угодьями. К площадным темам отнесём рыночные зоны промышленных предприятий и учреждений сферы услуг.

В отечественной географии, изучающей процессы территориального освоения, точечные темы – это базы освоения (передовые, глубинные), линейные – трассы освоения (центральные, боковые), площадные темы – зоны освоения (пионерного, реконструктивного) [10].

Интересна роль первичных – точечных структур в территориальной организации населения и хозяйства. По сути, являясь первичной формой, точка участвует в организации линейных и площадных форм. Так, населённые пункты, располагаясь вдоль дорог, рек или морских побережий, сливаясь друг с другом, образуют линейные системы расселения. Населённые пункты

сливаются в системы расселения как очагового (дискретного), так и сплошного (континуального) типа, а их самоподобие на различных территориальных уровнях – пример фрактальности.

Интересно и положение линейных тем, которые являются переходными между темами точечными и площадными. По мнению П. Я. Бакланова [2] у территориальной структуры хозяйства два слоя: линейно-узловой и линейно-территориальный, которые, по сути, являются точечно-линейным и линейно-площадным слоем. Таким образом, три вида тем (структур), сочетаясь в двух вариантах (слоях), образуют двухслойные территориальные структуры хозяйства и размещения населения.

О триединой территориальной структуре писал И. М. Маергойз [6]. Однако, по нашему мнению, к этому понятию он подошёл не через идеи тринитаризма и фрактальности, а через собственно осознание единства трех выделенных им структур. Он выделил три структуры: интеграционно-пространственную или ареально-синтетическую, территориально-отраслевую и питательно-распределительную.

П. Я. Бакланов отмечает, что хотя И. М. Маергойз и говорит о триединой территориальной структуре народного хозяйства, он выделяет три вида территориальных структур как реально существующие, по-разному взаимоувязанные и взаимодействующие в разных странах. При более строгом подходе можно увидеть, что вторая и особенно первая структуры являются лишь определённым уровнем генерализации единой территориальной структуры хозяйства, а третья – её важнейшей составляющей [2, с. 26]. Автор согласен с выводами П. Я. Бакланова.

По нашему мнению, триединство территориальной структуры хозяйства начинает проявляться на микроструктурном уровне во взаимодействии точечных, линейных и площадных тем. С переходом на более высокие уровни (мезо-, макро-), тройственность приобретает новые формы и проявляется как между тремя первичными темами, так и внутри них. Выделенная И. М. Маергойзом триада – это переходная триада, а триединство может проявляться только в системных триадах.

Р. Г. Баранцев [3] выделил три вида триад: линейные (одномерные), переходные (гегелевские) и системные.

Одной из форм проявления троичности являются трёхсторонние трансграничные территории. Рассмотрим проявление троичности в формате каждой из трёх первичных тем.

Точечные темы – приграничные города, располагающиеся непосредственно у границы в эпоху глобализации, обретают общие черты в культурном, экономическом информационно-коммуникационном планах. Взаимодействие двух городов приводит, пусть и не всегда, к образованию трансграничного поселения, обладающего трансграничной континуальностью. Неосвоенное трансграничное пространство осваивается в хозяйственном и демографическом планах, приобретает особый режим трансграничной проницаемости. Между двумя приграничными точечными темами появляется третья, превращая две точки в линию. Это переходная троичность. При этом мы наблюдаем пересечение двух линий: государственной границы и линейной системы расселения.

Что касается линейной системы расселения, то она идёт по ранее проложенной транспортной линии. Таким образом, получается взаимодействие трёх линейных тем – структур: дорог, границ и линейных систем расселения. В данном случае две линейные темы: граница и трансграничная дорога, на карте в месте пересечения образуют точечную тему – трансграничный переход, который имеет как экономическую, так и демографическую составляющую.

Сама граница во взаимодействии с пересекающей её дорогой обнаруживает тройственную функциональность за счёт сочетания контактной и барьерной функций границы, что можно отнести к переходной тройственности. Однако полного доминирования в ходе диалектической борьбы не удастся добиться ни одной из них. Практически в каждом случае возникает третья – генеральная фильтрационная функция, которая за счёт управления, сочетает черты барьерности и контактности.

Площадные темы: приграничные территории трех сопредельных стран образуют за счёт формирования контактных звеньев международную трёхстороннюю трансграничную территорию, которая является системной триадой.

Системной триадой является трёхсторонний трансграничный регион, образующийся вокруг стыка границ трёх государств.

Трёхсторонние трансграничные территории являются специфическими географическими образованиями, которые отличает радиальная симметрия пространственной организации населения и хозяйства относительно точки стыка границ, что принципиально отличает их от двухсторонних трансграничных территорий, имеющих билатеральную симметрию относительно линии границы [9].

В случае интеграции трёх сторон и симметрии не только геометрической, но и социально экономической, регион можно будет назвать триединым. В идеальных условиях по одному из тезисов логики триединства, все три начала (стороны) равноценны. Однако эта идеальная равновесная ситуация в реальности отсутствует. Можно предположить, что приграничные территории к ней стремятся в процессе трансграничной интеграции. Таким образом, триединые трансграничные регионы в географической реальности отсутствуют.

Примеры линейных триад приграничных территорий: Сибирский федеральный округ, Забайкальский край, Забайкальский район. Дробное выделение приграничных территорий можно было бы продолжить, каждый выделяемый уровень имеет участок границы, как один из атрибутов подобия более высокому уровню. Это пример фрактальности территориальной организации населения и хозяйства, который может быть выражен с помощью теории центральных мест В. Кристаллера [13]. Приграничная система расселения не является исключением из общего правила (рис. 2), она так же образована сетью шестиугольников различных географических уровней.

Переходные триады демонстрируют закон диалектики «переход количественных изменений в качественные». Например, сочетание контактной и барьерной функций границы может привести к рождению генеральной – фильтрационной функции. Фильтрационность – это переход границы на качественно новый уровень.

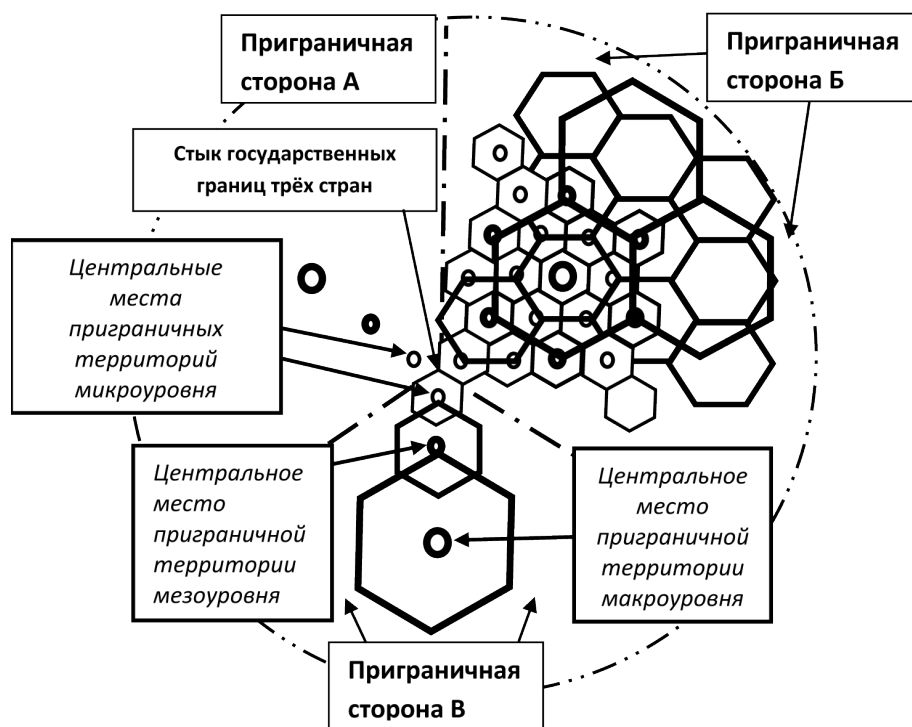

Рис. 2. Фрактальность системы расселения трансграничной территории

В качестве переходных триад можно назвать образование между двумя приграничными территориями локального уровня трансграничной зоны свободной торговли или трансграничного заповедника, объеди-

няющего два приграничных. Таким образом, это процесс объединения двух трансграничных территорий на основе континуальности их территориальных структур и отраслевой общности.

Наряду с двоичной дополнительностью трансграничной территории типа «континуальность и дискретность трансграничья» появляется третье начало – фрактальность, которая выражается в выделении уровней трансграничности и приграничных структур. Это уже не линейная, а переходная триада.

Географическая фрактальность – это не только многоуровневая трихотомия географических объектов, явлений и процессов или фрактальность системы географических наук. Сама фрактальность может выступать как часть географических триад, замыкая бинарные географические оппозиции: континуальность – дискретность – фрактальность трансграничного пространства.

Основные положения тринитарной географической фрактальности позволяют по-новому взглянуть на уже известную систему географических наук, причём не производя никаких перераспределений отраслей, а просто объединяя уже выделенные науки в триады. То же самое можно заметить и в отношении объектов географических исследований, однако здесь был произведена операция не объединения, как с географическими направлениями, а наоборот, разделения на триады. Однако и последняя операция прошла без разрушения уже существующих представлений. Концепция фрактальной географической трихотомии органично вписывается в сложившиеся научные представления, дополняя и обогащая их альтернативным взглядом.

Список литературы

1. Арманд А. Д. Два в одном: Закон дополнительности. М.: ЛКИ, 2008. 360 с.
2. Бакланов П. Я. Территориальные структуры хозяйства. М.: Наука, 2007. 239 с.
3. Баранцев Р. Г. Избранное. Москва-Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. 489 с.
4. Герасимов И. П., Преображенский В. С. [и др]. Основы конструктивной географии. М.: Просвещение, 1986. 287 с.
5. Колосовский Н. Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 136 с.
6. Маергойз И. М. Территориальная структура хозяйства. Новосибирск: Наука, 1986. 304 с.
7. Мандельброт Б. Б. Фрактальная геометрия природы / пер. с англ. М.: Ин-т компьютерных исследований, 2002. 656 с.
8. Новиков А. Н. Трехединая география: структура науки и направленности географического мышления // Перспективы науки. Тамбов: ТМБпринт, 2010. №3. С. 10–15.
9. Новиков А. Н. Трехединые трансграничные регионы: симметрия территориальной организации населения и хозяйства // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2013. Т. 1. № 48. С. 171–178.
10. Новикова М. С. Экономико-географические особенности освоения юго-восточных районов Забайкальского края. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2014. 161 с.
11. Раушенбах Б. В. О логике триединости // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 166–169.
12. Серпинский В. Пифагоровы треугольники. М.: Учпедгиз, 1959. 111 с.
13. Christaller W. Die zentralen Orte in Suddeutschland / W. Christaller; [translated (in part), by Charlsle W. Baskin]. USA: Prentice Hall, 1966. 230 p.

References

1. Armand A. D. Dva v odnom: Zakon dopolnitel'nosti. M.: LKI, 2008. 360 s.
2. Baklanov P. Ja. Territorial'nye struktury hozjajstva. M.: Nauka, 2007. 239 s.
3. Barancev R. G. Izbrannoe. Moskva-Izhevsk: In-t komp'juternyh issledovanij, NIC «Reguljarnaja i haoticheskaja dinamika», 2010. 489 s.
4. Gerasimov I. P., Preobrazhenskij V. S. [i dr]. Osnovy konstruktivnoj geografii. M.: Prosveshenie, 1986. 287 s.
5. Kolosovskij N. N. Teorija jekonomicheskogo rajonirovanija. M.: Mysl', 1969. 136 s.
6. Maergojz I. M. Territorial'naja struktura hozjajstva. Novosibirsk: Nauka, 1986. 304 s.
7. Mandel'brot B. B. Fraktal'naja geometrija prirody / per. s angl. M.: In-t komp'juternyh issledovanij, 2002. 656 s.
8. Novikov A. N. Triedinaja geografija: struktura nauki i napravlenosti geograficheskogo myshlenija // Perspektivy nauki. Tambov: TMBprint, 2010. №3. S. 10–15.
9. Novikov A. N. Triedinye transgranichnye regiony: simmetrija territorial'noj organizacii nasele-nija i hozjajstva // Uchjonye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo. 2013. T. 1. № 48. S. 171–178.
10. Novikova M. S. Jekonomiko-geograficheskie osobennosti osvoenija jugo-vostochnyh rajonov Zabajkal'skogo kraja. Novosibirsk: Akademicheskoe izd-vo «Geo», 2014. 161 s.
11. Raushenbah B. V. O logike triedinosti // Voprosy filosofii. 1990. № 11. S. 166–169.
12. Serpinskij V. Pifagorovy treugol'niki. M.: Uchpedgiz, 1959. 111 s.
13. Christaller W. Die zentralen Orte in Suddeutschland / W. Christaller; [translated (in part), by Charlsle W. Baskin]. USA: Prentice Hall, 1966. 230 p.

Статья поступила в редакцию 24.03.2014

Дмитрий Викторович Трубицын,
кандидат философских наук, доцент
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул.Александро-Заводская, 30)
e-mail: dvtrubitsyn@yandex.ru

**Исследование ресурсного проклятия в экономике,
возможности использования их результатов в концепции модернизации**

В статье изложены результаты исследования ресурсного проклятия в контексте проблемы модернизации. Посредством социально-философского анализа идеи ресурсного проклятия и соответствующих ей теоретических конструктов экономической науки (гипотеза Бозеруп, «голландская болезнь», «нигерийская болезнь») установлено наличие точек соприкосновения их с концепцией модернизации. Автор считает, что экономические исследования ресурсного проклятия, непосредственно затрагивающие проблему взаимодействия природы и общества, имеют большое теоретико-методологическое значение для философского осмысления процесса модернизации, а сам этот феномен связан с фундаментальными закономерностями социально-исторического развития.

Хотя в экономической науке дискуссия по проблеме ресурсного проклятия не завершена, анализ показал, что большинство учёных скорее уточняют, чем опровергают тезис об отрицательном воздействии ресурсного изобилия на развитие общества. И сама эта дискуссия, и эти уточнения позволяют сформулировать теоретические положения, важные для понимания того, что происходит в странах, богатых природными ресурсами.

Показано, что экономические исследования в отрыве от исторических и социально-философских не могут разрешить ряд противоречий теории ресурсного проклятия. Требуется теоретический и методологический выход за пределы экономической науки в область исследований крупномасштабных долговременных социально-исторических трансформаций и в область социально-философских исследований, оперирующих понятиями «модернизация», «аграрное общество», «индустриальное общество». С другой стороны, будучи максимально научными и точными, экономические исследования данного феномена являются методологическим ориентиром для проведения исторических и философских изысканий.

Ключевые слова: модернизация, ресурсное проклятие, экономическое развитие, экономика, социальная философия.

Dmitry Viktorovich Trubitsyn,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: dvtrubitsyn@yandex.ru

**Resource Curse Studies in Economics
and the Potential of their Results using in Modernization Conception**

The article expounds the results of the research of the resource curse phenomenon in the context of the modernization problem. Through the socio-philosophical analysis of the resource curse idea and other adjacent theoretical constructs of economics (Boserup hypothesis, "Dutch disease", "Nigerian disease"), their intersection with the modernization theory is stated. The author supposes that economic studies of the resource curse that directly touch upon the problem of interaction between nature and society can be of great theoretical and methodological importance for philosophical understanding of modernization process, and the phenomenon itself is connected with fundamental laws of socio-historical development.

The analysis revealed that, though the discussion on the resource curse problem is not finished in economics, the thesis about negative effects of resource abundance on social development is rather specified by most scientists than denied. Both the discussion itself and the specifications allow formulating theoretical positions, important for understanding of what occurs in resource abundant countries.

It is shown that economic studies cannot resolve a range of contradictions of the resource curse theory, staying in isolation from historical and socio-philosophical studies. It requires theoretical and methodological means beyond economic science, bringing in studies of large-scale socio-historical transformations of long durations as well as socio-philosophical studies that operate with such concepts as "modernization", "agrarian society" and "industrial society". On the other hand, economic studies of the phenomenon, being the most exact and scientific, are a methodological reference point for historical and philosophical research.

Keywords: modernization, resource curse, economic development, economics, social philosophy.

Развивавшаяся в течение двух столетий идея отрицательного воздействия ресурсного изобилия на развитие общества в конце XX в. выразилась в появлении понятия «ресурсное проклятие». Наша задача – проследить историю этой идеи и разворачивающейся вокруг нее экономической дискуссии с целью обнаружения точек соприкосновения её с проблемой модернизации. Имеющиеся на сегодняшний день попытки применить данный теоретический конструкт в философских обобщениях вызывают возражения и обвинения в абсолютизации отдельных факторов, а применение этой закономерности к оценке перспектив российской модернизации вызывало негативные отзывы вплоть до обвинений в «демонизации ресурсов». Однако есть основания считать, что выходящие на проблему взаимодействия природы и общества экономические исследования ресурсного проклятия имеют фундаментальное значение для социально-философского осмысления проблемы модернизации.

Предпосылки идеи ресурсного проклятия в классической политэкономии, философии и социологии до середины XX в. Мысль о том, что ресурсное изобилие сдерживает развитие общества, была озвучена уже в рамках политэкономии и социальной философии XIX в. Замечание Маркса о том, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора» [14, с. 7], и о том, что слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах» и «не делает его собственное развитие естественной необходимостью», [13, с. 522] свидетельствуют именно о таком понимании проблемы. Но поскольку ресурсы и территории действуют только в приложении к определённой численности населения, это актуализировало демографический фактор. «Если для разделения труда внутри мануфактуры, – писал Маркс, – предпосылкой является определённая численность рабочих, то для разделения труда внутри общества такой предпосылкой являются численность населения и его плотность». Со ссылкой на Джеймса Милля он писал о необходимости увеличения плотности населения для повышения производительности труда [13, с. 365].

Идея отрицательного воздействия ресурсного изобилия на развитие общества

органично вплеталась в социологические, философские и экономические исследования XIX – начала XX в. В частности, мысль о разделении труда как причине прогресса использовал Э. Дюркгейм. Общество «механической солидарности» сменяется у него обществом «органической солидарности» под действием стеснённости. «Разделение труда прогрессирует... тем более, чем больше число индивидов, которые находятся в достаточном соприкосновении» [6, с. 239].

О том, что «материальное оскудение» Западной Европы сделало невозможным её дальнейшее экономическое развитие в докапиталистической форме, писал В. Зомбарт [8, с. 194]. Обнаруживая главный фактор европейской модернизации в формировании «капиталистического духа», причины последнего он объяснял вполне материалистически: «стремлением выйти за пределы своего пропитания» [7, с. 15]. Основная черта докапиталистического общества – уверенный покой, свойственный всякой органической жизни. Модернизация, таким образом, – превращение её в беспокойство; она преобразует принципиально статичное общество в принципиально динамичное [7, с. 19].

Если в философском обосновании и теоретической разработке идеи немалую роль сыграла работа А. Тойнби, в частности, механизм «вызова-ответа», применённый им для объяснения динамики цивилизаций [18, с. 113–187], то в экономике и социологии наиболее близко к данному объяснению причин социально-исторических трансформаций подошли сторонники «демографической школы». В частности, М. М. Ковалевский использовал гипотезу роста населения для объяснения развития европейского общества [9], а в фундаментальном труде об экономике России называл высокую плотность населения «основным фактором роста производительных сил» [10, с. 399]. Важно заметить, что исследования сторонников «демографической школы» зафиксировали зависимость эволюции систем земледелия от плотности населения. Причём эта зависимость считалась настолько точно установленной, что приобрела характер обратной методологической связи: известный советский историк-демограф Б. Ц. Урланис уточняет данные о численности населения в отдалённые эпохи (средневековье и новое время) на

основе господствующих тогда систем земледелия [19, с. 110]. Таким образом, эволюция систем земледелия (примитивные, экстенсивные, интенсивные, переходные и современные) и динамика плотности населения находятся в такой взаимосвязи, что один показатель истории используют для уточнения другого? и наоборот.

О позитивных последствиях роста народонаселения в разных странах писал А. Соби, опровергая тезисы мальтузианства, он указывал на то, что в странах с высокой плотностью населения обнаруживаются экономический прогресс, обустроенность территории, увеличение продолжительности жизни [17]. Посредством демографической динамики он объяснял многие факты мировой истории, в частности, упадок Испании в XVII–XVIII вв., Ирландии в XIX в., которые произошли, по его мнению, из-за снижения численности населения в результате массовой эмиграции в Америку [17, с. 13–17].

Современная экономическая теория: гипотеза Бозеруп и её проверка. Для начала отметим, что само возникновение современной экономической науки, её выделение из классической политэкономии связано именно с осознанием факта конечности ресурса. Если предметом изучения политэкономии было производство и распределение богатства, то предметом «экономикс» становится оптимальное использование ресурсов [12, с. 36]. Появление такого предмета экономической науки и такого принципа хозяйственной деятельности возможны только при столкновении человеческого мышления с фактом конечности ресурса, что говорит в пользу трактовки модернизации как интенсификации экономической системы общества, наступающей в условиях стеснённости.

В рамках современной экономической науки положение об интенсификации под влиянием роста населения и недостатка ресурсов было оформлено в теорию во второй половине XX в., когда Эстер Бозеруп, специалист в области экономического и сельскохозяйственного развития, доказала, что при определённых условиях рост плотности населения ведёт к интенсификации сельского хозяйства, следовательно, не к упадку и бедности, а к развитию экономики и росту благосостояния. Она констатировала факт благотворного воздействия ресурсной стеснённости не только на сель-

ское хозяйство, его интенсификацию в технологическом аспекте, но и на распространение частной собственности [25]. Таким образом, стеснённость, тесно связанная с плотностью населения, выступает у неё и как фактор трансформации социальной структуры аграрного общества. На основании собственных исследований она утверждала, что не только технологические и экономические, но и социальные изменения не будут иметь места, если сообщество не испытывает демографического давления.

Благодаря этим положениям датский учёный вошла в историю экономической науки как «классик в теории развития» и открыла целое направление экономических и исторических исследований, направленных на проверку «гипотезы Бозеруп». Сформулированные ею положения прямо или косвенно подтверждались другими исследованиями, как экономическими [28; 45], так и историческими [51]. Авторы этих и ряда других работ обнаружили тесную связь развития сельского хозяйства с его интенсификацией, доказали, что рост населения способствует экономическому развитию и решению продовольственной проблемы, росту благосостояния общества, а не обнищанию.

Последовали и первые уточнения. Анализ экономической динамики отдельных стран показал, что развитие происходит тогда, когда интенсификация сельского хозяйства оказывается менее затратной, чем вовлечение в оборот новых земель [42]. В разное время подтвердили и уточнили тезис о развитии сельского хозяйства под влиянием стеснённости и прироста населения экономисты и историки У. Дейрити, Д. Крауткремер и К. Джонстон [31; 39; 43]. Они доказали возможность применения этой закономерности для изучения аграрной экономики в исторически отдалённые эпохи и показали, что более многочисленное и более плотное население облегчает развитие социально-экономических структур, в свою очередь увеличивающих производительность сельского хозяйства.

Нельзя сказать, что гипотеза Э. Бозеруп не подвергалась сомнению или критике. Уже в 80-х гг. А. Келли, исследовавший воздействие демографической динамики на экономическое и социальное развитие, показал, что и то, и другое – сложные явления, не позволяющие заключить все закономерности их взаимодействия в одном тео-

ретическом положении [41]. Тезис, что рост населения способствует экономическому развитию, он считает упрощённым. Его же собственное исследование показало, что в основном это утверждение верно по отношению к доиндустриальным обществам, аграрная экономика которых действительно интенсифицировалась и трансформировалась под влиянием демографического давления. Но далеко не всегда это приводит к развитию, особенно в современном мире, где многое зависит от других факторов – степени перенаселения, обеспеченности ресурсами, политической ситуации и т. д. Слишком большое перенаселение и стеснённость в ресурсах, характерные для ряда азиатских стран во второй половине XX в., приводят скорее к отрицательным последствиям. Это – серьёзные уточнения, но легко заметить, что тезис об отрицательном воздействии ресурсного изобилия на модернизацию они не опровергают.

Другие работы показали, что рост населения стимулирует экономический рост лишь в определённых пределах. Р. Билсборроу, исследуя демографическое давление и сельскохозяйственное развитие в развивающихся странах, констатирует, что перспективы повышения уровня жизни здесь выше при более медленных показателях роста населения [24]. Автор фиксирует различные реакции обществ развивающихся стран на увеличение плотности сельского населения (расширение обрабатываемых земель, интенсификация, эмиграция, снижение рождаемости), однако, несмотря на это очевидное достоинство его работы, нет оснований считать её опровержением интересующей нас закономерности. Во-первых, рост благосостояния отнюдь не всегда является показателем модернизации. Как показала экономическая история ряда стран во второй половине XX в., этот рост может быть обеспечен массивным экспортом природных ресурсов, а не развитием экономики. Во-вторых, рост населения в этих странах в данный период, равно как и нагрузка на естественные ресурсы, действительно начинают превосходить все мыслимые масштабы, и из интенсифицирующего фактора превращаются в дестабилизирующий. Мало кто сомневается сегодня в том, что чрезмерно высокий рост населения – препятствие для повышения уровня жизни.

С. Дж. Скэнлен исследует наличие и доступность продовольствия в слабо ин-

дустриализированных обществах, прослеживает влияние стесненности в продовольственных ресурсах на экономическое развитие [49]. Его работа не опровергает базовое положение об интенсифицирующем воздействии дефицита продовольственных ресурсов на развитие экономики. Демографическое давление, считает автор, имеет отрицательные последствия непосредственно, но последующее развитие технологий, применение удобрений, интенсификация форм землепользования, развитие инфраструктуры и интернационализация продовольственных рынков уравновешивают эти отрицательные эффекты. И напротив, увеличение доступа к сельскохозяйственным ресурсам далеко не всегда решает проблему обеспечения населения продовольствием.

Э. Креншоу и К. Робинсон проверяют положение о том, что исторически возрастающая плотность населения способствует развитию доиндустриального общества, усложнению его структуры и положительно влияет на современные экономические показатели [30]. Они считают это классическое положение в целом верным, хотя предупреждают о недопустимости его упрощённого понимания. Их исследование экономической динамики в 101 развивающейся стране в период 1970–2000 гг. в основном не опровергло этого положения, хотя в реальности в каждой стране всё сложнее. Внутри этой закономерности действуют и другие, усложняющие её.

Важны доводы заведомых противников теории [44]. Э. Ламбен и П. Мифруа критически относятся к положению о том, что стеснённость в ресурсах приводит к развитию. «Экономические, технологические или институциональные инновации не обязательно возникают в ответ на ограничения ресурсов – так же как недостаток камней не являлся движущей силой революции бронзового века» [44, с. 116]. В основе их работы – изучение трансформации систем землепользования в результате сокращения тропических лесов Юго-Восточной Азии под влиянием хозяйственной деятельности людей. Исследование было призвано проверить, вызваны ли изменения в землепользовании отрицательными социо-экологическими последствиями в результате истощения ключевых ресурсов, или они зависят от внешне детерминированной социально-экономической трансформации

и инноваций, заимствованных извне и не имеющих отношения к состоянию экосистемы. Оказалось, что внешние влияния играют не меньшую, а в каких-то аспектах даже большую роль, чем внутренние. Однако есть основания считать, что результаты этого исследования не опровергают проверяемого положения, а дополняют его тем, что в условиях глобализации внешний фактор (заимствование технологий и институтов) играет всё большую роль, а фактор стеснённости – всё меньшую.

«Ресурсное проклятие» и «голландская болезнь». Завершает своё становление обозначенная идея появлением понятий «ресурсное проклятие» и «голландская болезнь». Они были введены в 70–80-х гг. XX в., когда мир столкнулся с фактом значительного падения уровня жизни в странах-экспортёрах нефти, а широкая разработка месторождений природного газа в Северном море Нидерландами и рост поступлений от экспорта природных ресурсов привели к укреплению курса национальной валюты, но подорвали конкурентоспособность других секторов, в частности, сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности [23; 47]. Считается, что голландская болезнь – один из симптомов ресурсного проклятия. Последовали широкие исторические сопоставления, учёные обратили внимание на ускоренное развитие бедных ресурсами Нидерландов по сравнению с Испанией в XVII в. и Японии по сравнению с Россией на рубеже XIX–XX вв.

Сразу после появления этих теоретических конструктов в научной печати возник внушительный массив литературы, авторы которой стремились опровергнуть, подтвердить или уточнить стоящую за ними закономерность. В частности, исследователи Н. Динг и Б. Филд показали необходимость разведения понятий «ресурсная зависимость» и «ресурсная обеспеченность» [32]. Первое полностью соответствует закономерностям «ресурсного проклятия», здесь они соглашаются с Дж. Саксом и А. Уорнером, а вот второе может иметь и позитивные последствия для экономики.

Однако большинство учёных принимают теорию ресурсного проклятия почти безоговорочно. Э. Бульте, Р. Дамания и Р. Дикон исследовали отношение между изобилием ресурсов и экономическим ростом и доказали закономерность ресурсного проклятия. Они обнаружили, что ресурсоемкие

страны показывают более низкий уровень человеческого развития [27]. Однако, считая они, прямой связи между ресурсами и благосостоянием не существует. Имеются также существенные различия в эффектах, производимых различными видами ресурсов на различные аспекты благосостояния. В целом их результаты показали, что ресурсное проклятие является более охватывающим феноменом, чем считалось ранее, и что есть лишь различия между воздействиями различных типов ресурсов на различные аспекты управления экономики и политики и благосостояние общества. Сам же механизм ресурсного проклятия не только не опровергается, но и уточняется.

Авторы коллективной монографии под редакцией М. Хамфриса, Дж. Сакса и Дж. Стиглица идею ресурсного проклятия сомнению не подвергают, напротив, считают, что история последней четверти XX в. её подтверждает [34]. Они отталкиваются от неё и дают рекомендации к социальной и экономической политике в целях избежания деградации экономики и общества под влиянием ресурсного изобилия.

В существовании механизма ресурсного проклятия не приходится сомневаться и потому, что уже разработаны и реально действуют рекомендации правительствам по его избеганию, создан международный проект, поддерживаемый многими странами. Это Инициатива за прозрачность в добывающей промышленности – Extractive Industries Transparency Initiative (EITI) – коалиция правительств, компаний и представителей гражданского общества, сотрудничающих в целях увеличения открытости и ответственности в управлении доходами от природных ресурсов. Учёные-экономисты уже подводят некоторые итоги этой инициативе, о чем и пишет К. Корригэн [29]. Он проверяет, насколько эффективны были эти мероприятия, прежде всего в странах, богатых ресурсами. Эффективность проекта оценивается автором на основе исследования двух показателей, предположительно испытывающих угнетающее воздействие ресурсного изобилия: экономическое развитие и качество управления. Анализу подвергнуто 200 стран, результаты подтверждают наличие положительного эффекта, хотя и не столь значительного, как можно было ожидать. Исследователь обнаруживает, что EITI была успешна в защите экономики ряда стран от ресурсного проклятия,

но оказалось, что она малоэффективна в воздействии на уровень демократии, политическую стабильность и коррупцию. Однако считает автор, что требуется повторить исследование через 5–10 лет, когда у политики ЕІТІ будет достаточно времени, чтобы произвести эффект.

Ресурсное проклятие и политика: «нигерийская болезнь». Необходимо говорить о влиянии ресурсного изобилия не только на развитие экономики, но и на социально-политические процессы. Здесь также имеет место дискуссия, но в основном отрицательное воздействие механизма ресурсного проклятия на политическую сферу сомнению не подвергается. Как считает Н. Шэксон, зависимость от минеральных ресурсов является злом не только в силу замедления экономического роста, но и вследствие внутренних конфликтов, нарастающего неравенства, стагнации демократии и расцвета коррупции [50, с. 1123]. Т. Карл полагает, что в странах, богатых ресурсами, серьёзно затрудняется не только диверсификация экономики, но и процесс становления демократии [40], а по словам Р. Аути, такие государства «обзаводятся корыстным и хищническим чиновничеством, заботящимся только об извлечении ренты» [Цит. по: 16, с. 113]. Э. Уэйнтел и П. Луонг считают, что страны-рантье стремятся к социально-политическому контролю над собственным населением через навязывание различных форм экономической зависимости от государственной власти, единолично получающей и перераспределяющей сырьевую ренту [53, с. 38]. В итоге «оппозиционные настроения слабеют, произвольно расходимые деньги тратятся на покупку народной поддержки, а экономика оказывается подверженной захвату со стороны государства и высокой коррупции» [16, с. 119]. Р. Саква полагает, что «избыточные доходы, эффективно осваиваемые зрелым демократическим государством, вполне могут использоваться на благо всего общества», однако в ряде стран «нефтяное проклятие исказило структуру экономики, дурно сказалось на открытости и подотчетности политиков, усугубило сепаратизм и внутренние распри» [16, с. 112; 48]. По мнению М. Росса, диапазон этих столкновений колеблется «от вялой борьбы за сецессию в дельте реки Нигер или Южном Таиланде до полномасштабных гражданских войн в Алжире, Колумбии, Судане и, разумеется, Ираке» [46, с. 4].

Для фиксации подобных явлений было введено понятие «нигерийская болезнь»; оно отражает реальность, когда «огромная природная рента поощряет коррупцию и возвращает обособленную от общества политическую элиту, отправляющую миллиарды долларов в швейцарские банки, в то время как национальная инфраструктура приходит в упадок, а большинство населения нищает» [16, с. 113]. Так, пишет Р. Саква со ссылкой на работу Д. Хиро, из 400 млрд долларов, полученных Нигерией от добычи нефти в 1960–1999 гг., 380 млрд были «разворованы или растрочены впустую» [16, с. 126; 38].

Однако и здесь не всё однозначно.

По мнению Р. Саквы, хотя синдром рантье искажает политическое развитие, не стоит считать аксиомой утверждение, что любое богатое ресурсами государство неизбежно превращается в государство-рантье. Есть факты, указывающие на отсутствие прямой связи между обеспеченностью легкодоступными ресурсами и политическим развитием. Со ссылкой на М. Росса он пишет: «Ближневосточные государства, купающиеся в нефти, слышать не хотят о демократии; но и бедные страны, в которых нефть отсутствует, тоже не слишком знакомы с плюрализмом» [16, с. 113; 46].

Но ещё больше вопросов возникает при объяснении российских политических реалий. Здесь мнения сильно разнятся. Так, П. Гурха не отрицает негативного воздействия ресурсного изобилия на экономику пореформенной России, это видно, по его мнению, невооружённым глазом. С 1998-го по 2005 гг., т. е. в период первого за всю постсоветскую историю максимального роста цен на энергоресурсы, доля сырьевых товаров в российском экспорте (в первую очередь нефти, газа, топлива и руд) возросла с 2/3 до 3/4, превзойдя весь остальной экспорт [37, с. 602]. Он выявляет особенности сырьевой экономики, в конечном итоге являющиеся патологическими. Это сосредоточенность на сырьевом секторе, препятствующая диверсификации, тенденция к формированию олигополии в сырьевых отраслях, их государственная опека в связи с тем, что только от них зависит пополнение бюджета, сращивание бизнеса и государства, слияние государственных и экономических интересов в сфере сырьевых ресурсов, что обособляет этот сектор от остальной экономики, подрывая рыноч-

ные принципы. Как видим, в основном это экономические последствия, но имеющие прямой выход на политический уровень.

С. Фиш считает, что сырьевая рента является главной причиной крушения демократии в России: изобилие ресурсов остановило демократический процесс посредством коррупции, государственного вмешательства в экономику, ограничения свободы предпринимательства [36]. Ему возражает У. Томпсон, по мнению которого нет оснований считать, что политика в России была бы более демократичной, а власть – менее коррумпированной и более эффективной, если бы страна не располагала большими сырьевыми ресурсами [52, с. 336]. Ещё более решительно против идеи ресурсного проклятия настроен М. Брэдшоу: «...дурное управление, коррупцию и даже вооружённые конфликты нельзя объяснять сырьевой рентой как таковой; первейшее значение имеют те механизмы, с помощью которых рента присваивается, а также цели, на которые она расходуется» [26, с. 726]. Некоторые авторы и вовсе полагают, что России удалось избежать ресурсного проклятия, и в мировой экономике она играет более позитивную роль, чем даже в свое время играл Советский Союз [33]. По мнению У. Томпсона, значение политических патологий, объясняющихся ресурсной зависимостью, в российском случае сильно преувеличивается, а в изучении взаимосвязи между ресурсной зависимостью и плохим правлением важнее определить, что является причиной, а что следствием [52, с. 336–338].

В конечном итоге, считает ряд экспертов, хотя из эксплуатации ресурсов действительно извлекается огромная рента, нет особых оснований полагать, что при её отсутствии российская модель была бы менее подвержена неэффективности управления и коррупции. В качестве доказательства чаще всего приводится «норвежский аргумент»: «Россия производит всего лишь 3 тонны нефти на душу населения, в Норвегии аналогичный показатель составляет 20 тонн. На долю нефти приходится 45 % норвежского экспорта и 17 % ВВП – и всё же этой стране удалось избежать как «голландской болезни», так и превращения в «нефтяное государство» [16, с. 117–118]. К нему примыкает наиболее распространённый среди критиков ресурсного проклятия «американский довод» (США и Канада в период индустриализации и максимально-

го подъёма также не испытывали дефицита ресурсов). Однако на каждый из этих доводов у сторонников теории ресурсного проклятия имеется свой контраргумент.

Нельзя не упомянуть труды современных российских учёных, исследующих как чисто экономические, так и политические последствия ресурсного проклятия [2; 3; 4; 15]. Являясь активными участниками международной дискуссии по проблемам ресурсного проклятия, эти авторы исследуют, подтверждают и уточняют закономерности его воздействия на экономику и общество стран, богатых природными ресурсами. Помимо подтверждения главного положения о том, что страны, в экономике которых доминируют природные ресурсы, характеризуются более низкими темпами экономического роста, ими были сделаны важные шаги в понимании воздействия ресурсного изобилия именно на развивающуюся экономику, что особенно важно для проблемы модернизации. «"Ресурсное проклятие" поражает в первую очередь те страны, в которых институты не развиты... его основной механизм – дальнейшее разрушение институтов» [4, с. 74]. Была выявлена и доказана взаимозависимость таких процессов, как увеличение сырьевой направленности экономики и ограничение свободы слова и демократии, к которым примыкают типичные симптомы ресурсного проклятия – усиление авторитарных тенденций, сохранение массовой коррупции, снижение уровня образования и квалификации трудовых ресурсов [2].

Заключение. Проведённый анализ позволяет констатировать, что экономическая дискуссия по обозначенной проблеме не завершена. Однако очевидно, что имеющаяся критика идеи ресурсного проклятия носит скорее уточняющий, нежели отрицающий характер. Если объединить вышеуказанные идеи в одно теоретическое положение об отрицательном воздействии ресурсного изобилия на развитие экономики и общества, придётся признать, что в целом оно не опровергается экономистами. Важнейшие уточнения (важные именно для исследования, претендующего на общетеоретическое и социально-философское осмысление этого явления), сводятся к следующему:

1. Необходимо учесть, что негативное воздействие ресурсного проклятия на политическую трансформацию носит более стохастичный характер, чем на экономиче-

скую. Но это не означает, что оно отсутствует вовсе: большинство исследований его подтверждают.

2. Индустриализация и глобализация ослабляют влияние аграрной стеснённости и увеличивают зависимость модернизации от обеспеченности промышленным сырьем; глобализация сама по себе снижает воздействие эндогенных факторов, но резко увеличивает влияние экзогенных, что приводит к ослаблению интересующего нас механизма.

3. Поскольку исторический опыт показывает, что слабая обеспеченность ресурсами или их полное отсутствие не гарантируют успешного политического и экономического развития, – необходимо теоретическое положение, которое это учтёт. Пока оно не прозвучало, будет иметь место критика, подобная аргументу М. Росса (имеются бедные ресурсами страны, так же далекие от рыночной экономики и демократии, как и богатые).

4. Анализировать действие данного механизма необходимо не применительно к развитию «вообще» (экономическому или политическому – не важно), а к его конкретному этапу, т. е. в данном случае – к модернизации как переходу от аграрного общества к индустриальному, что, в свою очередь, требует методологического и теоретического выхода за пределы экономической науки. Только в этом случае снимаются аргументы, подобные «норвежскому» и «американскому».

Здесь важно заметить, что у экономических исследований есть недостаток, не позволяющий оставаться только на экономическом уровне изучения проблемы модернизации. Работая с современной экономикой и выявляя особенности ресурсного проклятия, они слабо фиксируют момент исторической трансформации. Сами понятия «модернизация», «аграрное» и «индустриальное общество» почти не фиксируются современной экономической теорией. Исключений, когда экономист занимается проблемой влияния экспорта ресурсов не только на чисто экономическом уровне, но и ставит проблему модернизации как исторической трансформации, – немного [21; 22]. Полагаем, что эти изыскания необходимо дополнять познавательными средствами, обращёнными вглубь истории, в частности, методами теоретической истории и исторической макросоциологии.

Некоторые из приведённых работ показывают, что закономерность ресурсного проклятия выходит за пределы экономики и проникает в область других наук. В частности, социологии (Э. Дюркгейм, М. М. Ковалевский, А. Соби), политологии (многочисленные исследователи «нигерийской болезни»), сравнительного изучения цивилизаций (А. Тойнби), социальной философии (Дж. Милль, К. Маркс). Весьма перспективным является культурологическое направление исследования этого феномена, особенно в России и на материалах самой России. «Для русских, вне зависимости от того, какие цели ими движут и каковы их ценностные доминанты, арена действия – это «дикое поле», пространство, не ограниченное ни внешними, ни внутренними преградами» [11, с. 68]. «В России, – писал А. С. Ахиезер, – обширность пространства и ресурсов стимулировала экстенсивные методы воспроизводства, стремление сводить богатство к материальным ресурсам, которые можно получать путем простого приращения пространства» [1, с. 790]. Развивая идею Ахиезера, А. П. Давыдов считает «экстенсивную доминанту» (выбор экстенсивных решений в проблемных ситуациях) – «одним из самых мощных факторов торможения развития» [5, с. 72]. «Экстенсивная ориентация, – считает И. Г. Яковенко, – структурная характеристика сознания. Её носитель ищет бесплатных ресурсов, противостоит рынку как механизму, устанавливающему цены на ресурсы и цены на продукцию... Экстенсивно ориентированный человек не способен оптимизировать трудовую деятельность, снижать потери... Экстенсивная интенция сознания – один из самых мощных блокираторов динамики» [20, с. 254].

Проблема воздействия пространственного и ресурсного фактора на общественное сознание интересует многих учёных: российские ментальность и культура как продукты необъятных просторов и практически неограниченных ресурсов подогревают интерес учёных, тем более что на сегодняшний день Россия остается почти единственным феноменом чрезвычайно малой заселённости, следовательно, уникальной «лабораторией» по изучению этого явления. Понятие «внутренняя колонизация», введённое А. Эткингом, было призвано выявить закономерности воздействию этого феномена на культуру [35].

Все эти примеры указывают на то, что закономерности воздействия ресурсного изобилия выходят за пределы действительности, изучаемой экономической наукой, и непосредственно касаются проблемы длительных социально-исторических трансформаций, в том числе – модернизации. Если же учесть то важное обстоятельство, что экономические исследования ресурсного проклятия затрагивают философскую проблему взаимодействия природы и общества и не противоречат таким учениям

о развитии, как диалектика и синергетика, то становится ясно, что мы имеем дело с фундаментальной закономерностью исторического развития. И философское исследование модернизации не может не учитывать этой закономерности. Однако, с другой стороны, гуманитарные (исторические, философские и культурологические) изыскания не должны проводиться в отрыве от наиболее сциентистских по своим методологическим принципам и средствам экономических исследований.

Список литературы

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России): в 2 т. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1: От прошлого к будущему. 804 с.
2. Гуриев С., Егоров Г., Сонин К. Свобода прессы, мотивация чиновников и «ресурсное проклятие»: теория и эмпирический анализ // Вопросы экономики. 2007. № 4. С. 4–24.
3. Гуриев С., Плеханов А., Сони К. Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 4–23.
4. Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 61–74.
5. Давыдов А. П. Социокультурные факторы цивилизационной динамики России: подведение итогов первого заседания «круглого стола» «Ахизеровских чтений» // Философия науки. 2010. № 2. С. 68–79.
6. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. А. Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. 574 с.
7. Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / пер. с нем. Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. 43 с.
8. Зомбарт В. Современный капитализм. Историко-систематическое исследование общеевропейской экономической жизни от ее зачатков до современности: в 3 т. М., Л., 1924–1929. Т. 1: Докапиталистическое хозяйство. Исторические основы современного капитализма. Полумтом 1. Л.: Путь к знанию, 1924. 274 с.
9. Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства: в 3 т. Т. 1–3. М.: Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1898, 1900, 1903.
10. Ковалевский М. М. Экономический строй России // Избранные труды: в 2 ч. Ч. 1 / сост. Н. Б. Хайлова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 392–572.
11. Лурье С. В. Восприятие народом осваиваемой территории // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 61–74.
12. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика: в 2 т. / пер. с англ. Т. I. М.: Республика, 1992. 399 с.
13. Маркс К. Капитал. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: ГИПЛ, 1955. Т. 23.
14. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: ГИПЛ, 1955. Т. 13.
15. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. № 7. С. 4–27.
16. Саква Р. Сырьевой сектор России: экономика контроля и политика ренты // Неприкосновенный запас. 2010. № 6(74). С. 112–130.
17. Сови А. Общая теория населения: в 2 т. / пер. с франц. Ф. Р. Окуневой. Т. 2. Жизнь населения. М.: Прогресс, 1977. 519 с.
18. Тойнби А. Дж. Постыжение истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Айрис-пресс, 2002. 640 с.
19. Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления) // Урланис Б. Ц. Историческая демография: избранные труды / отв. ред. А. Г. Вишневский. Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: Наука, 2007. С. 19–308.
20. Яковенко И. Г. Теоретические основания цивилизационного анализа России // В поисках теории российской цивилизации. Памяти А. С. Ахизера / сост. А. П. Давыдов. М.: Новый Хронограф, 2009. С. 224–260.
21. Ясин Е. Модернизация и общество // Вопросы экономики. 2007. № 5. С. 4–29.

22. Ясин Е. Нефть, темпы и инфляция // Вопросы экономики. 2005. № 9. С. 4–20.
23. Auty R. M. *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*. London: Routledge, 1993. 272 p.
24. Bilsborrow R. E. Population Pressures and Agricultural Development in Developing Countries: A Conceptual Framework and Recent Evidence // *World Development*. February 1987. Vol. 15. Issue 2. P. 183–203.
25. Boserup E. *The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure*. Chicago: Aldine; London: George Allen & Unwin LTD, 1965. 124 p.
26. Bradshaw M. Observations on the Geographical Dimensions of Russia's Resource Abundance // *Eurasian Geography and Economics*. 2006. Vol. 47. № 6. P. 724–746.
27. Bulte E. H., Damania R., Deacon R. T. Resource Intensity, Institutions, and Development // *World Development*. July 2005. Vol. 33. Issue 7. P. 1029–1044.
28. Clark G. C. *Population Growth and Land Use*. London, Macmillan, 1967. 406 p.
29. Corrigan C. C. Breaking the Resource Curse: Transparency in the Natural Resource Sector and the Extractive Industries Transparency Initiative // *Resources Policy*, 10 / 2013. P. 1–14.
30. Crenshaw E., Robison K. Socio-demographic Determinants of Economic Growth: Age-Structure, Preindustrial Heritage and Sociolinguistic Integration // *Social Forces*. 2010. Vol. 88, No. 5. P. 2217–2240.
31. Darity W. A. Jr. The Boserup Theory of Agricultural Growth: A Model for Anthropological Economics // *Journal of Development Economics*, 1980. Vol. 7. Issue 2. P. 137–157.
32. Ding N., Field B. C. Natural resource Abundance and Economic Growth // *Land Economics*. November 2005. 81 (4). P. 496–502.
33. Ellman M. (Ed.). *Russia's Oil and Natural Gas: Bonanza or Curse?* London: Anthem Press, 2006. 230 p.
34. *Escaping the Resource Curse* / Edited by Humphreys M., Sachs J., Stiglitz J.E. New York, Chichester, West Sussex: Columbia University Press, 2007. 432 p.
35. Etkind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge, UK: Polity Press, 2011. 282 p.
36. Fish S. M. *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 336 p.
37. Goorha P. The Political Economy of the Resource Curse in Russia // *Democratizatsiya*. 2006. Vol. 14. № 4. P. 601–611.
38. Hiro D. *Blood of the Earth: The Global Battle for Vanishing Oil Resources*. London: Politico's, 2008. 424 p.
39. Johnston K. J. The Intensification of Pre-industrial Cereal Agriculture in the Tropics: Boserup, Cultivation Lengthening, and the Classic Maya // *Journal of Anthropological Archaeology*. June 2003. Vol. 22. Issue 2. P. 126–161.
40. Karl T. L. *The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States*. Berkeley: University of California Press, 1997. 380 p.
41. Kelley A. J. Economic Consequences of Population Change in the Third World // *Journal of Economic Literature*. 1988. Vol. 26, No. 4. P. 1685–1728.
42. Kikuchi M., Hayami Y. Agricultural Growth against a Land Resource Constraint: A Comparative History of Japan, Taiwan, Korea, and the Philippines // *The Journal of Economic History*. 1978. Vol. 38, No. 4. P. 839–864.
43. Krautkraemer J. A. Population Growth, Soil Fertility, and Agricultural Intensification // *Journal of Development Economics*. August 1994. Vol. 44. Issue 2. P. 403–428.
44. Lambin E. F., Meyfroidt P. Land Use Transitions: Socio-Ecological Feedback Versus Socio-economic Change // *Land Use Policy*. April 2010. Vol. 27, Issue 2. P. 108–118.
45. Ohlin G. *Population Control and Economic Development*. Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-operation and Development. 1967. 138 p.
46. Ross M. Blood Barrels // *Foreign Affairs*. 2008. Vol. 87. № 3. P. 2–8.
47. Sachs J. D., Warner A.M. Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper No. 5398, 1995. 47 p.
48. Sakwa R. *The Quality of Freedom: Khodorkovsky, Putin, and the Yukos Affair*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 426 p.
49. Scanlan S. J. Food Availability and Access in Lesser-Industrialized Societies: A Test and Interpretation of Neo-Malthusian and Technoecological Theories // *Sociological Forum*. 2001. Vol. 16, No. 2. P. 231–262.
50. Shaxson N. Oil, Corruption and the Resource Curse // *International Affairs*. 2007. Vol. 83. № 6. P. 1123–1140.
51. Simmons I. G. *Changing the Face of the Earth: Culture, Environment, History*. New York: Basil Blackwell, 1989. P. 189–195.

52. Tompson W. The Political Implications of Russia's Resource-Based Economy // *Post-Soviet Affairs*. 2005. Vol. 21. № 4. P. 335–359.

53. Weinthal E., Luong P. J. Combating the Resource Curse: An Alternative Solution to Managing Mineral Wealth // *Perspectives on Politics*. 2006. Vol. 4. № 1. P. 35–53.

References

1. Akhiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta: (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii): v 2 t. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1997. T. 1: Ot proshlogo k budushchemu. 804 s.
2. Guriev S., Egorov G., Sonin K. Svoboda pressy, motivatsiya chinovnikov i «resursnoe proklyatie»: teoriya i empiricheskii analiz // *Voprosy ekonomiki*. 2007. № 4. S. 4–24.
3. Guriev S., Plekhanov A., Sonin K. Ekonomicheskii mekhanizm syr'evoi modeli razvitiya // *Voprosy ekonomiki*. 2010. № 3. S. 4–23.
4. Guriev S., Sonin K. Ekonomika «resursnogo proklyatiya» // *Voprosy ekonomiki*. 2008. № 4. S. 61–74.
5. Davydov A. P. Sotsiokul'turnye faktory tsivilizatsionnoi dinamiki Rossii: podvedenie itogov pervogo zasedaniya «kruglogo stola» «Akhiezerovskikh chtenii» // *Filosofskie nauki*. 2010. № 2. S. 68–79.
6. Dyurkgeim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii / per. s fr. i posleslovie A. B. Gofmana. M.: Nauka, 1990. 574 s.
7. Zombart V. Burzhua: Etyudy po istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka / per. s nem. In-t sotsiologii. M.: Nauka, 1994. 43 s.
8. Zombart V. Sovremennyi kapitalizm. Istoriko-sistematicheskoe issledovanie obshcheevropeiskoi ekonomicheskoi zhizni ot ee zachatkov do sovremennosti: v 3 t. M., L., 1924–1929. T. 1: Dokapitalisticheskoe khozyaistvo. Istoricheskie osnovy sovremennogo kapitalizma. Polutom 1. L.: Put' k znaniyu, 1924. 274 s.
9. Kovalevskii M. M. Ekonomicheskii rost Evropy do vzniknoveniya kapitalisticheskogo khozyaistva: v 3 t. T. 1–3. M.: Izd-vo K. T. Soldatenkova, 1898, 1900, 1903.
10. Kovalevskii M. M. Ekonomicheskii stroi Rossii // *Izbrannye trudy*: v 2 ch. Ch. 1 / sost. N. B. Khailova. M.: ROSSPEN, 2010. S. 392–572.
11. Lur'e S. V. Vospriyatie narodom osvivaemoi territorii // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1998. № 5. S. 61–74.
12. Makkonell K. R., Bryu S. L. Ekonomiks: Printsipy, problemy i politika: v 2 t. / per. s angl. T. I. M.: Respublika, 1992. 399 s.
13. Marks K. Kapital. Kn. 1 // Marks K., Engel's F. Soch. M.: GIPL, 1955. T. 23.
14. Marks K. K kritike politicheskoi ekonomii // Marks K., Engel's F. Soch. Izd. 2-e. M.: GIPL, 1955. T. 13.
15. Polterovich V., Popov V., Tonis A. Mekhanizmy «resursnogo proklyatiya» i ekonomicheskaya politika // *Voprosy ekonomiki*. 2007. № 7. S. 4–27.
16. Sakva R. Syr'evoi sektor Rossii: ekonomika kontrolya i politika renty // *Neprikosnovennyi zapas*. 2010. № 6(74). S. 112–130.
17. Sovi A. Obshchaya teoriya naseleniya: v 2 t. / per. s frants. F. R. Okunevoi. T. 2. Zhizn' naselenii. M.: Progress, 1977. 519 s.
18. Toinbi A. Dzh. Postizhenie istorii / per. s angl. E. D. Zharkova. M.: Airis-press, 2002. 640 s.
19. Uralnis B. Ts. Rost naseleniya v Evrope (opyt ischisleniya) // Uralnis B. Ts. Istoricheskaya demografiya: izbrannye trudy / otv. red. A. G. Vishnevskii. In-t narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN. M.: Nauka, 2007. S. 19–308.
20. Yakovenko I. G. Teoreticheskie osnovaniya tsivilizatsionnogo analiza Rossii // *V poiskakh teorii rossiiskoi tsivilizatsii*. Pamyati A. S. Akhiezer / sost. A. P. Davydov. M.: Novyi Khronograf, 2009. S. 224–260.
21. Yasin E. Modernizatsiya i obshchestvo // *Voprosy ekonomiki*. 2007. № 5. S. 4–29.
22. Yasin E. Neft', tempy i inflyatsiya // *Voprosy ekonomiki*. 2005. № 9. S. 4–20.
23. Auty R. M. Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis. London: Routledge, 1993. 272 p.
24. Bilsborrow R. E. Population Pressures and Agricultural Development in Developing Countries: A Conceptual Framework and Recent Evidence // *World Development*. February 1987. Vol. 15. Issue 2. P. 183–203.
25. Boserup E. The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure. Chicago: Aldine; London: George Allen & Unwin LTD, 1965. 124 p.
26. Bradshaw M. Observations on the Geographical Dimensions of Russia's Resource Abundance // *Eurasian Geography and Economics*. 2006. Vol. 47. № 6. P. 724–746.
27. Bulte E. H., Damania R., Deacon R. T. Resource Intensity, Institutions, and Development // *World Development*. July 2005. Vol. 33. Issue 7. P. 1029–1044.

28. Clark G. C. Population Growth and Land Use. London, Macmillan, 1967. 406 p.
29. Corrigan C. C. Breaking the Resource Curse: Transparency in the Natural Resource Sector and the Extractive Industries Transparency Initiative // Resources Policy, 10 / 2013. P. 1–14.
30. Crenshaw E., Robison K. Socio-demographic Determinants of Economic Growth: Age-Structure, Preindustrial Heritage and Sociolinguistic Integration // Social Forces. 2010. Vol. 88, No. 5. P. 2217–2240.
31. Darity W. A. Jr. The Boserup Theory of Agricultural Growth: A Model for Anthropological Economics // Journal of Development Economics, 1980. Vol. 7. Issue 2. P. 137–157.
32. Ding N., Field B. C. Natural resource Abundance and Economic Growth // Land Economics. November 2005. 81 (4). P. 496–502.
33. Ellman M. (Ed.). Russia's Oil and Natural Gas: Bonanza or Curse? London: Anthem Press, 2006. 230 p.
34. Escaping the Resource Curse / Edited by Humphreys M., Sachs J., Stiglitz J.E. New York, Chichester, West Sussex: Columbia University Press, 2007. 432 p.
35. Etkind A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge, UK: Polity Press, 2011. 282 p.
36. Fish S. M. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 336 p.
37. Goorha P. The Political Economy of the Resource Curse in Russia // Democratizatsiya. 2006. Vol. 14. № 4. P. 601–611.
38. Hiro D. Blood of the Earth: The Global Battle for Vanishing Oil Resources. London: Politico's, 2008. 424 p.
39. Johnston K. J. The Intensification of Pre-industrial Cereal Agriculture in the Tropics: Boserup, Cultivation Lengthening, and the Classic Maya // Journal of Anthropological Archaeology. June 2003. Vol. 22. Issue 2. P. 126–161.
40. Karl T. L. The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States. Berkeley: University of California Press, 1997. 380 p.
41. Kelley A. J. Economic Consequences of Population Change in the Third World // Journal of Economic Literature. 1988. Vol. 26, No. 4. P. 1685–1728.
42. Kikuchi M., Hayami Y. Agricultural Growth against a Land Resource Constraint: A Comparative History of Japan, Taiwan, Korea, and the Philippines // The Journal of Economic History. 1978. Vol. 38, No. 4. P. 839–864.
43. Krautkraemer J. A. Population Growth, Soil Fertility, and Agricultural Intensification // Journal of Development Economics. August 1994. Vol. 44. Issue 2. P. 403–428.
44. Lambin E. F., Meyfroidt P. Land Use Transitions: Socio-Ecological Feedback Versus Socio-economic Change // Land Use Policy. April 2010. Vol. 27, Issue 2. P. 108–118.
45. Ohlin G. Population Control and Economic Development. Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-operation and Development. 1967. 138 p.
46. Ross M. Blood Barrels // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87. № 3. P. 2–8.
47. Sachs J. D., Warner A.M. Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper No. 5398, 1995. 47 p.
48. Sakwa R. The Quality of Freedom: Khodorkovsky, Putin, and the Yukos Affair. Oxford: Oxford University Press, 2009. 426 p.
49. Scanlan S. J. Food Availability and Access in Lesser-Industrialized Societies: A Test and Interpretation of Neo-Malthusian and Technoecological Theories // Sociological Forum. 2001. Vol. 16, No. 2. P. 231–262.
50. Shaxson N. Oil, Corruption and the Resource Curse // International Affairs. 2007. Vol. 83. № 6. P. 1123–1140.
51. Simmons I. G. Changing the Face of the Earth: Culture, Environment, History. New York: Basil Blackwell, 1989. P. 189–195.
52. Tompson W. The Political Implications of Russia's Resource-Based Economy // Post-Soviet Affairs. 2005. Vol. 21. № 4. P. 335–359.
53. Weinthal E., Luong P. J. Combating the Resource Curse: An Alternative Solution to Managing Mineral Wealth // Perspectives on Politics. 2006. Vol. 4. № 1. P. 35–53.

Статья поступила в редакцию 03.04.2014

УДК 221.7
ББК Э341

Леонид Евграфович Янгуттов,
доктор философских наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6)
e-mail: yanguta@mail.ru

Религиозные аспекты конфуцианства в социокультурном и политическом контексте традиционного китайского общества

Огромная значимость конфуцианства в социокультурной и политической жизни традиционного китайского общества была обусловлена главным образом тем, что оно сумело сберечь и сохранить общечеловеческие моральные ценности в условиях формирующейся государственности Китая. Но успех Конфуция не был бы столь внушительным, если бы он не опирался на религиозные ценности традиционного общества, благодаря которым и посредством которых его учению был придан сакральный характер, а он сам приобрёл статус святого совершенного мудрого человека.

В статье анализируются религиозные компоненты конфуцианского учения, рассматривается их роль в системе политических, социальных и этических доктрин Конфуция и его последователей. В результате конфуцианство в статье характеризуется как учение, которое представляет собой социальное, этико-политическое учение, имеющее ярко выраженные религиозно-ритуальные и религиозно-психологические атрибуты, которые необходимо рассматривать как дополнительное средство влияния конфуцианских принципов и норм на социальную и политическую реальность китайского общества. Религиозная атрибутика придавала сакральный статус конфуцианскому учению, усиливала его значимость в традиционном китайском обществе.

Ключевые слова: философия, религия, этика, политика, идеология, ритуал, общество.

Leonid Evgrafovich Yangutov,
Doctor of Philosophy, Professor,
The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670047)
e-mail: yanguta@mail.ru

Religious Aspects of Confucianism in Sociopolitical Context of Traditional Chinese Society

The huge significance of Confucianism in the socio-cultural and political life of traditional Chinese society was mainly caused by the fact that it managed the universal moral values to be protected and preserved in the emerging statehood of China. But the success of Confucius would not be so impressive if he had not relied on the religious values of traditional society by and through which his teaching was given the sacred character and he himself was acquired the status of the Saintperson.

The article analyzes the religious component of Confucian teaching, discusses their role in the political, social and ethical doctrines of Confucius and his followers. As a result of Confucianism in the article is characterized as a doctrine, which is a social, ethical and political doctrine that has pronounced religious ritual, religious and psychological attributes that should be considered as an additional means of influence of Confucian principles and norms of the social and political reality of Chinese society. Religious paraphernalia attached sacred status of Confucian scholars, strengthened its importance in traditional Chinese society.

Keywords: philosophy, religion, ethics, politics, ideology, ritual, society.

Конфуцианство имело огромную значимость в социокультурной и политической жизни традиционного китайского общества и во многом определяло основные направления его развития на протяжении всей истории императорского Китая. Такая

значимость этого учения была обусловлена, главным образом тем, что оно сумело сберечь и сохранить общечеловеческие моральные ценности в условиях формирующейся государственности Китая. Дело в том, что философия Конфуция явилась

реакцией на разложение родоплеменных отношений, когда родоплеменные моральные ценности вступили в противоречие с правовыми ценностями зарождающегося государства. В этих условиях требовалась новая социальная концепция, призванная стать регулятором взаимоотношений не только между правителем и подданными, но и между членами общества и социальными группами, а также членами семьи, поскольку семья в период разложения родоплеменных отношений и формирования государственности приобретала новый социально-экономический статус. Выдающаяся роль Конфуция в историческом развитии Китая заключалась в том, что выдвинув социально-этическую концепцию, соответствующую новому классовому состоянию общества, он сумел сохранить представления об общечеловеческих ценностях и внедрить их в сознание людей, которые уже начали делиться по имущественному принципу. Это придало особую привлекательность детально разработанным Конфуцием и его последователями принципам социальной регуляции и способствовало их укоренению в общественном сознании китайцев. При этом последователи Конфуция проявили великолепную способность вбирать в себя идеи других философских школ и, в зависимости от конкретной ситуации приспосабливать их к своим теоретическим и практическим разработкам, что придавало им гибкость и устойчивость. Поэтому не удивительно, что менталитет китайцев, сформированный в древний период их истории, по сути был конфуцианским менталитетом.

Однако успех Конфуция не был бы столь внушительным, если бы он не опирался на религиозные ценности традиционного общества, благодаря которым и посредством которых его учению был придан сакральный характер, а он сам приобрел статус святого совершенномудрого человека (圣人, шэн жэнь).

В научной литературе конфуцианство рассматривается и как религиозное, и как философское учение. При этом оба эти аспекта не всегда различаются. Говоря о религиозном конфуцианстве, многие авторы включают в него философско-мировоззренческую систему конфуцианства, изложенную в трактате Конфуция «Луньюй» (论语) и его последователей, а характеризуя философское конфуцианство, приносят в него религиозно-мистические элементы.

Существуют и сомнения в правомерности называть конфуцианство религией. Ещё В. П. Васильев писал о конфуцианстве следующее: «Конфуцианство тем отличается от других религий, даже от восточных, что те в сравнении с ним, все же имеют некоторое сходство с западными, так что невольно рождается вопрос: религия ли это?» [4, с. 16]. Этот вопрос до сих пор остается актуальным в научной литературе.

Согласно мнению Е. А. Торчинова: «Конфуцианство вряд ли может считаться религией. В настоящее время большинство специалистов согласно между собой в том, что конфуцианство – не религия, а этико-политическое учение. Древнекитайский язык, как таковой, не знал слова «религия» (современное слово «религия» попало в китайский язык из японского (сюкё), в котором оно, в свою очередь, было искусственно создано в конце XIX века для передачи понятия «религия» при переводе с европейских языков. Китайское же «цзяо» означает только учение, независимо от того, является ли данное учение религиозным или же нет» [13, с. 5].

П. М. Кожина считает: «Конфуцианство как сложное и разностороннее явление духовной культуры и общественной жизни имеет отчетливые религиозно-ритуальные и религиозно психологические признаки/ атрибуты» [7, с. 190]. Учёный полагает, что конфуцианство, как и даосизм, сформировалось на сложной синкретической основе, «в которую входят: 1) культы, обряды, воззрения, верования и мифологические образы, восходящие к архаической эпохе; 2) обряды и ритуалы, посредством которых знаменовались единство и незыблемость государства; 3) философские концепции, сформулированные в учениях основоположников конфуцианства и даосизма и их последователей; 4) народные обряды, поверья, празднества, в том числе календарные, которые бытовали в разных районах страны ко времени консолидации её под властью Цинь Ши-хуана в III в. до н. э.» [7, с. 190].

П. М. Кожин также полагает, что «конфуцианство можно рассматривать и как религиозно-политическую систему, которая утверждала в Китае устойчивую государственную власть. Эта система основана на почитании традиций, возводимых к обожествлённым древним правителям, на представлениях о сопричастности индиви-

дуума обществу-государству, которое объединяется вертикальной структурой «семья-император-Небо» [7, с. 190].

Известные российские учёные А. Е. Лукьянов [8], Л. С. Переломов [12] В. Ф. Фектистов [14] и др. акцентируют своё внимание исключительно на философском содержании конфуцианства.

А. И. Кобзев определяет конфуцианство как «этико-религиозное учение (наряду с даосизмом и буддизмом)» [6, с. 280].

Утверждения П. М. Кожина о том, что конфуцианство, сформировалось на сложной синкретической основе, «в которую входят: 1) культы, обряды, воззрения, верования и мифологические образы, восходящие к архаической эпохе» вполне обоснованы. Конфуций, живший период Чжаньго (战国, VI–IV вв. до н. э.), был великолепным знатоком древности, прекрасно знал о религиозных верованиях шан-иньского периода (商殷, XVI–XI вв. до н. э.) и был их ярким приверженцем. Своё учение он идентифицировал с древними учениями. В его сочинении *Лунь юй*, («Лунь юй») говорится: «Передаю, но не создаю; верю в и люблю древность. В этом я похож на Лао Пэна» [9, с. 68]. Любовь Конфуция к древности позволила В. П. Васильеву, поставившему вопрос «религия ли это?», написать следующее: «Если религия, говоря вообще, старается подчеркнуть и свои силы, и свое оправдание в древности, то тем более конфуцианство, претендующее на своё происхождение с началом китайской нации, почитаемой самой древнейшей в мире, есть религия по преимуществу» [4, с. 16].

Конфуций придавал исключительную значимость ритуалам, культу древних божеств. Он уделял большое внимание похоронным обрядам. Его биографы сообщают, что с самого детства Конфуций любил играть с ритуальными костями [5, с. 10–12].

С похоронными ритуалами связан древнейший китайский культ – культ предков. По словам Л. С. Васильева, шан-иньцы «сблизили, фактически даже слили воедино культ высшего божества с культом своих умерших предков. С одной стороны, это слияние привело к чудовищному гипертрофированию самого культа предков, превратившегося в Китае со временем в основу основ всей религиозно-этической системы. С другой стороны, это привело к потере в культе Шанди многих из тех специфических черт, которые характерны именно для культа великого бога» [3, с. 53].

Култ предков имел огромную важность и в учении Конфуция. Он был неизменно связан с ритуалом похорон и почитания умерших предков. Култ предков, как и в начальный чжоуский период (周, XII–VIII вв. до н. э.), тесно связан с моральными принципами. Почитать предков значит соблюдать мораль. В «Лунь юе» говорится: «Если почтительно относиться к похоронам родителей и помнить своих предков, тогда мораль в народе будет крепнуть» [9, с. 5]. Из культа предков логически вытекает учение о сыновней почтительности (孝, сяо), которому в Китае придавалось большое значение.

Это учение самым тесным образом было связано с практикой почитания предков. В учении Конфуция оно было дополнено новым социально-политическим содержанием. Принцип сыновней почтительности – это развёрнутое учение о почтительности к родителям. В нём гармонично переплелись древние верования и представления китайцев о ритуалах, взаимоотношении между родителями и детьми, об отношении к предкам. В «Лунь юе» говорится о том, что Конфуций, поясняя своему ученику Фан Чи суть принципа сыновней почтительности, сказал, что сыновняя почтительность это: «Когда родители живы, то необходимо служить им согласно ритуалу. После их смерти похоронить их согласно ритуалу, приносить им жертвы, согласно ритуалу» [9, с. 11–12]. Принцип сыновней почтительности в учении Конфуция тесно привязан к таким основополагающим принципам конфуцианского учения, как человеколюбие (仁, жэнь), ритуал (礼, ли), долг (义, и).

В контексте учения о человеколюбии этот принцип имел большой этический резонанс, отразивший моральные принципы взаимоотношений не только между родителями и детьми, но между членами общества, включая взаимоотношения между правителем и подданными. Этический аспект стал важнейшим компонентом конфуцианского учения. В этом отношении конфуцианство, как правильно подчёркивается в научной литературе, это этическое учение. Этический контекст учения конфуцианства усиливал его социальную значимость. С другой стороны, социальная значимость этического контекста во многом была обусловлена тем, что конфуцианство включало в себя религиозные элементы.

Сыновняя почтительность определяла принципы взаимоотношений, как на бытовом

семейном уровне, так и на высшем политическом. Значимость этих принципов закреплялась неизменным компонентом религиозных верований – ритуальными действиями. При этом ритуал в учении Конфуция – это не только похоронные обряды, это не просто внешнее проявление обряда. Он трактуется гораздо шире. Ритуал – это внутреннее состояние человека. Это его социальная установка. Так, в «Лунь юе» говорится «Почтительность без соблюдения ритуала вызывает приложение усилий; осторожность без соблюдения ритуала приводит к страху; смелость без соблюдения ритуала приводит к смутам; прямота без соблюдения ритуала приводит к грубости» [9, с. 81].

Ритуал в учении Конфуция представляет собой необходимый компонент социальной регуляции в обществе. В «Лунь юе» говорится: «Использование ритуала приводит к согласию. Путь прежних правителей (ванов) был прекрасен. Свои большие и малые дела они совершали, следуя ритуалу» [9, с. 7].

Ритуал направлен на осуществление человеколюбия и исполнение долга. В «Лунь юе» говорится: «Учитель сказал: «Если человек не обладает человеколюбием, то как можно говорить о ритуале?»» [9, с. 22].

Здесь следует отметить важный момент, что Конфуций всегда стремился к сакрализации собственного учения, придания ему статуса божественного (небесного) откровения. И это в полной мере ему удалось. Сам Конфуций внушал своим ученикам, что его учение, по сути, является божественным (небесным) откровением. О своём жизненном пути он говорил: «В пятнадцать лет я изъяснил волю к учебе; в тридцать лет я установился [как личность]; в сорок лет я избавился от сомнений; в пятьдесят лет я познал волю неба; в шестьдесят лет научился слышать истину; в семьдесят лет я стал следовать желаниям моей души, при этом [желания моей души] не противоречили общепризнанным нормам ритуала» [9, с. 11]. Здесь следует обратить особое внимание на то, что Конфуций говорит о том, что он в пятьдесят лет познал волю Неба, т. е. он указывает на сакральную значимость собственного учения, подчеркивает, что его учение есть выражение воли Неба. А ведь Небо в эпоху Конфуция почиталось как верховное божество, наделявшее правителей мандатом на

управление Поднебесной. Конфуций в этом случае является тем, кто озвучивает божественную волю. Поэтому становится понятным, почему своё учение Конфуций «подчёркнуто идентифицировал с мудростью святых – совершенномудрых» [6, с. 280]. Совершенномудрый (圣人, шэнжэнь) – это человек, достигший высшей мудрости и святости. Он достиг высшего совершенства в нравственной и духовной сфере. Качественно совершенномудрости обладали легендарные правители Яо и Шунь. Впоследствии сам Конфуций был объявлен Совершенномудрым. В «Лунь юе» существует следующая запись: «Имперский министр спросил Цзы-гуна: «Почтенный Учитель Кун является Совершенномудрым? Откуда у него так много способностей ко многому? Цзы-гун ответил: «Именно так. Верховное Небо определило ему стать его Совершенномудрым, и поэтому он обладает такими большими способностями» [9, с. 92].

Важным здесь представляется и утверждение Конфуция о том, что «в семьдесят лет я стал следовать желаниям моей души, при этом [желания моей души] не противоречили общепризнанным нормам ритуала». Здесь подчеркивается тот факт, что желания души Конфуция находятся в полной гармонии с установившимися моральными нормами Поднебесной, которые являются волеизъявлением Неба. Это, по сути, означает то, что Конфуций объявил о том, что он сам достиг состояния святости.

Учению о Небе как божественном начале Конфуций придавал огромную значимость. Однако Небо как божественное начало рассматривалось им исключительно в социально-политической и этической сфере. Конфуций так же, как и чжоусцы, не рассматривал Небо как природное начало, как творец всего сущего. В «Лунь юе» говорится: «Разве Небо говорит? А между тем, четыре времени года меняются, вещи рождаются. Разве Небо говорит?» [9, с. 198].

Конфуций воспринял представления чжоусцев о небесном мандате. Небо для него представляло высшую силу, которое предписывало правила социального и морального поведения, которые выражались в его воле. А если учесть, что Конфуций утверждал, что в пятьдесят лет познал волю Неба, то это значит, что учение Конфуция – это выражение воли Неба.

Религиозные аспекты конфуцианства существенным образом дополняются кон-

фуцианским отношением к жертвоприношениям, которые составляли необходимый элемент архаичных религиозных верований китайцев. Обряду жертвоприношений Конфуций придавал огромное значение. Этот обряд в его учении составляет необходимый и существенный компонент этического, социального, политического поведения, как подданных, так и правителя. О том, как трепетно Конфуций относится к ритуалу жертвоприношений весьма характерно описывается в «Луню юе». В нём говорится: Когда [Конфуций] совершал обряд жертвоприношения своим предкам, он словно ощущал их присутствие рядом с ним; когда совершал обряд жертвоприношения духам, он словно ощущал их присутствие рядом с ним. Учитель сказал: «Если я сам лично не участвую в обряде жертвоприношения, то это подобно тому, что обряд жертвоприношений не состоялся» [9, с. 26]. Жертвоприношения, по словам П. М. Кожина, «выстраивались согласно строгой иерархии от обрядов имперских культов до различных семейных и индивидуальных ритуалов. Их приуроченность к календарному циклу и важнейшим событиям человеческой жизни, которые так или иначе сопрягались с системой календарно-астрономических координат и определённым образом классифицированных природных явлений, создавала твердую календарно-событийную основу для организации конфуцианской обрядности» [7, с. 192].

Рассмотренные выше положения конфуцианского учения, как и даосские, своими истоками восходят к народным верованиям эпохи Шан-Инь и к периоду чжоусского завоевания Китая. Однако в отличие от даосизма, конфуцианство не смогло глубоко внедрить в себя народные верования. Это обстоятельство послужило тому, что В. М. Алексеев сделал вывод о том, что «конфуцианцы не любили входить в контакт с религией» [1, с. 137]. Он считал, что: «Они высокомерно терпели её как невежество, нужное для государства, но презренное» [1, с. 137]. Здесь следует обратить особое внимание на последнюю фразу о том, что они терпели религиозные верования как нужное государству невежество. Возможно, академик был несколько резок в оценке отношения конфуцианцев к народным верованиям. Однако его утверждение о том, что народные верования они рассматривали сквозь призму их полезности государству во

многом объясняет тот факт, что конфуцианцы не использовали эти верования во всей глубине их религиозного содержания, а во многом придали им светский или же политический характер. Поэтому учение Конфуция в научной литературе также называют этико-политическим учением. Политический аспект конфуцианского учения был дополнен и усилен в период ханьской империи (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) благодаря деятельности Дун Чжуншу. В этот период оно стало государственной идеологией Китая.

Дун Чжуншу дополнил учение Конфуция положением о «трёх устоях и пяти постоянствах» (三綱五常, «саньгану чан»). «Сань ганучан» – это нормы социального поведения и социальных отношений. Сань ган (三綱) – три устоя это отношения между отцом и сыном, правителем и подданными, мужем и женой. У чан (五常) – пять постоянств – это: гуманность 仁 (жэнь); справедливость 义 (и); ритуал 礼 (ли); разумность 智 (чжи), благонадёжность 信 (синь).

Эти положения, ещё раз подчёркивающие идею верности служения государю, указывали на то, что государь является устоем для подданных, как муж для жены, а отец для сына. Конфуцианские принципы сыновней почтительности, дополненные «тремя устоями и пятью постоянствами» стали главными ориентирами в государственной деятельности служивых людей. На их особую значимость указывали, введенные по инициативе Дун Чжуншу, государственные экзамены на чиновническую должность, которые проверяли у претендентов знание конфуцианских канонов. Ярко выраженный апологетический характер конфуцианской концепции государственной службы всемерно поддерживался правителями Китая и культивировался среди служивого сословия. В чиновнической сфере конфуцианство стало идеологией служивого сословия – ши. Служивое сословие – это социальная группа образованных людей, в обязанности которых входило служение государю. Формирование этого сословия началось в эпоху Восточного Чжоу (770–256 вв. до н. э.), в период разложения родоплеменных отношений и формирования государственности, когда в обществе, наряду с представителями аристократических родов, стала выделяться прослойка достаточно благородных по своему происхождению людей, привлекаемых к управлению государством [10, с. 15]. Отличаясь обра-

зованностью и способностью, эти люди добивались привилегированного положения в обществе за счёт служения государю, а не по праву рождения. Поэтому верная и добросовестная служба государю была единственным гарантом их привилегированного положения в обществе. Государственная власть понималась как непосредственное продолжение благой созидательной работы Неба – высшей сакральной ценности на всём Дальнем Востоке [11, с. 79]. Выдвинутое Конфуцием учение о «сыновней почтительности» (孝, сяо) весьма ярко отразило соответствующие тому времени нормативные принципы взаимоотношения государя с подданными, основанными на требовании почитания государя как своего отца и полном подчинении ему. Крушение ханьской империи (汉,) обусловило кризис конфуцианства как официальной идеологии, потерю её идейно-политических и философских позиций. Последующие эпохи Вэй (魏, III в. н. э.) и Цзинь (晋, III–V вв.) характеризовались временным подъёмом даосизма, становлением и укреплением буддизма. Поэтому конфуцианство во многих исследованиях истории, культуры религии и философии послеханьского периода, как правило, упускается из виду, а если и упоминается, то лишь в контексте его взаимодействия с распространяющимся в Китае буддизмом.

Между тем конфуцианство, утратившее свою значимость с крушением империи Хань (汉, 206 до н. э. – 220 н. э.) не сошло окончательно с исторической арены в последовавшие после Хань эпохи Вэй и Цзинь, а продолжало сохранять свои позиции в чиновнической сфере и в повседневной жизни людей различных слоёв общества на всем протяжении древности и средневековья. Именно с этим менталитетом столкнулся буддизм в период его становления в Китае.

Проблема взаимоотношения конфуцианства и буддизма в период его становления в Китае получила достаточно широкое обсуждение в научной литературе. Главный вывод этих исследований сводился к тому, что буддизм вступил в резкие противоречия с конфуцианством, которые в основном касались хинаянского положения об обязательном монашестве, не соответствовавшем принципам сыновней почтительности, а также игнорирования буддистами ценностей настоящей жизни, весьма культивируемые конфуцианцами.

Периоды династий Вэй и Цзинь стали переломными в истории взаимоотношения буддизма с конфуцианством. В этот период разрешались основные противоречия между конфуцианством и буддизмом, определились основные направления формирования буддизма в Китае. Конфуцианство внесло существенные коррективы в процесс ассимиляции буддизма на китайской почве. С другой стороны, буддизм оказал определённое влияние на конфуцианство. Но, в отличие от даосизма, оно менее всего испытало буддийское влияние.

Буддизм привнёс в Китай институализированную религиозную систему, включающую в себя церковную организацию, монастыри с их внутренним уставом и институтом монашества, правила поведения монахов – Винаю, единый канон «Трипитаку», упорядоченную систему ритуалов и обрядов, пантеон божеств, иерархическую вертикаль священнослужителей и, наконец, даосизм практически полностью перенял эту систему, чего нельзя сказать о конфуцианстве.

Конфуцианство в традиционном Китае не было оформлено в церковную организацию, оно представляло собой учение, регулирующее социальные и политические отношения, включающее в себя религиозную практику. В конфуцианстве не была оформлена иерархическая вертикаль священнослужителей. Политизированный характер его учения обусловил тот факт, что иерархическую вертикаль священнослужителей, заменила бюрократическая вертикаль государственных служащих. Конфуцианство «не получило статуса официально оформленной религиозной системы» и в Китайской народной республике [7, с. 195].

Храмовый комплекс конфуцианства соответствует традиционной китайской храмовой архитектуре, которая «заключается в том, большинство культовых построек, предназначенных для проведения традиционных культовых служений, либо копировали в плане и убранстве административные постройки, либо создавались на основе представлений о структуре космического пространства» [7, с. 194]. Основной антураж конфуцианских храмов составляют «табличка, посвященная Конфуцию, определённым образом размещённые алтари для жертвоприношений с ритуальной посудой и различной утварью и другими предметами, типичными также для домашних и клано-

вых залов предков. Здесь могут храниться музыкальные инструменты, используемые при совершении религиозных церемоний» [7, с. 195].

В конфуцианстве отсутствует пантеон божеств, схожий с даосским и буддийским. Главным конфуцианским культом является культ самого Конфуция как покровителя культуры, знаний, науки, учёных. Начало формирования культа Конфуция относится к эпохе Хань, когда основатель этой династии Лю Бан (256–195 гг. до н. э.) совершил «великое жертвоприношение (тай лао) на могиле Конфуция. Впоследствии конфуцианство было провозглашено официальной идеологией империи Хань. С провозглашением конфуцианства государственной идеологией, по всей стране стали возводиться храмы в честь Конфуция, проводятся литургические акции, обряды жертвоприношения. Конфуцию посмертно присваивались титулы гуна (князь) вана (древний правитель), шэнжэня (священномудрого), и, наконец, в эпоху Северная Сун (960–1127), когда философия конфуцианства, благодаря усилиям Чжу Си вновь стала господствующей идеологией, вытеснившей с буддизм, Конфуцию был дарован титул ди (帝), которым наделялись божественные персонажи [2, с. 196–201]. Вслед за Конфуцием был выделен пантеон наиболее почитаемых последователей Конфуция. В него «вошли философ Мэн-цзы (Мэн Кэ, ок. 372–289 до н. э.), внук Конфуция – Кун-цзи и два его любимых ученика – Янь Юань и Цзэн-цзы (Цзэн-Шэнь, 505–ок. 436 до н. э.)» [2, с. 201]. В их честь проводилась литургия, приносились жертвоприношения.

В конфуцианстве, в отличие от буддизма и даосизма, менее всего выражен религиозный компонент. Тем не менее совместно с ними оно составило знаменитую триаду, известную как саньцзяо (三教) – три религии. Ряд авторов пишет о религиозном синкретизме, который представляют три религии. Действительно, синкретизм в учениях конфуцианства, даосизма и буддизма наметился с момента проникновения буддизма в Китай. Синкретизм коснулся как религиозной практики, так и философского содержания этих учений. В социальной сфере эти религии рассматривались в их единстве. Народные картины Китая часто изображали Будду, Лао-цзы и Конфуция вместе, одинаково почитали всех троих. Вместе с тем каждая из них имела свою специфику, свою «специали-

зацию». Так, например, В. М. Алексеев говорит о картине-гравюре, находящейся в храме Шаолиньсы, в которой изображены вместе Будда Майтрейя, Лао-цзы и Конфуций. Под гравюрой следующая надпись: «Учение Будды являет человека [природу человека]. Учение дао заботится о жизни [обеспечивает человеку долговечность]. Учение жу [конфуцианство] выясняет порядок [людских взаимоотношений]. Незыблемы эти каноны и правильны» [1, с. 138].

По словам Хун Сюпина: «Идея соединения трёх учений (三教融合思想) китайского буддизма в целом прошла на своём пути три этапа развития – от теории единства трёх учений (三教一致论) периода Вэй Цзинь Северных и Южных династий (魏晋南北朝) до теории соединения трёх учений (三教融合论) эпохи Суй-Тан (隋唐时期) и далее теории трёх учений в одном (三教合一论) периода Сун (宋代). В период Вэй Цзинь Северных и Южных династий (魏晋南北朝) буддизм, исходя из потребностей собственного существования и развития, в основном старался подстроиться, идти навстречу представлениям традиционных конфуцианства и даосизма. Единство трёх учений обосновывалось с тех позиций, что все они в равной степени помогают реализации системе добродетельного правления. Например, «Ли хо лунь Моу цзы» («牟子理惑论») конца Восточной Хань – начала Вэй (东汉末魏初). В период Суй-Тан под влиянием политики трёх учений, проводимой правителями, постепенно сложилась ситуация трёхстороннего противостояния конфуцианства, даосизма и буддизма. Три учения, исходя из потребностей собственного развития, провозгласили идеи соединения трёх учений (三教归一), слияния трёх учений (三教融合). Буддийские мыслители, например, Шэнь Цин (神清), Цзун Ми (宗密), др., на основе восприятия и соединения с традиционной идеологией выдвинули концепции объединения трёх учений (三教融合) и единства трёх учений (三教一致). В период Сун (宋), так как некоторые основные буддийские идеи и методы были переняты конфуцианцами, а его собственное развитие с каждым днём приходило в упадок, поэтому в теоретическом плане ещё более усилились тенденции к объединению с конфуцианством и даосизмом. Провозглашалась теория единства трёх учений (三教一致论), особенно сильным было объединение с конфуцианской идеологией» [15, с. 14].

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что конфуцианство в Китае изначально было близко к религиозным верованиям. Сам Конфуций и его последователи глубоко почитали религиозные традиции, считая обряды жертвоприношений необходимым элементом норм социального поведения. Однако при этом конфуцианство всегда сохраняло социально-политическую направленность своих теоретических концепций. Религиозные верования и религиозная практика играли роль сопутствующих атрибутов, но никогда не были самоцелью. Конечная цель жизненного пути конфуцианства – достижение состояния благородного мужа, весьма далека от религиозных идеалов. Она вполне рациональна и достижима. Она достижима в рамках существующих социальных норм, которые разрабатываются с самими конфуцианцами. Но при этом выработанные ими социальные нормы постулируются как predetermined божеством – Небом и составляют его волю. Сакрализация собственного учения Конфуцием и его последователями происходила посредством религиозной атрибутики, но содержание самого учения имела конкретную светскую

направленность. Светскую направленность конфуцианству придает его идеологизированность. Но и идеологизированность конфуцианства также преподносится с большой примесью религиозной атрибутики. Подобного рода «лабиринты» между светским и религиозным и способствует различным спорам вокруг вопроса считать ли конфуцианство религией.

По нашему мнению, несмотря на присутствие в конфуцианском учении достаточно солидной религиозной атрибутики, не следует считать его религиозным учением. Религиозная атрибутика придавала сакральный статус конфуцианскому учению, усиливала его значимость в социальной и политической жизни Китая на всем протяжении императорского периода его истории. Однако в конечном итоге, конфуцианство представляет собой социальное, этико-политическое учение, имеющее ярко выраженные религиозно-ритуальные и религиозно-психологические атрибуты, которые необходимо рассматривать как дополнительное средство влияния конфуцианских принципов и норм на социальную и политическую реальность традиционного китайского общества.

Список литературы

1. Алексеев В. М. Китайская народная картина. М., 1966. 260 с.
2. Баргачева В. Б., Кравцова М. Е. Культ Конфуция // Духовная культура Китая. Т. 2. М., 2007. 872 с.
3. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001. 488 с.
4. Васильев В. П. Религии востока: конфуцианство, буддизм, даосизм. М., 2012. 190 с.
5. Дун Сы. Шэнжэнь Кун-цзы. Шаньдун. 2001. 213 с.
6. Кобзев А. И. Конфуцианство // Духовная культура Китая. М., 2006. Т. 1. 727 с.
7. Кожин П. М. Конфуцианство и государственные культы // Духовная культура Китая. Т. 2. 872 с.
8. Лукьянов А. Е. Лао-цзы и Конфуций. Философия Дао. М., 2000. 384 с.
9. Лунь юй. Шэнъян. 1996. 221 с.
10. Мазур Т. Г. Конфуцианство как идеология «служивого сословия» в сочинениях Хань Юя (768–824): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2003. 22 с.
11. Мартынов А. С., Поршнева Е. Б. Учения и религии в Восточной Азии в период средневековья // Народы Азии и Африки. 1986. № 1.
12. Переломов Л. С. Конфуций. Лунь юй. М., 2010. 325 с.
13. Торчинов Е. А. Религии Китая. Хрестоматия. СПб., 2001. 512 с.
14. Феоктистов В. Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. М., 1976. 293 с.
15. Хун Сюпин, Чэн Хунбин. Дух китайского буддизма (Чжунгофосюечжициншэнь). Шанхай, 2009. 360 с.

References

1. Alekseev V. M. Kitaiskaya narodnaya kartina. M., 1966. 260 s.
2. Bargacheva V. B., Kravtsova M. E. Kul't Konfutsiya // Dukhovnaya kul'tura Kitaya. T. 2. M., 2007. 872 s.
3. Vasil'ev L. S. Kul'ty, religii, traditsii v Kitae. M., 2001. 488 s.

4. Vasil'ev V. P. Religii vostoka: konfutsianstvo, buddizm, daosizm. M., 2012. 190 s.
5. DunSy. Shenzhen' Kun-tszy. Shan'dun. 2001. 213 s.
6. Kobzev A. I. Konfutsianstvo // Dukhovnaya kul'tura Kitaya. M., 2006. T. 1. 727 s.
7. Kozhin P. M. Konfutsianstvo i gosudarstvennye kul'ty // Dukhovnaya kul'tura Kitaya. T. 2. 872 s.
8. Luk'yanov A. E. Lao-tszy i Konfutsii. Filosofiya Dao. M., 2000. 384 s.
9. Lun' yui. Shen'yan. 1996. 221 s.
10. Mazur T. G. Konfutsianstvo kak ideologiya «sluzhivogo sosloviya» v sochineniyakh Khan' Yuya (768–824): avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Ulan-Ude, 2003. 22 s.
11. Martynov A. S., Porshneva E. B. Ucheniya i religii v Vostochnoi Azii v period srednevekov'ya // Narody Azii i Afriki. 1986. № 1.
12. Perelomov L. S. Konfutsii. Lun'yui. M., 2010. 325 s.
13. Torchinov E. A. Religii Kitaya. Khrestomatiya. SPb., 2001. 512 s.
14. Feoktistov V. F. Filosofskie i obshchestvenno-politicheskie vzglyady Syun'-tszy. M., 1976. 293 s.
15. Khun Syupin, Chen Khunbin. Dukh kitaiskogo buddizma (Chzhungofosyuechzhitszinsh en'). Shankhai, 2009. 360 s.

Статья поступила в редакцию 17.04.2014

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTURAL STUDIES

УДК 008:821.161.1
ББК Ч11:Ш141.12

*Игорь Ашотович Арзуманов,
доктор культурологии, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1)
e-mail: arzumanov@mail.ru*

Религиозно-культурные и философско-правовые аспекты формирования гражданского единения россиян

Миссиология мировых религий и их этноконфессиональных страт объективно выступают основным инструментарием социополитической и социокультурной дезинтеграции в условиях глобального культур-цивилизационного дуализма. Объективный фактор полирелигиозности общества определяет необходимость выработки государственных механизмов социополитической и социокультурной унификации поли-этно-конфессионального пространства Российской Федерации. Выявляемые методологические противоречия, лежащие в основе проблем национального единения, характеризуются следующими факторами: отсутствием возможности использования сугубо конфессиональных детерминаций при реализации основной задачи – выработке духовного единения; в условиях поликонфессиональности данная проблема в конфессиональных стратах религиозных культур не имеет достаточных методологических оснований для решения; «уходом» государства из экономической и идеологической макросфер общественных отношений, и политизацией интеграционного потенциала религиозно-культурных комплексов титульных наций и народов субъектов Российской Федерации; использованием религиозного фактора в политических целях (в том числе и глобального характера) и актуализацией управленческих функций государства в этноконфессиональной сфере общественных отношений; проблемой сопряжения традиционного этатизма, помноженного на камеральные принципы управления обществом, с видением гражданского единения, при котором государство понимается как функциональное производное гражданского общества.

Ключевые слова: религиозная культура, идеологическая функция, гражданское единение.

*Igor Ashotovich Arzumanov,
Doctor of Culturology, Professor,
Irkutsk State University
(1 Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003)
e-mail: arzumanov@mail.ru*

Religious-Cultural and Philosophical-Legal Aspects of the Russian Citizens' Civil Unity Formation

The missiology of world religions and their ethnoconfessional strata, objectively perform as basic tools of sociopolitical and socio-cultural disintegration in the conditions of global cultural and civilization dualism. The objective factor of poly-confessionalism of society determines the need to elaborate state mechanisms of socio-political and socio-cultural unification of poly-ethno-confessional field of the Russian Federation. The revealed methodological contradictions underlying the problems of national unity are characterized by the following factors: lack of ability to use purely religious determinations in achieving the basic objective – the development of spiritual unity; in the conditions of poly-confessionalism the given problem in religious strata of religious cultures does not have sufficient methodological grounds in order to be solved; state “departure” from the

economic and ideological macro-spheres of public relations and politicization of integration potential of religious and cultural complexes of the eponymous nations and peoples of the constituent territories of the Russian Federation; using the religious factor for political purposes (including those of global nature) and updating of administrative functions of the state in ethno-confessional spheres of social relations; the problem of interfacing of the traditional etatism, multiplied by paper methods of governing the society, with the vision of civil unity, where the state is understood as a functional derivative of a civil society.

Keywords: religious culture, ideological function, civil unity.

Проблемы гражданского единения россиян необходимо рассматривать с позиций понятия гражданское общество, в свою очередь, выводящее к взаимосвязям личности, социальных групп, общественных формирований, государства и правового регулирования. Понятие гражданского общества до сих пор относится к дискуссионным и на современном этапе не приведённым к общему знаменателю. Водораздел проходит через два основных блока размышлений. Первый из них связан с жёстким противопоставлением гражданского общества и государства. Второй – с отождествлением государства и гражданского общества. Каждая из этих позиций имеет свою историю возникновения, становления и специфику современного понимания.

С учётом современных реалий специфика дифференциации гражданского общества, государства и права связана с пониманием государства и гражданского общества в узком смысле. Государства – как суверенной политико-территориальной организации, состоящей из органов управления и принуждения, существующей за счёт общества, выражающей его власть и осуществляющей её в целях создания и поддержания в обществе определённого порядка [11, с. 25]. Гражданского общества – как сферы частных дел и интересов, освобождённой от прямого воздействия государственно-властных институтов, являющейся автономной, непосредственно не зависящей от государства сферой жизнедеятельности людей. Именно из данного соотношения выводятся проблемы методологического порядка в их практико-прогностической плоскости, прежде всего при анализе взаимодействия государства, права и гражданского общества в России на современном этапе, во-первых. Проблем этноконфессиональных аспектов формирования гражданского единения россиян, во-вторых. Принцип невмешательства государства во внутренние дела религиозных институтов является основным и достаточ-

но последовательно оберегаемым со стороны самих религиозных институтов. На практике использование культур-религиозного фактора в политических целях (в том числе и глобального характера), все более актуализирует усиление контрольных функций государства в этноконфессиональной сфере общественных отношений [4; 3; 12]. Сфера конфессионального в социальной жизни занимает в эпоху глобальных трансформаций её форм стабильное значение генератора этнокультурного кода. В системной проекции он имеет различные функциональные ипостаси, основной из которых является ценностно-интеграционная. Аксиологическая детерминация природы этноконфессиональных отношений имеет полевой характер в силу подчас диаметрально-заряженных комплексов доктринального уровня сознания, имеющих свою проекцию в конфессиональных стратах религиозных систем. В макро-проекции данный аспект лежит в основе культур-цивилизационной (в силу этого не снимаемой), геополитической апории Запад – Восток (например, в комплексе взаимодействия государственно-организованных сообществ католического и протестантского мира (Запад) и мира православного – Восток) и Восток – Восток (России – Евразии и мира с индо- и конфуцианско-буддистским маркером культурного кода социальных систем). Политическая практика последних 20–25 лет свидетельствует об усугублении данной апории.

В условиях федеративной формы государственного устройства (в том числе и по национально-территориальному принципу) стремительная атомизация культурного пространства по религиозно-конфессиональному признаку, безусловно, влечёт за собой постановку ряда методологических проблем. Они возникают и при государственном управлении и регулировании этноконфессиональной сферы общественных отношений как одного из основных направлений деятельности государства (рассматриваемого в данном случае в качестве

центрального звена политической системы общества). Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (далее ФЦП), принятая во исполнение Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации (утверждённой 19 декабря 2012 г. – далее Стратегии), с одной стороны, призвана систематизировать подходы к реализации идеологической функции государства в сфере национальной политики, а с другой, дать видение её механизмов. Не случайно в связи с этим социально интеграционный потенциал религиозных комплексов выводится в качестве одного из системообразующих факторов.

Понятийный аппарат, как Стратегии, так и ФЦП, касающийся собственно видения ракурса проблематики в условиях полиэтноконфессионального пространства РФ, определён двумя базовыми детерминантами: во-первых, международно-правовым блоком (общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ), определяющим обязательства РФ по сохранению этнокультурного многообразия и своеобразия и «прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств»; во-вторых, современным характером конституционных принципов государственного устройства (федерализма) и политического режима (демократия), призванных развивать потенциал российской нации и всех составляющих её этнических общностей.

В качестве системообразующего фактора государственного и гражданского строительства в программных документах определены русский народ и Русская Православная Церковь (Московский Патриархат) (далее РПЦ МП) по факту своего доминирования в общем историческом процессе культур-цивилизационного бытования российско-евразийского пространства. Как следствие, в рамках Федеральной программы на период 2014–2015 гг. РПЦ МП выделено 1 млрд 758 млн р.

Необходимо при этом учитывать, что исторический прецедент, определяющий интеграционную «память» общности судеб социально-экономической жизни, складывался в политико-правовом режиме и условиях, диаметрально противоположных ныне конституционно декларированным формам государственного устройства, правления и поли-

тического режима. Имеются в виду имперский и советский периоды, сходные по эффективности методологии интеграционной функции фактически унитарного государства.

В социальных системах субъектов РФ (образованных по национально-территориальному признаку) вопрос об интеграционно-унифицирующей функции этноконфессиональных институтов носит подчас предельно выраженный характер. В региональной практике властеотношений на примере Восточной Сибири эти особенности проявляются достаточно рельефно уже с конца 80-х – нач. 90-х гг. XX в. [1; 2].

Восточно-Сибирский регион переживал (и переживает) период активной этноидентификации по религиозно-конфессиональному признаку. В качестве интеграционных детерминант этнической и субэтнической самоидентификации выступают институты христианства и буддизма в их традиционных для России конфессиональных структурах – православие (в том числе старообрядческие общины), ламаизма (тибетской ветви буддизма), а также социокультурного комплекса шаманизма (вступившего в активную фазу институализации и конфессионализации). С одной стороны, данные тенденции подтверждают тезис о том, что конфессионально детерминированный код этнической культуры является идентификационным маркером локальных процессов этноинтеграции. С другой стороны, данные процессы характеризуются углублением атомизации социокультурного пространства в силу не снимаемых базово-доктринальных расхождений конфессиональных институтов (имеющих, как уже отмечалось, разновекторные характеристики антропосоциальной проекции вероучения). Как следствие на фоне системного кризиса (характерного для переходного периода государственного обустройства), «ухода» государства из экономической и идеологической макросфер общественных отношений, интеграционный потенциал религиозно-культурных комплексов титульных наций и народов субъектов Российской Федерации политизируется. В условиях эмансипации в финансово-хозяйственной сфере, латентно проявляется возможность и эмансипации этнополитической (выраженной, в частности, в начале 90-х гг. прошлого столетия реанимацией панбуддистских и панмонгольских геополитических проектов, как китайского, так и японского вектора).

Данный тезис усиливается миссиологическим аспектом мировых религиозно-культурных систем, в условиях деструкции национальной и религиозной политики, явно и латентно нивелирующим общенациональные интеграционные процессы. В этой связи возникает вопрос об аксиологической составляющей этноконфессиональных факторов гражданского единения, не имеющих базовых, общенациональных идеологем (хоть отчасти, но трансформирующих поле этноконфессионального сепаратизма в общенациональное пространство), поскольку гражданское единение обусловлено общностью интересов прежде всего. Вопрос встаёт о содержательной природе этих интересов и ракурсе их разворота. Если иметь в виду понимание гражданского единения в целях защиты коллективных интересов перед лицом государства как политической организации, то опять же, данное единение будет конфессионально детерминировано. Если же вопрос ставится о необходимости формирования данных интересов в целях общероссийской интеграции и гражданского единения, то встаёт вопрос о критериях идеологической системы (прежде всего, как системы ментальных ценностей) общегосударственного масштаба. В этой связи мы выходим на позиции, при которых (с учётом полиэтноконфессионального состава РФ, федеративной формой государственного устройства, светским режимом правового регулирования религиозной сферы) встаёт вопрос о механизме реализации государством идеологической функции в обществе.

И это действительно проблема. Прежде всего потому, что на современном этапе развития российского государственного управления и теории права, нет чётко выработанных критериев базовой методологии решения данного комплекса. Но есть прецеденты решения при условиях унитарной формы государственного устройства (территориально-административный унитаризм российской империи) или в условиях идеократии советского периода. И в первом, и во втором случаях имеет место моноидеологическая модель: в имперский период прерогатива миссионерства для структур РПЦ, в советский – авторитарная идеократия атеизма. На постсоветском политическом пространстве наличествуют попытки национального строительства посредством активизации конфессионального фактора «сверху», например, ситуации в Казахста-

не, где в 2011 г. был провозглашён курс по реализации принципа – «одна нация – одна религия». Примечателен как сам факт выявления данной тенденции на постсоветском пространстве (в качестве поисков методологии государственного управления в сфере этноконфессиональных отношений и механизмов общенациональной интеграции), так и факт осмысления необходимости реализации интегративной функции государства посредством активизации духовных субстанций кода политико-правовой и гражданской культуры российского народа.

Кроме государствоведческих встают социокультурные проблемы исследования возможного потенциала институциональной организации среды и атмосферы внутриобщинной жизни, целью которых могут быть процессы формирования навыков активной гражданской позиции. По логике определения гражданского общества как совокупности общественных отношений, не зависящих от государства и способных воздействовать на него [6; 7; 8; 9] (в целом, идущую от Ш. Монтескье), структурирующую роль «опосредующих властей» могут выполнять различные общественные объединения, которые становятся для человека своего рода школой, где он учится гражданскими добродетелям, что необходимо перед угрозой этической деградации. Выкристаллизовывается феноменологический ракурс проблем «социализации» доктринального уровня религиозного сознания в рамках гражданско-правовых отношений по поводу тех или иных материальных или духовных благ.

Не случайно социальные концепции самых крупных конфессий не заставили ждать своего появления, определяя «позицию» истеблишмента по основным сферам общественных отношений (Социальная концепция Римо-католической церкви, РПЦ МП [10], концептуальные послы 90-х гг. Далай-Ламы XIV и пр.). Во всяком случае, «социально-политический» заказ на данный функциональный ракурс достаточно ясен. Если брать гражданско-правовой аспект, то методология реализации религиозными институтами данной функции видится в решении проблем, связанных с формами собственности на движимое и недвижимое (здания и земли) имущество, закреплённых в ныне существующих уставах, с одной стороны, и возможных форм этой собственности, имеющих исторический прецедент, с другой. Существуют раз-

личные мнения по этому поводу. Автор полагает, что господствующая ныне корпоративная форма собственности не способствует включению рядовых членов общины (имеется в виду РПЦ МП) в реальные отношения, связанные с выработкой необходимых навыков гражданской жизни и, как следствие, активной гражданской позиции по обретению чаемого единения. Разумеется, это одна из граней всего комплекса проблем связанных с современными вызовами существующим религиозно-конфессиональным и политическим институтам в условиях современных трансформаций форм общественной жизни во всех её ипостасях.

На уровне субъектов РФ проблематика реализации ФЦП и региональных (например, по Иркутской области) программ государственной поддержки в сфере этноконфессиональных отношений, а также профилактики экстремистских проявлений связана с конфессиональной спецификацией миграционных процессов и экономическими трудностями реализации прав КМН. Региональные миграционные потоки имеют два основных конфессиональных вектора – конфуцианский и исламский. Китайский вектор интересен в связи с процессами выработки в Поднебесной методологии разворота интеграционного потенциала конфуцианских базовых этико-мировоззренческих комплексов (об этом будет сказано ниже). Исламский же фактор показателен рядом характеристик. Во-первых, этническим разнообразием (татары, дагестанцы, чеченцы, ингуши, азербайджанцы, таджики, киргизы). Во-вторых, контекстом традиционных и нетрадиционных направлений ислама, определяющих практику государственных структур, ответственных за благополучие этноконфессионального «мезальянса»: сунниты (примерно 95 % от общего количества мусульман, проживающих в Иркутской области), шафииты, шииты (в том числе исмаилиты). Полиэтничность направлений ислама, активные миграционные процессы проявляются в борьбе за влияние в мусульманской умме. Она имеет свою организационную форму – «Байкальский муфтият», который активно сотрудничает с российскими централизованными исламскими структурами, но не входит в них. С исламским фактором связаны и проблемы религиозного экстремизма, непосредственно касающиеся вопросов гражданской позиции общественных объединений и работы с молодёжью. К этим проблемам относятся:

- организация миссионерской работы по защите ценностей и памяти исторического сосуществования российского ислама с иным этноконфессиональным окружением;

- противодействие радикализации по конфессиональному признаку регионального исламского сообщества.

Ещё одна достаточно любопытная грань региональных процессов реализации ФЦП имеет выраженный геополитический окрас и связана с религиозной и национальной политикой Китая, являющейся сильнейшим детонатором для проявлений экстремизма в рамках национально-освободительных движений (например, в Синьцзянь-уйгурском автономном округе). Не случайно поэтому появление на территории Забайкалья исламских экстремистов, в ряду которых числился и небезызвестный Саид «бурятский».

Латентной радикализации этноконфессиональной ситуации способствуют и проблемы КМН Сибири. Они увязываются как с экономическими и экологическими факторами, влияющими на традиционные формы хозяйствования, так и с этнокультурными – сохранением и развитием языка, особенностями мировоззренческого комплекса. Так, в резолюции II съезда КМН Иркутской области (от 12–13 декабря 2012 г.) обеспечение соблюдения прав КМН на приоритетное пользование животным миром связывается с культурой, обычаями и традициями (как правило, рассматриваемыми в рамках шаманизма). В свою очередь, проблемы оптимизации государственного управления экономическим положением КМН соотносятся с активизацией культурно-просветительской работы, направленной на сохранение, развитие и повышение значимости культурного наследия КМН Иркутской области.

В данном вопросе решение этноконфессиональных проблем гражданского единения возможно выстраивать относительно ценностей гражданской религии. Именно данный вектор фактически продекларирован в концептуальных заявлениях руководителей государства и программных документах по национальной политике. Такие ценности, как общность истории, культуры, братство народов, гражданская активность, патриотизм, нравственные основы подаются в качестве базового компонента национальной идеи. Данный ракурс выводит на позиции, связанные с идеологической функцией государства и механизмами её

реализации. На современном этапе механизм реализации программы единства российской нации и этнокультурного развития народов России отчасти обусловлен нормативно-правовой базой вероисповедной политики, нивелирующей саму возможность проявления конфессионально-миссиологического негатива соответствующими положениями (нормами УК РФ и другими актами, имеющими отраслевую спецификацию в системе права РФ).

В свете конфессиональной ангажированности интересы господства доктринальных идеологем социального связаны, прежде всего, со стремлением духовно-территориального доминирования (для мировых религий, прежде всего). На современном этапе возможно моделировать интеграционные процессы с учётом российской специфики традиционных форм институализации конфессий в контексте моделей взаимоотношений с государством. В данном ракурсе к узловым необходимо относятся вопросы природы властеотношений в обществе и вопросы о функциях государства и гражданского общества (исходя из доктринальной специфики их трактовки и социально-политических реалий). Пути преодоления данного комплекса проблем лежат в макро-методологической плоскости. Панацея видится в смене модели формирования гражданского общества и

взаимоотношений его с государством при учете конфессионального фактора. Смена модели – это смена парадигмы. Но в данном случае имеется в виду не инновации, а возвращение к традиционным стереотипам социально-культурного и философско-политического дискурсов. Одним из таких проявлений в отечественной доктрине является модель коллективно-общинного принципа формирования гражданского общества (антитеза индивидуализму, имеющая глубокие историко-культурные корни), а также возврат государства в социальную сферу посредством активизации (формирования) идеологической функции.

В этом ракурсе вопрос о преодолении конфессиональной апории культур-религиозных институтов становится одним из основных. Не случайна в этой связи и актуализация дискуссии по идеологической функции государства и проблемам активизации интеграционного потенциала этноконфессионального фактора как субстанциональной части данной функции. С другой, с учётом наличия вполне «укоренившихся к началу XXI в.» иных конфессиональных институций возникает «родовая» проблема обществ с имперскими признаками политической организации – проблема реализации принципов культур-религиозной толерантности как основы общенационального строительства.

Список литературы

1. Арзуманов И. А. Культур-конфессиональный фактор в процессах консолидации социополитического пространства Байкальской Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2009. № 1 (3). С. 244–251.
2. Арзуманов И. А., Юрковский А. В. Модернизационные аспекты вероисповедной политики стран Северо-восточной Азии XX–XXI вв. Ч. 1 // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 2 (9). С. 106–115.
3. Глаголев В. С. Метатеории в управлении: прагматические последствия философских раздумий // Право и управление. XXI в. 2011. № 3. С. 119–121.
4. Глаголев В. С., Силантьева М. В. Религиозно-культурное пространство европейской России: факторы динамики традиции и традиции динамики // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2010. № 2. С. 131–140.
5. Гражданское общество, правовое государство и право: «Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии» // Государство и право. 2002. № 1. С. 12–50.
6. Дилигенский Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе // Pro et Contra. 1997. № 4. Т. 2. Гражданское общество. С. 5. 68–92.
7. Дмитриев Ю. А. Соотношение понятий политической и государственной власти в условиях формирования гражданского общества // Государство и право. 1994. № 7. С. 57–73.
8. Зуляр Ю. А. Теоретико-методологические основы исследования отечественной политики взаимодействия природы и общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2008. № 1. С. 159–171.

9. Красин Ю. Гражданское общество: путь к стабильности // Диалог. 1992. № 3. С. 73–76.
10. Об основах социальной концепции Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 1. С. 6–7.
11. Пьянов Н. А. Теория государства и права: учеб. пособие в 2 ч. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. Ч. 1: Теория государства. 354 с.
12. Силантьева М. В. Ценностный потенциал христианства перед теоретическими вызовами современности // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. № 2. С. 196–206.

References

1. Arzumanov I. A. Kul'tur-konfessional'nyi faktor v protsessakh konsolidatsii sotsiopoliticheskogo prostranstva Baikalskoi Sibiri // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie». 2009. № 1 (3). S. 244–251.
2. Arzumanov I. A., Yurkovskii A. V. Modernizatsionnye aspekty veroispovednoi politiki stran Severo-vostochnoi Azii XX–XXI vv. Ch. 1 // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie». 2012. № 2 (9). S. 106–115.
3. Glagolev V. S. Metateorii v upravlenii: pragmaticheskie posledstviya filosofskikh razdumii // Pravo i upravlenie. XXI v. 2011. № 3. S. 119–121.
4. Glagolev V. S., Silant'eva M. V. Religiozno-kul'turnoe prostranstvo evropeiskoi Rossii: faktory dinamiki traditsii i traditsii dinamiki // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie». 2010. № 2. S. 131–140.
5. Grazhdanskoe obshchestvo, pravovoe gosudarstvo i pravo: «Kruglyi stol» zhurnalov «Gosudarstvo i pravo» i «Voprosy filosofii» // Gosudarstvo i pravo. 2002. № 1. S. 12–50.
6. Diligenskii G. Chto my znaem o demokratii i grazhdanskom obshchestve // Pro et Contra. 1997. № 4. Т. 2. Grazhdanskoe obshchestvo. S. 5. 68–92.
7. Dmitriev Yu. A. Sootnoshenie ponyatii politicheskoi i gosudarstvennoi vlasti v usloviyakh formirovaniya grazhdanskogo obshchestva // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 7. S. 57–73.
8. Zulyar Yu. A. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya otechestvennoi politiki vzaimodeistviya prirody i obshchestva // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie». 2008. № 1. S. 159–171.
9. Krasin Yu. Grazhdanskoe obshchestvo: put' k stabil'nosti // Dialog. 1992. № 3. S. 73–76.
10. Ob osnovakh sotsial'noi kontseptsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi // Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii. 2001. № 1. S. 6–7.
11. P'yanov N. A. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. posobie v 2 ch. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2011. Ch. 1: Teoriya gosudarstva. 354 s.
12. Silant'eva M. V. Tsennostnyi potentsial khristianstva pered teoreticheskimi vyzovami sovremennosti // Vestnik russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii. 2009. Т. 10. № 2. S. 196–206.

Статья поступила в редакцию 28.03.2014

УДК 39(571.54/55)
ББК Т 5-3 (2р54)

Арте́м Вади́мович Жуков¹,
доктор философских наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30)
e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Алена Алексе́евна Жукова,
кандидат философских наук, научный сотрудник,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30)
e-mail: kazarbina_a@mail.ru

Проекции и рецепции образов Китая в обыденном сознании российского населения Байкальского региона с XVII по XX вв.

В статье впервые проводится попытка исследования восприятия Китая и китайцев россиянами, проживающими в Байкальском регионе. Задачей статьи является анализ рецепции образов Китая населением российско-китайского приграничья. Авторы доказывают, что на особенности формирования образов Китая в этом регионе влияли факторы, сложившиеся под влиянием естественных обстоятельств и практических требований, и лишь в отдельные периоды преобладали политические мотивы, исходящие от российского центра. Новизна статьи определяется авторской концепцией о том, что массовое сознание подвергается воздействию проекций и воспроизводит значительное количество рецепций образов Китая. Данный диалог редко сводится к упрощённой дихотомии «Свой–Чужой» и чаще формирует более сложные по составу конструируемые. Авторы доказывают, что образы Китая в сознание населения Байкальского региона привносили русские, побывавшие за китайской границей; китайцы, переносившие элементы своей культуры на российские территории; политическое влияние, исходившее из российского центра, а также Китай, прилагающий усилия, направленные на распространение образов Китая и китайцев на соседние регионы, что на территории России стало ощутимым, начиная с 90-х гг. XX в. Результатом исследования является выделение таких этапов эволюции восприятия образов Китая, как: период до российской колонизации, период колонизации, период после установления русско-китайской границы, период второй половины XIX в. до октябрьской революции, советский и постсоветский периоды. Практическое значение статьи заключается в доказательстве того, что при осуществлении стратегии проецирования образов Китая необходимо учитывать естественно-практические интересы населения российско-китайского приграничья.

Ключевые слова: российско-китайское приграничье, российское население Байкальского региона, факторы формирования образов Китая, восприятие образов Китая, периоды эволюции восприятия образов Китая, межкультурный диалог, массовое сознание.

Artem Vadimovich Zhukov²,
Doctor of Philosophy, Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Alena Alekseyevna Zhukova,
Candidate of Philosophy, Researcher,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: kazarbina_a@mail.ru

Projections and Receptions of Chinese Images on Everyday Consciousness of the Russian Population in the Baikal Region from XVII till XX Centuries

In the article an attempt to investigate China and the Chinese by the Russians living in the Baikal region is given. The aim of the article is to analyze the reception of China image by the population of the Russian – Chinese trans-border. The authors prove that the peculiarities of China

¹Жуков А. В. – основной автор, является организатором проекта, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

²Zhukov A. V. is the main author, research organizer, formulates conclusions and generalizes results of implementation of the collective project.

images formation in this region are influenced by the factors generated under the influence of natural circumstances and practical requirements and only in certain periods of time the political motives emanated from the Russian center prevailed over them.

The novelty of the article is determined by the author's concept proving the fact that mass consciousness is subjected to the influence of projections and produces a great number of China images receptions. This dialogue is rarely reduced to reductive dichotomy «Own - Alien» and often forms more complicated constructions.

The authors prove that China images in consciousness of the population of the Baikal region were brought to life by the Russians, who had been in China; the Chinese who transferred the elements of their culture to the Russian territories; political influence, which originated from the Russian center and also China making efforts directed to the distribution of China images and images of the Chinese on the neighboring regions. It has become noticeable since 90-es of the XX century.

The result of the research has become the extraction of such evolution stages of China images perception as: the period prior to the Russian colonization; the period of colonization; the period after fixing the Russian – China border; the period of the second half of the XIX century, prior to the October revolution; Soviet and Post-Soviet periods.

The practical meaning of the article consists in proving the fact that while performing the strategy of projecting China images it is necessary to take into account natural and practical interests of the population of the Russian – Chinese trans-border.

Keywords: the Russian-Chinese border line, Russian population of the Baikal region, factors of forming of characters of China, perception of characters of China, periods of evolution of perception of characters of China, cross-cultural dialogue, mass consciousness.

В России интерес к жизни китайского народа имеет глубокие корни, так как Китай, один из крупнейших соседей России на Востоке, обладающий огромным потенциалом, оказывает длительное и ощутимое влияние на политическую, культурную и религиозную жизнь россиян. В формировании представлений о Китае большую роль играет такая приграничная с Китаем территория России как Байкальский регион, определяющее значение для которого имеет наличие регионального рубежа Сибири, такого как озеро Байкал с одной стороны и границы с Китаем с другой [3, с. 7]. В течение длительного времени в силу географических, климатических и других особенностей пространства, прилегающие к Байкалу, были местом соседства китайского населения с многочисленными некитайскими народами. Интенсивные процессы взаимодействия культур продолжаются и сегодня, так как Байкальский регион является неотъемлемым элементом зоны трансграничья России, Северного Китая и Монголии. Именно эти территории в условиях социальной действительности XXI в. подвергаются целенаправленному, идеологическому воздействию со стороны Китая, который предпринимает целенаправленные усилия для реализации программы расширения «китайского культурного круга» [17, с. 7].

Предметом проводимого анализа являются образы, распространённые среди рос-

сийского населения Байкальского региона и содержащие информацию о Китае и китайцах. Мы полагаем, что факторами, влияющими на восприятие Китая со стороны российского населения региона, являются геополитические условия бытования, культурные контакты, а также целенаправленное идеологическое воздействие, осуществляемое со стороны организованных групп, представляющих интересы государств или корпорация в политических, экономических, культурных и иных целях. Об актуальности исследований процессов восприятия образа Китая свидетельствует то, что эта тема всё чаще озвучивается в трудах известных востоковедов, таких например, как В. Л. Лукин [16], А. Г. Ларин [14] и В. Г. Дацишен [8], где данный вопрос обсуждается в контексте общероссийского дискурса. Региональные аспекты, связанные с восприятием образа Китая на Дальнем Востоке, поднимаются в исследованиях А. П. Забияко [10], О. В. Бузмаковой [2]. Однако проблема восприятия Китая населением Байкальского региона остается не изученной. Поэтому задачей данной статьи является диахронический анализ процессов проекции, рецепции и воспроизводства образов Китая на указанной территории.

Важно отметить, что целенаправленного проецирования образов Китая в массовое сознание русских, проживающих на территории Байкальского региона, дли-

тельное время не осуществлялось. Однако процессы восприятия этих идей шли, и осуществлялись они посредством контактов представителей различных культур, что было обусловлено неизбежными процессами аккультурации. Первый период процессов восприятия образа Китая в данном регионе характеризуется прибытием первых русских переселенцев, главным образом, казаков. Он был связан с российской колониальной экспансией, начавшейся в XVII в., которая изменила этносоциальную ситуацию у северных рубежей Китая и привела к увеличению русско-китайских контактов [14, с. 21].

В это время ни Китай, ни Россия целенаправленно не занимались конструированием и распространением взаимных образов, которые проявлялись в сознании населения в силу естественных условий взаимодействия и традиций, свойственных этим группам. Например, отношения между Россией и Китаем тогда определялись военным противостоянием, однако восприятие образа Китая в рамках культуры казачества не всегда совпадало с образом «врага». Как видно из текста наказной памяти, данной послу И. Милованову, нерчинском воеводе Д. Аршинским, Китай воспринимался казаками как слабый в военном отношении сосед, который нуждается в покровительстве и защите. В соответствии с этими представлениями, Аршинский предложил богдыхану вступить в подданство русскому царю, который «учнет богдокана жаловать и держать в своем царском милостивом призрении и от недругов ево в оборони и в защищении...» [30, с. 35]. И впоследствии, когда маньчжурские войска вступили на земли, подконтрольные казакам, последние не воспринимали Китай только как «врага». Скорее их восприятие было ближе к образу «чужого», но такого, с которым возможно вести переговоры и осуществлять определенное взаимодействие. Примером этого является судьба албазинских казаков, которые первоначально упорно противостояли маньчжурским войскам, а затем оказались вывезены в Китай, где получили условия для учёбы, торговли и даже проповеди. Со временем албазинцы взаимодействовали с социальным окружением на территории Китая, и в частности брали жён, как правило, из среды маньчжур [22].

Второй период эволюции процессов рецепции китайских образов обыденным

сознанием русских в Байкальском регионе начался в эпоху, наступившую вслед за установлением русско-китайской границы. Важнейшим этапом в истории формирования образов Китая в сознании русских является подписание Нерчинского договора в 1689 г., пятая статья которого установила, что подданные России и Китая, могут переходить границу и заниматься торговлей. После того, как Китай и Россия заключили Кяхтинский трактат, российское правительство стало посылать своих представителей (православных миссионеров, купцов, занимавшихся приграничной торговлей, учащихся) в эту страну [18, с. 123]. Таким образом, указанный договор привёл к формированию устойчивых торговых и культурных связей между населением различных территорий, которое воспринимало друг друга как далеко не однозначных, но равноправных партнеров [14, с. 22].

Российское население Байкальского региона, начиная с этого времени, всё более активно интересовалось загадочным Восточным соседом. При этом, если изначальный интерес в основном удовлетворялся посредством рассказов торгового сословия, побывавшего в Поднебесной, то в последующий период тема Китая получила более широкое и детализированное освещение. В первой половине XIX в. российское общество следило за выпуском произведений и статей в региональных изданиях, которые описывали нравы и обычаи Поднебесной [12, с. 3]. Так, на страницах иркутских периодических изданий А. А. Кружалина отмечает наличие реплик подобного рода: «китайское гостеприимство», «предприимчивые китайцы», «мы очень мало знаем внутреннюю жизнь наших соседей китайцев, но сведения о политическом устройстве Китая еще менее нам известны», «заколдованный великан», «на положение нашей торговли с Китаем нужно обратить очень серьезное внимание» [13, с. 55]. Как видим, тематика статей, посвященных Китаю, отражает то, что интерес к нему затрагивал самые разнообразные темы, от торговли и политики до культуры и обычаев китайцев. Важной видится констатация того, что в представленных образах настоятельно ощущается потребность местнорусского общества в обретении ещё более полной информации о Китае.

Третий период, начавшийся во второй половине XIX в., характеризовался тем, что

Россия, проявившая заинтересованность в привлечении китайцев для нужд хозяйственного освоения региона разрешила им селиться на своих землях [8, с. 44]. Это решение радикально повлияло на активизацию и особенности процессов формирования и распространения образов Китая. С одной стороны, для российских рынков труда появление такой рабочей силы, как неприветливые и согласные на любые условия работы, китайцы было крайне привлекательно. С другой стороны, китайцев на российской стороне становилось всё больше и больше. Осознание этого факта пугало россиян, что приводило к появлению образов, в которых ощущались опасения. Об этой стране и всем, что связано с Китаем, говорили как о чём-то удивительном и важном, но вызывающем тревогу. Важно обратить внимание, что никто из русских не сомневался в объективной необходимости контактов с Китаем. Ведь торгово-предпринимательская деятельность китайских купцов буквально преобразовала приграничные территории [14, с. 22]. Кроме этого, в Россию вместе с китайскими купцами проникали доселе неизвестные здесь товары, например, чай [20, с. 141]. Эта деятельность служила источником положительных образов о Китае и чудесных свойствах китайских товаров.

Необходимо отметить, что в процессах конструирования образов Китая в это время сыграло изобретение такого важного инструмента, как русско-китайский пиджин, используемый для местного русско-китайского общения [29]. Его возникновение обусловлено тем, что в результате приграничного взаимодействия китайские образы, обогащая русский язык, проникли через заимствования, которые пополнили словарный запас русских [24]. Это выводило отношения между двумя приграничными этносами на более высокий уровень [19, с. 206]. В целом стихийно развивавшиеся процессы рецепции китайских образов в этот период были обусловлены практическими потребностями приграничного русско-китайского сообщества и способствовали формированию определенного приграничного единства. Впрочем, это не означало, что Китай и китайцы стали во всём признаваться русским населением за «своих». Со второй половины XIX в. российское государство начинает целенаправленно распространять проекции, в которых в зависимости от по-

литических условий, Китай мог выглядеть и как «друг» и как «враг». На появление и распространение образа Китая, таким образом, стал влиять политический фактор. При этом если для России с этого времени стало важным официальное определение своей позиции (первоначально оно было оформлено только законодательно, а затем появились и идеологические образы) по отношению к Китаю, то со стороны Китая ещё долгое время никаких попыток проецирования своих образов, кроме предложения дешевой рабочей силы и выгодных условий торговли, не зафиксировано [8, с. 43].

Во второй половине XX в. в связи с появлением и значительного количества китайских рабочих на территории Байкальского региона в региональной прессе был поднят так называемый «жёлтый вопрос», в процессе обсуждения которого обращалось внимание на тревожащие аспекты китайского присутствия [13, с. 55]. Так, иркутская газета «Восточное обозрение» выражала опасения в связи с тем, что «китайцы очутились у нас, перейдя даже центр [России], ближе к западу...» [4, с. 1]. Эти и подобные образы приводили к попыткам ограничить миграцию китайцев [23, с. 100]. Однако расширение торгово-экономических контактов и в частности, подписание в 1896 г. российско-китайских договоров о сотрудничестве и начале строительства КВЖД создавало условия, в которых сохранялось позитивное отношение россиян к своим соседям [11, с. 4].

В начале XX в. среди русских начала распространяться одна из первых целенаправленных идеологических проекций, распространяемая со стороны правительства, и позиционирующая Китай, как «врага» России. Этот образ воплотился в мифе о «жёлтой угрозе» [18, с. 123]. В отличие от рецептивных образов, возникавших в дискуссии по «жёлтому вопросу», которые обращали внимание на отдельные негативные последствия китайского присутствия, миф о «жёлтой опасности» чётко указывал на стремление Китая к военной агрессии. О «жёлтой опасности» впервые заговорили в 1900 г., когда над российским Забайкальем и Дальним Востоком нависла угроза, исходящая от движения ихэтуаней, и Китай приобрел образ опасного противника [21]. Затем политика вновь повлияла на массовое восприятие образа Китая. Тема «жёлтой угрозы» была актуализирована в 1905 г.

после русско-японской войны. Озвучивая эту проекцию П. А. Столыпин, председатель правительства России, заявлял, что пустынный Дальний Восток является привлекательным для густонаселённого Китая, поэтому, если русские не заселят его, то скоро он окажется занят чужестранцами [28, с. 33]. С этого времени получили распространение такие образы китайцев, как «разведчики», «тыловое войско», «система тайных обществ» этой страны [14, с. 22].

Актуализация негативных проекций в отношении Китая со стороны правительства имела значимые последствия, проявившиеся в запрете нанимать китайских рабочих на подённую работу, который вышел в 1910 г. Однако на практике отказ от труда китайцев приводил к финансовым потерям, и это сразу же отразилось на появлении большого количества мигрантов-нелегалов. Они находили работу повсеместно, и это служит показателем того, что соображения практического характера в обыденной жизни были преобладающими [6]. Дальнейшие события показали полную зависимость взаимного русско-китайского восприятия от бытийного контекста, потому что количество китайцев резко возросло в период Первой мировой войны, когда на территории всей страны ощущался недостаток рабочих рук [14, с. 23].

Таким образом, в период со второй половины XIX в. до октябрьской революции процессы формирования образов зависели от взаимодействия двух преобладающих факторов: во-первых, это практические условия, вытекающие из проживания местнорусского населения на приграничной с Китаем территории и приводящие к формированию позитивных рецензий в отношении китайцев; во-вторых, это политические соображения правительства, пытающегося поставить под контроль распространение китайского влияния, и влиявшие на распространение проекций образа Китая и китайцев, в которых они могли выставляться и как «друзья» и как «враги».

Четвёртый период эволюции восприятия Китая на территории Байкальского региона характеризовался распространением в сознании населения монообразов, полностью зависимых от идеологии и одинаково воспринимаемых на всех уровнях общественного сознания, что стало возможным благодаря господству тоталитарного режима на территории России (так же как и на

территории Китая). Политические события тогда оказывали определяющее влияние на содержание и смену оценок Китая в образах и мифах [31, с. 71]. Как подтверждает М. В. Пряженникова, в 20-е гг. XX в. китайцы пользовались покровительством советской власти, которая определяла их в качестве национальных меньшинств [23, с. 101] и конструировала образы борцов с Цинской династией и сторонников КПК [27]. Но к 30-м гг. всё изменилось по причине того, что пришедшее к власти в Китае гоминьдановское правительство инициировало гонения на русских. В свою очередь в советской прессе была открыта кампания, проецирующая образы, направленные на дискредитацию «реакционного режима Чан Кайши» [16, с. 188]. Затем в 1937 г. правительство Советского Союза закрыло границу с Китаем, после чего последовало решение о высылке всех китайцев на родину [23, с. 101]. Не могло быть речи о конструировании и распространении позитивных образов Китая и китайцев во время и сразу после Второй мировой войны.

Однако позитивное распространение и восприятие образа Китая стало характеризовать советско-китайские отношения с 1949 г. до начала 60-х гг. XX в. В эти годы к власти в Китае пришла Коммунистическая партия под руководством Мао Цзе Дуна, что, по мнению сталинского руководства, свидетельствовало о переходе Китая на путь социалистического строительства, которое должно было осуществляться при поддержке «старшего брата» в лице Советского Союза. Образы советской пропаганды доказывали, что КПК «при помощи Советского Союза в 1949 г. стала строить социалистический строй в своей стране» [27]. Наиболее запоминающаяся проекция образа дружбы между нашими странами, относящаяся к этому времени, отразилась в песне «Москва – Пекин» и плакатах, где Мао Цзе Дун изображен вместе с И. В. Сталиным [16, с. 216]. Во второй половине 50-х годов на начальном этапе «хрущевской оттепели» двери СССР ещё были открыты для китайских студентов. Однако затем наступила эпоха конфронтации, связанная с неприятием Мао Цзе Дуном нового курса Н. С. Хрущева. В это время происходит разворот китайской политики трансляции образов СССР от образа «старшего брата» к образу «социал-империалиста» [16, с. 216], что отразилось и на распро-

странении негативных образов в отношении Китая на территории нашей страны [6]. Наиболее запоминающимся образом этого периода являются описания событий на полуострове Даманском, в отношении которых в Китае была распространена мифологема под названием «Долой новых царей!». Осуществляя пропагандистскую кампанию против СССР, Китай распространял образ советской армии, устраивающей кровавые инциденты на китайской границе. В советской прессе проецировались образы «китайского этнического бандитизма», сформулированные в таких статьях, как, например, «Позор провокаторам!» [25, с. 164]. Начиная с этого времени в средствах массовой информации велась кампания, направленная на формирование у населения региона устойчивого антикитайского синдрома [31, с. 71].

Таким образом, процессы рецепции образов Китая в советский период отличались тем, что полностью зависели от политики государства. Она была очень противоречива и как справедливо отмечает А. Г. Ларин, руководство СССР использовало в зависимости от политических обстоятельств практику проецирования двух образов китайцев: образ «опасного китайца» и образ «трудолюбивого и послушного китайца». При этом обращение к практике проецирования образа «опасного китайца» означало, что правительство обнаруживало симптомы слабости на восточных рубежах [14, с. 24]. Вместе с этим интересно то, что и тогда взаимодействие между нашими странами не прерывалось, на что обратил внимание В. Л. Ларин, который зафиксировал, что «отношения между Китаем и Россией были и остаются формой межцивилизационного контакта» [15, с. 283].

В настоящее время продолжается пятый период эволюции рецепции образов Китая российским населением Байкальского региона. Он связан с развалом СССР и строительством государства, которое стремится к развитию российско-китайских отношений. Они характеризуются устойчивой динамикой развития, прочной правовой базой и разветвлённой организационной структурой взаимодействия. Несмотря на это, а также на то, что Китай ещё в 1989 г. провозгласил лозунг о том, что необходимо «закрыть прошлое – открыть будущее» [26, с. 103], проблемы, связанные с конструированием неоднозначной образности сопровождают русско-китайское взаимо-

действие [5]. Китай подвергается многочисленным нападкам, среди которых большое место занимают негативные проекции, такие как «рабы, трудящиеся за копейки» или «пустые города среди пустыни», или «торжествующие на руинах российских городов, солдаты народно-освободительной армии Китая» [7]. С другой стороны, распространяются образы, в которых эта страна оценивается в контексте отношений добрососедства и стратегического партнерства. В это время всё большее влияние на массовую аудиторию начинают оказывать образы, которые проецируются со стороны Китая. Они формируются через реализацию «принципов культурной дипломатии» и в контексте «политики мягкой силы» [17, с. 291]. Как отмечает Н. А. Абрамова, основное стремление Китая заключается в наращивании такой культурной силы, которая способна сформировать элиту «китаецентристской направленности» в некитайских сообществах, проживающих, в частности, в России [1, с. 73].

Таким образом, формирование образов Китая в сознании российского населения на территории Байкальского региона обусловлено рядом факторов, среди которых выделяются геополитические характеристики региона, занимающий пограничное положение между Россией и её культурой и языком, и Китаем, чьё влияние является преобладающим в Центральной Азии. Необходимо обратить внимание, что феномен «границы культур» на данных территориях является не только преградой, но в первую очередь зоной контакта различных цивилизаций, что и является основной причиной процессов интенсивного конструирования и воспроизводства образов Китая среди россиян.

Среди российского населения Прибайкалья и Забайкалья указанные процессы исторически зависят от двух разнонаправленных факторов. Первый из этих факторов обусловлен явлением российско-китайского межкультурного взаимодействия в условиях приграничного региона. Вторым зависим от политической конъюнктуры и начинает проявляться в периоды обострения взаимных отношений и войн между Россией и Китаем. Взаимодействие этих разнонаправленных сил очень редко сводилось к конструированию упрощённой дихотомии «Свой–Чужой» в сознании россиян за Байкалом и чаще воспроизводило более сложные по составу образы.

Подведём итоги статьи:

1. Анализ процессов восприятия образов Китая и китайцев россиянами, проживающими в приграничном Китаю Байкальском регионе, показал, что в идейном пространстве этого региона распространено большое количество образов Китая, представленных проекциями, которые конструировались и распространялись среди населения, и рецепциями, которые население воспроизводило в своем массовом сознании. Взаимодействие этих разнонаправленных сил очень редко сводилось к воспроизводству образов, основанных на дихотомии «Свой–Чужой» и чаще занимало промежуточные позиции.

2. На сферу обыденного сознания населения Байкальского региона оказывали влияние, во-первых, те русские, которые, побывав за китайской границей, выполняли функцию репрезентации образов китайской культуры. Во-вторых, китайцы, переносившие элементы своей культуры на российские территории. В-третьих, в определённые периоды и исторические моменты могли преобладать политические мотивы, исходящие из российского центра. Они, как

правило, служили основанием для формирования монообразов Китая, выступавших в зависимости от политической линии правительства в качестве «Друга», либо в качестве «Врага». В четвёртых, начиная со второй половины XX века Китай предпринимает усилия, направленные на конструирование и распространение образов Китая и китайцев на соседние регионы, что на территории России стало ощутимым начиная с 90-х гг. XX в.

3. Исследование доказало, что наиболее значимыми источниками конструирования образов Китая среди русских Байкальского региона в период XVII–XX вв. были утилитарно-бытовые интересы населения российско-китайского приграничья, так как на сознание русских Байкальского региона чаще всего влияли практические и естественные, региональные факторы, формирующие историческое многообразие образов Китая.

Практическое значение статьи заключается в утверждении необходимости учёта этого факта при планировании стратегий конструирования и распространения образа Китая на приграничные с ним территории.

Список литературы

1. Абрамова Н. А. Китайская культура и её трансляция в социокультурное пространство России // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 3 (52). С. 68–73.
2. Бузмакова О. В. Образ Китая и китайцев в современном русском православном сознании: дис. ... канд. филос. наук. Благовещенск, 2008. 186 с.
3. Бураева О. В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII – начале XX вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 212 с.
4. Васильев В. П. Китайцы новые подданные России // Восточное обозрение. 1884. № 2. С. 1–2.
5. Виноградов А. Информационные войны. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_27135/ (дата обращения: 12.02.2014).
6. Витковская Г. С., Зайончковская Ж. А. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. С. 80–120.
7. Война – китаец торжествует. URL: <http://www.kp.ru/daily/26111.3/3006176/> (дата обращения: 14.02.2014).
8. Дацышен В. Г. Формирование китайской общины в Российской империи (вторая половина XIX в.) // Диаспоры: Независимый научный журнал. 2001. № 2–3. С. 36–52.
9. Забияко А. П., Аниховский С. Э., Кобызов Р. А. Исследовательский проект «Этническое самосознание русских и китайцев в Дальневосточном регионе» // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск: АмГУ, 2001. С. 50–57.
10. Забияко А. П. Этническое сознание как субъективный фактор взаимоотношений России и Китая: теоретические и прикладные аспекты // Россия и Китай на Дальневосточных рубежах. Благовещенск: АмГУ, 2002. С. 422–429.
11. Клеменц Д. К вопросу о пограничных делах // Сибирская газета. 1888. № 32. С. 4–5.
12. Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики: сборник научных статей. М.: Наука, 1982. 264 с.
13. Кружалина А. А. Образ Китая и Китайского народа на страницах сибирской прессы в исторической ретроспективе // Россия и Китай: перспективы сотрудничества: матер. II Междунар. науч. практ. конф. Благовещенск: БГПУ, 2012. С. 53–59.

14. Ларин А. Г. Ретроспектива: китайцы в России // Миграция. 1997. № 1. С. 21–24.
15. Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX начало XXI века). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.
16. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад, 2007. 598 с.
17. Лю Гучан. О внешней политике Китая и китайско-российских отношениях. СПб: Изд-во СПбГУП, 2008. 44 с.
18. Морозова В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2013. 378 с.
19. Осокин Г. М. Московия на Востоке. М.: ДИ Танаис, 1996. 221 с.
20. Петров А. И. Китайская историография истории китайцев в Царской России: краткий очерк // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 141–155.
21. Поход в Китай. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/> (дата обращения: 15.02.2014).
22. Процесс аккультурации албазинцев. Русская православная церковь в жизни албазинцев. URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/albasin/2_2_ru.htm (дата обращения: 14.02.2014).
23. Пряженникова М. В. Особенности культурных процессов в Забайкалье и Северном Китае в 1920–1930 гг. // Гуманитарный вектор. 2013. № 3 (35). С. 99–103.
24. Русско-китайский пиджин. URL: <http://encyclopaedia.bigru.ru/> (дата обращения: 14.02.2014).
25. Рябушкин Д. С. Мифы Даманского. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. 396 с.
26. Соловьева Е. В. Российско-китайское культурное взаимодействие: к вопросу об историографии проблемы // Ойкумена, 2009. № 1 (8). С. 99–107.
27. Спорная Курильская гряда, и что рассказывают о Китае российские учебники истории – в обзоре китайских электронных СМИ. URL: <http://articles.chita.ru/27830/> (дата обращения: 12.02.2014).
28. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия: сборник речей и выступлений. М.: Молодая гвардия, 1991. 416 с.
29. Уфимцев Ю. Китайские слова в русском языке: есть и такие! URL: <http://www.asia-data.ru/?lang=ru&id=2970> (дата обращения: 12.02.2014).
30. Щебенков Б. Г. Русско-китайские отношения в XVII в. М.: АН СССР, 1960. 237 с.
31. Янков А. Г. Синофобия – русофобия: реальность и иллюзии // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 65–71.

References

1. Abramova N. A. Kitaiskaya kul'tura i ee translyatsiya v sotsiokul'turnoe prostranstvo Rossii // Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2010. № 3 (52). S. 68–73.
2. Buzmakova O. V. Obraz Kitaya i kitaitsev v sovremennom russkom pravoslavnom soznanii: dis. ... kand. filoz. nauk. Blagoveshchensk, 2008. 186 s.
3. Buraeva O. V. Etnokul'turnoe vzaimodeistvie narodov Baikalskogo regiona v XVII – nachale KhKh vv. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2005. 212 s.
4. Vasil'ev V. P. Kitaitsy novye poddannye Rossii // Vostochnoe obozrenie. 1884. № 2. S. 1–2.
5. Vinogradov A. Informatsionnye voiny. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_27135/ (дата обращения: 12.02.2014).
6. Vitkovskaya G. S., Zaionchkovskaya Zh. A. Novaya stolypinskaya politika na Dal'nem Vostoke Rossii: nadezhdy i realii // Perspektivy Dal'nevostochnogo regiona: mezhsranovye vzaimodeistviya. M.: Moskovskii Tsentr Karnegi, 1999. S. 80–120.
7. Voina – kitaets torzhestvuet. URL: <http://www.kp.ru/daily/26111.3/3006176/> (дата обращения: 14.02.2014).
8. Datsyshen V. G. Formirovanie kitaiskoi obshchiny v Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX v.) // Diaspory: Nezavisimyi nauchnyi zhurnal. 2001. № 2–3. S. 36–52.
9. Zabiako A. P., Anikhovskii S. E., Kobyzov P. A. Issledovatel'skii proekt «Etnicheskoe samosoznanie russkikh i kitaitsev v Dal'nevostochnom regione» // Rossiya i Kitai na Dal'nevostochnykh rubezhakh. Blagoveshchensk: AmGU, 2001. S. 50–57.
10. Zabiako A. P. Etnicheskoe soznanie kak sub'ektivnyi faktor vzaimootnoshenii Rossii i Kitaya: teoreticheskie i prikladnye aspekty // Rossiya i Kitai na Dal'nevostochnykh rubezhakh. Blagoveshchensk: AmGU, 2002. S. 422–429.
11. Klements D. K voprosu o pogranychnykh delakh // Sibirskaya gazeta. 1888. № 32. S. 4–5.
12. Konfutsianstvo v Kitae. Problemy teorii i praktiki: sbornik nauchnykh statei. M.: Nauka, 1982. 264 s.

13. Kruzhalina A. A. Obraz Kitaya i Kitaiskogo naroda na stranitsakh sibirskoi pressy v istoricheskoi retrospektive // Rossiya i Kitai: perspektivy sotrudnichestva: mater. II Mezhdunar. nauch. prakt. konf. Blagoveshchensk: BGPU, 2012. S. 53–59.
14. Larin A. G. Retrospektiva: kitaity v Rossii // Migratsiya. 1997. № 1. С. 21–24.
15. Larin V. L. Rossiisko-kitaiskie otnosheniya v regional'nykh izmereniyakh (80-e gody XX nachalo XXI veka). M.: Vostok-Zapad, 2005. 390 s.
16. Lukin A. V. Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XXI vekakh. M.: Vostok-Zapad, 2007. 598 s.
17. Lyu Guchan. O vneshnei politike Kitaya i kitaisko-rossiiskikh otnosheniyakh. SPb: Izd-vo SPbGUP, 2008. 44 s.
18. Morozova V. S. Regional'naya kul'tura v sotsiokul'turnom prostranstve rossiiskogo i kitaiskogo prigranich'ya: dis. ... d-ra filos. nauk. Chita, 2013. 378 s.
19. Osokin G. M. Moskoviya na Vostoke. M.: DI Tanais, 1996. 221 s.
20. Petrov A. I. Kitaiskaya istoriografiya istorii kitaitsev v Tsarskoi Rossii: kratkii ocherk // Rossiya i ATR. 2006. № 1. S. 141–155.
21. Pokhod v Kitai. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/> (data obrashcheniya: 15.02.2014).
22. Protsess akkul'turatsii albazintsev. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v zhizni albazintsev. URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/albasin/2_2_ru.htm (data obrashcheniya: 14.02.2014).
23. Pryazhennikova M. V. Osobennosti kul'turnykh protsessov v Zabaikal'e i Severnom Kitae v 1920–1930 gg. // Gumanitarnyi vektor. 2013. № 3 (35). S. 99–103.
24. Russko-kitaiskii pidzhin. URL: <http://encyclopaedia.big.ru/> (data obrashcheniya: 14.02.2014).
25. Ryabushkin D. S. Mify Damanskogo. M.: AST, Tranzitkniga, 2004. 396 s.
26. Solov'eva E. V. Rossiisko-kitaiskoe kul'turnoe vzaimodeistvie: k voprosu ob istoriografii problemy // Oikumena, 2009. № 1 (8). S. 99–107.
27. Spornaya Kuril'skaya gryada, i chto rasskazyvayut o Kitae rossiiskie uchebniki istorii – v obzore kitaiskikh elektronnykh SMI. URL: <http://articles.chita.ru/27830/> (data obrashcheniya: 12.02.2014).
28. Stolypin P. A. Nam nuzhna velikaya Rossiya: sbornik rechei i vystuplenii. M.: Molodaya gvardiya, 1991. 416 s.
29. Ufimtsev Yu. Kitaiskie slova v russkom yazyke: est' i takie! URL: <http://www.asiadata.ru/?lang=ru&id=2970> (data obrashcheniya: 12.02.2014).
30. Shcheben'kov B. G. Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII v. M.: AN SSSR, 1960. 237 s.
31. Yankov A. G. Sinofobiya – rusofobiya: real'nost' i illyuzii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2010. № 3. С. 65–71.

Статья поступила в редакцию 10.03.2014

*Людмила Васильевна Камедина,
доктор культурологии, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30)
e-mail: kamedina_ludmila@mail.ru*

Забайкальский текст в русской культуре

В статье впервые ставится вопрос создания Забайкальского текста как текста русской культуры. Определяется основное направление изучения подобного локального текста культуры. Выявляются важные акценты Забайкальского текста и способы его языкового кодирования. Пространство и время Забайкальского текста представлено в поэтической культурной картине мира забайкальских писателей, учёных, публицистов. В разных жанрах они создают открытый текст в локальной словесной культуре, который никогда не может быть завершён, потому что соотнесён с мирами других забайкальцев, причастных этому миру. Локальный текст Забайкалья аккумулирует духовные смыслы забайкальского, русского, мирового структурно-семантического поля и формирует культурную модель Забайкальского текста «окраинной земли», «глубинной Азии», зеркала мирового пейзажа. Забайкалье через культурные знаки, мифопоэтику и геопозетику словесности превращается в символ русской культурной жизни для мира. Забайкалье с его языком, кодами, смыслами, пространством входит в культурную жизнь человека и становится структурно-семантическим образованием. Между человеком и пространством складываются экзистенциальные отношения. Осваивая место, человек преобразует его, исходя из норм своего языка и культуры, он организует своё место символически, приобщает к культуре немой ландшафт. Данная статья не претендует на исчерпанность темы Забайкальского текста в русской культуре, но является попыткой поставить вопрос создания такого текста.

Ключевые слова: Забайкальский текст, знаки культуры, семиотические коды, мифопоэтика, геопозетика, зеркало мира.

*Lyudmila Vasilyevna Kamedina,
Doctor of Culturology, Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: kamedina_ludmila@mail.ru*

Transbaikalian Text in the Russian Culture

The article raises the question of Transbaikalian text creation as a text of the Russian culture. The author identifies important accents of Transbaikalian text and methods of its linguistic coding. Space and time of Transbaikalian text are presented in a poetic cultural picture of the world of Transbaikalian writers, scholars and publicists. In different genres they create open text in the local verbal culture, which can never be completed because it correlated with other Transbaikalian worlds involved in this world.

Local text of Transbaikalia accumulates spiritual meanings of Transbaikalian, Russian, global structural-semantic field and generates a cultural model of Transbaikalian text as a «marginal land», «deep Asia», the mirror of the global landscape. Transbaikalia through the cultural signs, myth-poetics and geo-poetics of literature is turned into the symbol of the Russian cultural life for the world. Transbaikalia with its language, codes, meanings, spaces comes into cultural human life and becomes a structurally-semantic form.

Existential relations are developed between man and space. Mastering the place, person transforms it based on the standards of his language and culture, symbolically organizes place, and attaches the mute landscape to culture. This article does not pretend to exhaustion of the theme of Transbaikalian text in the Russian culture, but it is an attempt to raise the question of such a text creation.

Keywords: Transbaikalian text, signs of culture, semiotic codes, myth-poetics, geo-poetics, mirror of the world.

В последнее время одной из популярных научных тем становится тема «локального текста». В культуре развёртывается провинциальный бум, идёт поиск малых, локальных идей, ставится вопрос самоидентификации. Данная статья не претендует на исчерпанность темы Забайкальского текста в русской культуре, на это потребуется время, но статья является попыткой поставить вопрос создания такого текста.

Первым исследователем-культурологом в этом направлении стал В. Н. Топоров, который разработал критерии важных акцентов в художественной культуре особого Петербургского текста на основе способов языкового кодирования его основных составляющих [12]. Вслед за работой В. Н. Топорова стало формироваться направление по изучению семантики и структуры локальных мест России и мира. Первые шаги в этом направлении сделали исследования А. Н. Давыдова о семантике Архангельского текста, И. А. Разумовой о Петрозаводском тексте, Е. В. Милюкова о евразийском коде Челябинского текста, В. В. Абашева о Перми как тексте, Н. В. Осиповой о Вятском контексте русской культуры, А. П. Люсого о Крымском тексте как отражении Петербургского текста, а также работы о Лондонском, Итальянском и др. текстах [3]. Впервые в данной статье в культурологический оборот вводится понятие Забайкальского текста, который будет рассматриваться как структурно-семантическая категория локального пространства русской культуры. Забайкальский текст предполагает мифологическое, литературно-художественное, публицистическое, научное функционирование в сознании общества. Забайкалье с его языком, кодами, смыслами, пространством входит в культурную жизнь человека и становится структурно-семантическим образованием. Между человеком и пространством складываются экзистенциальные отношения. Ю. М. Лотман призывает отойти от «назойливой привычки видеть мир в его бытовых очертаниях» и научиться видеть вещи как слова [9, с. 297]. Забайкальский текст представлен в многообразии речевых жанров: летописей, стихов, прозы, публицистики, жизнеописаний, научных статей, надписей на иконах.

Забайкалье в Забайкальском тексте русской культуры представляется не физической землёй, а структурно-семантическим образованием, категорией русской

культуры, осмысливающей землю. Осваивая место, человек преобразует его, исходя из норм своего языка и культуры, он организует своё место символически, немой ландшафт приобщает к культуре. Именно культура перестраивает и трансформирует пространство земли, наделяет его структурой и смыслом. Как результат рождается новая реальность места.

Парадигма Забайкальского текста выглядит так же, как выглядит любой локальный текст в русской культуре: миф о возникновении – рай земной – сакрализация пространства – Мировая гора – Первопоэт – культурные типы. Забайкальский текст начинается с мифа о возникновении Земли за Байкалом. Забайкальские поэты, писатели, учёные часто ссылаются на работы академика В. А. Обручева и Э. Зюсса, которые открыли древность происхождения байкальской земли, описывая Забайкалье как первичный участок земной коры, где остаются выходы наидревнейших пород земли, поднявшихся раньше всех и положивших здесь начало расширения гигантского материка Азии [10, с. 946–951]. «Древнее темя Азии» появилось из глубины океана сразу после Потопа – это было Забайкалье. Писателям и поэтам забайкальской земли нравится это учёная версия, они её мифологизировали и каждый по-своему передавали в своих сочинениях. В качестве примера можно привести творчество Михаила Вишнякова, который мифопоэтическим языком наделяет Забайкальский текст смысловыми кодами, встроенными во вселенскую структуру возникновения Земли. Забайкалье для Вишнякова – это древнейшая «глубинная Азия», «таинственная Даурия», это «огромные древние неподвижные, сонные пространства азиатской земли», это азиатские степи, в которых ничего не происходит – «струится меж пальцев всемирный песок устало и мерно», «время вечную пряжу прядёт». В забайкальской тайге «запахи резки и дики, вереск удушлив», «тяжёлые смолы». Культурно-поэтический мир древней Даурии заполняется «древними кочевьями», «хмурыми сопками», «ржавыми курганами». В мифе культурно-исторический факт семиотизируется и включается в коммуникативные процессы как элемент текста или кода. Процесс смысловой культурной самоидентификации для такого автора, как М. Вишняков, связан с осознанием национальных особенностей своей культу-

ры, а также с включённостью её в мировую культуру. Работы австрийского учёного Э. Зюсса о «древнем темени Земли» подтверждают вхождение Забайкалья в мировой геологический интерес. Забайкальский культурно-поэтический миф о происхождении перерастает только краеведческий интерес и стремится найти «код Забайкалья», характерный для нынешней ситуации как симптом изменившегося отношения локального мира к месту своей культурной жизни. Забайкалье может заявить о себе миру как о начале Земли – «откуда есть пошла русская земля», а дальше, перефразируя Нестора Летописца, сказать «и кто первое нача её воспевати».

Первыми сообщили миру о Даурской земле как рае земном русские летописцы. Земля Даурская издавна привлекала русского человека. В Древней Руси ходили слухи о сказочно богатых землях на Востоке. А. М. Панченко рассказывает, как целые семьи, деревни срывались со своих мест и устремлялись на восток в надежде обрести «рай земной». Побег в Даурию были так часты, что сибирским воеводам было приказано ловить беглецов, заставляя их целовать крест на том, чтобы им «в Даурскую землю не съезжать» [11, с. 171]. Репрезентируемые ценности и смыслы древней славянской культуры и древнего востока в современное бытие находят отклик в поэзии М. Вишнякова. Он транслирует духовные смыслы культурного мира Даурии, этого перекрёстка древних и новых цивилизаций. Одну из поэм он называет «Даурское лето», а один из сборников – «Даурский трилистник».

Освоение культурного пространства связано с его сакрализацией. После мифа о Даурском рае первым сакрализованным пространством становится Иргень. Это место первого забайкальского острога, первой церкви и место захоронения первых мучеников забайкальской земли, которые, подобно первым русским святым Борису и Глебу, освятившим всю Русскую землю своей жертвенной кровью, стали первыми жертвами, положенными для крепости в основание будущей постройки – Забайкальского края. Иргенские казаки, новгородско-енисейские по происхождению, распространяют Иргень как инициальный текст Забайкалья. Святые иргенские мученики выводят Забайкальский текст в широкое пространство Сибири, они запечатлены на иконе Сибирских свя-

тых, находящейся в Новосибирском кафедральном соборе. Помимо Иргени следует указать сакральные пространства Урлукского монастыря в Чикойских горах, на границе с Монголией, где пребывал святой Варлаам Чикойский, который почитается не только в Забайкалье, но и в Нижегородской земле, откуда он родом. Текст с его жизнеописанием и иконы распространяются по всей России. Включённые в Забайкальский текст святые Иннокентий (Вениаминов), Ефрем Селенгинский, царь-страстотерпец Николай с убиенной семьёй, Елизавета (Романова), врач Лука (Войно-Ясенецкий) и другие, являются культурными типам, сакрализирующими культурный ландшафт древней Даурской земли [6]. Они вводят Забайкалье в парадигму Священной истории. Через святых, побывавших на забайкальской земле, трудами и подвигами прославившими её, связывается также и представление о просветительстве далёкого края, о борьбе истины с заблуждениями. Исходное локальное значение Забайкалья у святых расширяется и обогащается многообразными семантическими коннотациями и приобретает разветвлённую семантическую структуру. Святые сообщают Забайкальскому тексту сакральность и делают его семантические компоненты устойчивыми. Развиваясь и трансформируясь, они вступают в связи с новыми значениями и существенно влияют на формирование культурного самосознания края. Забайкалье осознаёт себя в перспективе преемственной связи с миссией святых, центром духовной жизни и просвещения. Черты этой культурной интенции обнаруживаются в иргенском тексте, в первых свидетельствах культурного самосознания края.

Художественное пространство мифопоэтического текста организовано Мировой горой. Есть такие горы в Иерусалимском, Византийском, Римском, Московском и многих других текстах. Мифологическая функция Горы заключается в том, что она воспринимается как образ мира, в котором отражены все его основные элементы. Гора находится на оси мира, а её основание называется «пуп земли». Мировая гора трёхчлена: небо, земля, человек. В русских летописях имеются многочисленные сообщения о поклонении горам. Вокруг горы формируется этнос. «Текстуальная революция» в русской культуре отличается тем, что каждый региональный текст представляет

собой не узко местную точку зрения, а попытку концептуального выговаривания через себя всей России. Забайкальский текст представил России и миру свою Мировую гору – Водораздельную, так её называли географы. Затем она получила название в честь первого исследователя Яблонового хребта П. С. Палласа (1741–1811) и стала именоваться горой Палласа. Это водораздельная гора, высотой 1236 м, единственное место в мире, на котором находится точка сочленения бассейна трёх крупнейших мировых рек: Амура, Лены, Енисея. Именно из этой горы растекаются ручьи Кадалы, Хара-Кадалы, Грязнухи, впадающих в забайкальские озёра Кенон, Иван, Арахлей, а затем через вытекающие из них реки несут свои воды в три моря – Лаптевых, Охотское и Карское, которые формируют великие океаны: северо-западные – Ледовитый и Атлантический, а юго-восточные – Тихий и Индийский. Пространство Великого Истока воспето в научной, публицистической, песенной литературе (Т. Жалсарайн, Ф. Кренделев, Л. Коптелов, К. Шлямов) [7]. Находясь в этой точке в пору таяния снега, можно увидеть редкую картину: отсюда воды растекаются на три стороны. В природе многое устроено по принципу триединства. Здесь в Забайкалье есть ещё одна точка триединства/трёхграничья России – Китая – Монголии. Изучением этого триединства сейчас занимаются забайкальские учёные. Текст может быть понят только при условии прочтения локального геокультурного контекста. Специфику мифопоэтики возможно оценить при соответствующем описании географического ландшафта и созидающего этот ландшафт мифа.

Забайкальский текст созидается Мировой горой, речками, озёрами, морями и океанами, горами-границами, разделяющими миры запада и востока, ковыльными степями с точкой пересечения трёх мировых пространств. Художественное пространство не идентично реальному пространству. Художественное пространство – это модель мира автора. Обновлённая картина мира, создаваемая текстами культуры, приобретает многомерный характер, так формируется локальный текст культуры, который определяет наше восприятие, видение места и отношение к нему. Культурологическая цель исследования географии России – это поиск оси, от которой можно выстроить культурный чертёж страны. В

результате появления текстов, рефлексирующих путешествия, возникла дисциплина геопозитика. Геопозитика призвана раскрыть пространство в слове: от скупых энциклопедических сообщений до образно-поэтической культурной картины. Локальная география Забайкальского текста представлена в поэтических картинах М. Вишнякова, О. Димова. Последний является ещё и геологом. Геопозитика Вишнякова и Димова осмысливает культурно-образную географию пространственно. Забайкалье «упаковывается» ими в геопозитические образы, как в путевой чемодан, и становится компактным, локальным любимым текстом. Топонимы Забайкалья определяют место, его границы, мировые точки, стыки границ и одновременно наращивают духовные смыслы. Оригинальность взгляда М. Вишнякова состоит в том, что поэт смотрит на русскую жизнь из «глубинной Азии», из «таинственной Даурии», где «переплывались» многие культурные традиции: восточные, русские, западные, а Забайкалье представлено центром Евразии. Русское культурное бытие репрезентируется в культурный мир «окраинной земли», казалось бы, далёкой, но в то же время, близкой и родной. Культурная память М. Вишнякова сохраняет ценности и смыслы русских народных традиций. Прежде всего, это любовь к родной земле, гордость за великое прошлое, за славные победы; это и воспевание красоты земли, добрых дел и русского терпения. В поэме «Даурское лето» М. Вишняков поэтически воссоздаёт образ мироустройства забайкальского культурного типа – даурского кочевника: неторопливое течение его жизни, созерцательность как свойство характера, его думы о вечном, его гостеримство, всегда горящий очаг, «тишину ночи», «сонного ягнёнка» и Будду в изголовье. Мятёжная душа культурного героя находит в «глубинной Азии» покой [2, т. 2, с. 120]. О. Димов поэтически вписывает Забайкалье в пейзаж карты мира: «Если смотреть на мир с вершины этой сопки, кажется, что именно отсюда стекает, образуясь, лесистое всхолмленное Забайкалье. Расплёскивается во все стороны высокими волнами хребтов, между которых, в затишьях, укрылись покойные степи на юге, а на севере – елани да мари. Ближний север – малый, а ведь спрячь там какую-нибудь страну Лапландию вместе с её оленным народом лопалями, и не найдёшь днём с огнём. Вот они

какие, Тунги́ро-Оле́кминские дали <...> А если исполниться дерзости и шагнуть ещё севернее, где зелёные волны тайги уже не катятся вольно и широко, образуя горы и долины, а взметнулись и застыли валами хребтов, на которые тайга уже не в силах взойти<...> Ум, сокрушённый невиданной красотой каньонов и водопадов, ледниковых озёр и альпийских лугов, ослеплённый сиянием снегов на вершинах, неверяще воскликнет: ужель и это – Забайкалье?» [5, с. 218–219]. Забайкалье представляется в геопоэтике Вишнякова и Димова перекрёстком направлений, дорог, ветров, традиций, судеб, истории. Забайкальский текст возможен как результат двойного видения: место рождения русского писателя и граница пересечения культур.

В свой проект культурного бытия М. Вишняков включил духовные смыслы Даурской земли, которые оказались не чужеродными общерусским смыслом, а органичными им. Забайкалье выполняет роль «срединной земли». Оно – буфер между Россией и «глубинной Азией», пограничная земля, окраина Руси. Из Забайкалья уходили на восток последние русские – «люди белой идеи». Навсегда покидая Родину, они уносили в своём сердце запахи полыни, шум берёз, дым кочевий, образ «синей степи». Любовь к Родине у русских казаков начала XX в. была точно такой же, как у русских-эмигрантов, покидавших родную землю и уезжавших на запад. Духовные смыслы и духовная сущность русской жизни не изменились с веками. Меняется исторический антураж, сменяют друг друга цивилизации, трансформируются идеи, но духовные смыслы бытия народа транслируются по каналам русской мысли, освоенной по словесным кодам русской культуры. Тексты М. Вишнякова, О. Димова – трансляторы смысловой репрезентации в русской культуре.

Таким образом, и точка мирового водораздела, и точка трёх границ, и особый, напоминающий мировой, ландшафт Забайкалья, приближает Забайкальский текст к другим цивилизациям и обозначает в нём свой Центр мира.

Исследователи локальных текстов как текстов культуры делают акцент на таком важном элементе, как первопоэт. Первопоэтом Забайкальского текста можно назвать протопопу Аввакума. Он – родоначальник описания далёкой Даурской земли. Для него она – «страна варварская», где «силь-

ные морозы» и «немирные иноземцы», правда, «изобилие рыбы» в озёрах Иргень и Шакша [8, с. 43–50]. Аввакум в созданной им картине мира – выразитель и представитель общекультурной динамики России с русских традиций в сторону западноевропейских, со старообрядческих на новорусские. Протопоп отразил общероссийское движение с запада на восток (освоение земель) и с востока на запад (латинизация русской культуры). Аввакум – первопоэт, воюющий с Забайкальским текстом. Певцом же Забайкальского текста стал поэт Фёдор Бальдауф.

Ф. И. Бальдауф родился в Забайкалье, окончил Петербургский Горный кадетский корпус и вернулся в Нерчинский Завод не только горным инженером, но и поэтом. В Петербурге в Вольном обществе любителей российской словесности, где Бальдауф читал свои стихи, он встретился с поэтами Пушкиным, Глинкой, Рылеевым, Бестужевым-Марлинским и др. Поэтическое сообщество одобрило его стихи. Бальдауф был романтиком. Он романтизировал забайкальскую жизнь, природу, традиции бурят, тунгусов. Бальдауф оставил поэтическое описание Шилки, Нерчинского Завода, Борзи. В топонимическое поле текстов входят соляное озеро Дабасу-Нор, река Онон-Борзя, сопка Буха на берегу Онона. Тексты Бальдауфа представляются географически единым ландшафтным пространством и временем. Его поэтические тексты имеют эмоциональное воздействие на адресата и закрепляют мифоромантическую форму сознания в обществе.

Бальдауф поставил Забайкальский текст в знак «окраины мира». С одной стороны, он любил свою малую родину, а, с другой стороны, он рвался в Петербург, т. к. в Нерчинском Заводе его всё раздражало. Стихотворения «Вечер на берегу Байкала», «К бурятке», «Шаманка», поэмы «Кавиту и Тунгильби», «Авван и Гайро» делают Бальдауфа забайкальским поэтом и одновременно соединяют его с Центром, с общероссийской литературной романтической традицией [1]. Через романтическое слово Бальдауф реализовал Забайкальский текст в русской культуре.

Тексты, в которых наиболее выразился опыт взаимодействия природного ландшафта и творческого воображения – это творчество забайкальских писателей М. Вишнякова и О. Димова. К ним можно

присоединить плеяду забайкальских авторов, которые составят целостный текст Забайкалья: Г. Граубина, Е. Куренного, В. Вьюнова, Б. Макарова и др.

М. Вишняков определяет пространство и время Забайкальского текста в его дальнейшей перспективе, идущей из «глубин Азии», и ближней перспективе современной поэту забайкальской и российской действительности. Поэтическое выражение «глубинная Азия» – это точка отсчёта Забайкальского текста Вишнякова. Поэт создаёт его ландшафт, он состоит из «таёжного многоцветья», «белизны берёз», «голубых студёных рек», «табунных терпких выюжных степей», «сине-зелёных озёр», ручьёв, протоков, «длинных дорог», «хмурых сопкок». Ландшафтное пространство заселено «дикими табунами», «бурятскими юртами», охотниками, рыболовами, поэтами. Взгляд на Забайкалье у Вишнякова – это взгляд охотника и кочевника, который всё время в дороге: в тайге, степи, на реках и озёрах, в сопках и горах.

Забайкалье представлено в текстах Вишнякова в разное время года через запахи, которыми наполняется таёжный воздух, через звуки звенящей ключевой воды, птичьего хора, топота табунов, через цветопись тайги, полей, лугов, степей, сопкок и через ощущения, через поток сознания поэта.

М. Вишняков точно и ёмко выразил состояние забайкальского поэта: «Поэт в Забайкалье – кочевник». Перефразируя А. Григорьева, он выявил главную составляющую Забайкальского текста: «Дорога – это наше всё». Вместе с О. Димовым и врозь М. Вишняков объездил всё Забайкалье. Культурный мир его поэзии и прозы – это бесконечная череда поездок, путешествий. Геопэтика О. Димова вводит Забайкалье в мировое пространство географических стереотипов: «Названия известных земель рождают навязчивые образы: Кавказ – вершины во мгле, Карелия – озёра, Камчатка –

вулканы, Чукотка – тундра, Альпы – пасторальные открытки <...> Выразить каким-либо одним образом или представлением Забайкалье – невозможно, потому что оно вобрало в себя картины, ландшафты, пейзажи всей России» [4, с. 185]. В культурном мире О. Димова авторский повествователь – это геолог, землепроходец, охотник, путешественник, т. е. герой, не сидящий на месте, а созерцающий и создающий красоту окружающего неповторимого забайкальского чудесного мира. О. Димов создаёт открытый текст в забайкальской словесной культуре, этот текст не завершён и никогда не может быть завершённым, пока он соотнесён с мирами других забайкальцев, причастных этому миру.

Культурно-поэтические миры М. Вишнякова и О. Димова аккумулируют духовные смыслы забайкальского, русского, мирового структурно-семантического поля и формируют культурную модель Забайкальского текста «окраинной земли», «глубинной Азии», зеркала мирового пейзажа. Эта культурно-поэтическая модель не остаётся в состоянии покоя, внутри неё сохраняются, зреют, затухают исторические идеи. Духовные смыслы забайкальского бытия то поглощаются «глубинной Азией», то растворяются в русской Даурии, то отступают на запад.

Неведомое в мире Забайкалье через культурные знаки, мифопоэтику и геопэтику забайкальских писателей, поэтов, культурных деятелей, учёных превращается в символ русской культурной жизни для мира. Их творческое воображение преобразует забайкальский ландшафт, ваяет его по образу и подобию символических форм культуры. Идея о конструктивной силе творческого воображения, которое вносит свои символические структуры в реальность, является основной в исследовании о Забайкальском тексте как локальном тексте русской культуры.

Список литературы

1. Бальдауф Ф. И. Литературные сочинения. Чита: Поиск, 2008. 160 с.
2. Вишняков М. Е. Стихи и поэмы: в 2 т. М.: Русь, 2005.
3. Давыдов А. Н. Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта // Культура русского севера. Л.: Наука, 1988. С. 86–99; Разумова И. А. «... Как близко от Петербурга, но как далеко» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX вв.) Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб.: Лань, 2000. С. 324–334; Милюков Е. В. Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб.: Лань, 2000. С. 347 – 361; Абашев В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX в. Пермь: Пермский универси-

тет, 2000. 404 с.; Осипова Н. В. Вятский текст в культурном контексте // Бинобль. Вятский культурный журнал. 2002. № 16.– <http://www.binoklvyatka.ru/TITLES/index.htm>; Люсьи А. П. Крымский текст в русской литературе. М.: Алетейя, 2003. 314 с.; Прохорова Л. С. Лондонский текст русской литературы первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005 и др.

3. Даурское диво. Чита: Поиск, 2007. 256 с.
5. Димов О. А. Слово о земле // Даурское диво. Чита: Поиск, 2007. 256 с.
6. Духовная летопись Забайкалья: информационное издание / авторы и сост. С. М. Авдеев, Л. В. Камедина [и др.]. Екатеринбург: Екатеринбургская епархия РПЦ; Чита: Читинская и Забайкальская епархия, 2009. 456 с.
7. Жалсарайн Т. У. Точка Великого раздела // Забайкальский рабочий. 1977. 19 января; Кренделев Ф. П. Исток трёх великих рек // За науку в Сибири. 1984. 7 июля; Даурское диво. Чита: Поиск, 2007. 256 с. и др.
8. Житие Аввакума и другие его сочинения. М.: Советская Россия, 1991. 368 с.
9. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
10. Минина Е. Л. Из России в Австрию и обратно: переписка Э. Зюсса и В. А. Обручева // Вестник РАН. Т. 76. 2006. № 10. С. 946–951.
11. Панченко А. М. Русская история и культура. СПб.: Юна, 1999. 520 с.
12. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс – Культура, 1995. 624 с.

References

1. Bal'dauf F. I. Literaturnye sochineniya. Chita: Poisk, 2008. 160 s.
2. Vishnyakov M. E. Stikhi i poemy: v 2 t. M.: Rus', 2005.
3. Davydov A. N. Arkhangel'sk: semantika gorodskoi sredy v svete etnografii mezhdunarodnogo morskogo porta // Kul'tura russkogo severa. L.: Nauka, 1988. S. 86–99; Razumova I. A. «... Kak blizko ot Peterburga, no kak daleko» (Petrozavodsk v literaturnykh i ustnykh tekstakh XIX–XX vv.) Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost'. M.; SPb.: Lan', 2000. S. 324–334; Milyukov E. V. Chelyabinsk: okno v Aziyu ili krai obratnoi perspektivy // Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost'. M.; SPb.: Lan', 2000. S. 347 – 361; Abashev V. V. Perm' kak tekst: Perm' v russkoi kul'ture i literature KhKh v. Perm': Permskii universitet, 2000. 404 s.; Osipova N. V. Vyatskii tekst v kul'turnom kontekste // Binokl'. Vyatskii kul'turnyi zhurnal. 2002. № 16.– <http://www.binoklvyatka.ru/TITLES/index.htm>; Lyusy A. P. Krymskii tekst v russkoi literature. M.: Aleteiya, 2003. 314 s.; Prokhorova L. S. Londonskii tekst russkoi literatury pervoi treti XIX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2005 i dr.
3. Daurское divo. Chita: Poisk, 2007. 256 s.
5. Dimov O. A. Slovo o zemle // Daurское divo. Chita: Poisk, 2007. 256 s.
6. Dukhovnaya letopis' Zabaikal'ya: informatsionnoe izdanie / avtory i sost. S. M. Avdeev, L. V. Kamediya [i dr.]. Ekaterinburg: Ekaterinburgskaya eparkhiya RPTs; Chita: Chitinskaya i Zabaikal'skaya eparkhiya, 2009. 456 s.
7. Zhalsarain T. U. Tochka Velikogo razdela // Zabaikal'skii rabochii. 1977. 19 yanvarya; Krendelev F. P. Istok trekh velikikh rek // Za nauku v Sibiri. 1984. 7 iyulya; Daurское divo. Chita: Poisk, 2007. 256 s. i dr.
8. Zhitie Avvakuma i drugie ego sochineniya. M.: Sovetskaya Rossiya, 1991. 368 s.
9. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1996. 464 s.
10. Minina E. L. Iz Rossii v Avstriyu i obratno: perepiska E. Zyussa i V. A. Obrucheva // Vestnik RAN. T. 76. 2006. № 10. S. 946–951.
11. Panchenko A. M. Russkaya istoriya i kul'tura. SPb.: Yuna, 1999. 520 s.
12. Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo. M.: Progress – Kul'tura, 1995. 624 s.

Статья поступила в редакцию 28.03.2014

УДК 008(517.3)
ББК Ч1(5Мон)4

*Хухэ Маньдула,
аспирант,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул.Александрово-Заводская, 30)
e-mail: huheman1986@mail.ru*

Традиционные спортивные игры в культуре народов Центральной Азии и их роль в сохранении традиционного наследия

Статья посвящена вопросам культурологического анализа традиционного спортивного праздника («Эрын гурбан Найр-Наадам» («Три мужских состязания»)), занимающего в структуре монгольского праздничного календаря важнейшее, системообразующее положение. Единство человека, природы и общества отражалось в празднике как важнейшем механизме сохранения традиций культуры и обеспечения её изменчивости.

Автор статьи разделяет точку зрения китайских учёных о том, что праздник Найр-Наадам является самым массовым народным праздником монголов, актуализирует идею о том, что праздник Найр-Наадам относится к категории системообразующих праздников степной кочевой культуры, роль которого строго определена. Актуальность изучения роли праздников в культуре монгольских народов имеет огромное практическое значение для понимания механизмов обеспечения историко-культурной преемственности; влияния длительной культурной традиции на способы социокультурного воспроизводства ведущих культурных паттернов; определения подлинности и достоверности традиций, обладающих культурно-воспитательным потенциалом, обеспечивающим формирование этнокультурной и социальной идентичности.

Изучаемый в статье праздник является культурным инструментом сохранения традиционных ценностей, обеспечения преемственности и динамичности развития степной культуры. Анализируется влияние представления о времени и пространстве в кочевой культуре. Отсутствие в кочевой культуре привязанности к определённому месту проживания и способность адаптироваться к сложным условиям жизни, обширное пространство степи, большой разброс населения на огромных пространствах степи оказал сильное влияние на формирование холистического образа мироустройства, тэнгрианского мировоззрения. Взаимозависимость образа жизни и образа мироустройства создали неповторимые особенности праздника Найр-Наадам как доказательства уникальности кочевой культуры.

Ключевые слова: культура, монгольский народ, праздник, монгольский «Найр-Наадам», игры, традиции.

*Hukhe Mandula,
Postgraduate Student,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: huheman1986@mail.ru*

Traditional Sports Games in the Central Asia Peoples' Culture and their Role in the Traditional Heritage Preservation

This article is devoted to cultural analysis of the traditional sports festival («Eryn Gurban Naira-Naadam» («Three games of men»)), which occupies essential, system role in the structure of the Mongolian festive calendar. The unity of human, nature and society is reflected in festival as the most important mechanism to preserve the traditions of culture and ensure its variability.

The author shares position of Chinese scientists about Naadam festival as the most massive Mongols festival and actualizes the idea of Naadam festival belongs to the category of steppe nomadic culture's system festivals, which role is strictly defined. Relevance of festival cultural role research has a great practical importance for understanding the mechanics of the historic and cultural continuity; influence of continuous cultural tradition on socio-cultural reproduction of leading cultural patterns; determination of traditions authenticity, which have cultural and educational potential providing ethno-cultural and social identity organization.

The holiday studied in article is the cultural instrument of preservation of traditional values, ensuring continuity and dynamic development of the steppe culture. Influence of idea of time and space in steppe culture is being analyzed. The lack of nomadic culture attachment to a particular

place of residence and the ability to adapt to difficult conditions of life, the vast expanse of steppe, wide dispersion of the population over the huge territory of steppe had a strong influence on the formation of a holistic way of world order, tengrism. Interdependence of way of life and world view created unique features of Naadam festival as proof nomadic culture uniqueness.

Keywords: culture, Mongol people, festival, Mongol Naadam, games, traditions.

Для монгольского народа игры являются такой же неотъемлемой частью культуры, как и для любого другого народа. Основными видами традиционных спортивных состязаний монгольских народов являются «Эрын гурбан Найр-Наадам» («Три мужских состязания»). Монгольские скотоводы называют этот праздник «Найр», что в прямом переводе означает «Празднество». В состав этих игр входят: стрельба из лука, борьба, конные соревнования, спортивные состязания, обусловленные основными занятиями монголов: охотой и кочевым скотоводством. Эти игры сопровождаются целым комплексом сопутствующих ритуальных действий – совершение ритуального прохождения по кругу, исполнение мистических танцев при выходе на борцовское поле, исполнение «танца победителя», хвалебных песен «соло». Все эти действия по существу, являются способами десакрализации образа мироустройства и механизмом культурной интерференции образа мироустройства в параметры поведения и сознания, они связаны по смыслу и несут определённое символическое значение в культуре народа.

В первых рядах списка нематериального культурного наследия Китая, включенного в список ЮНЕСКО, стоит праздник Найр-Наадам, зафиксированный в группе «народного фольклора». Данный праздник определён как «Традиционное монгольское массовое праздничное гуляние», имеющее длительную историю и являющееся частью уникальной культуры кочевников Центральной Азии. «Первые исторические описания этих спортивных игр относятся к временам возникновения монгольского государства. Первое упоминание о празднике высечено на камне стелы Чингисхана, где содержится текст о том, что «Найр-Наадам» возник в ранний период Монгольской империи, в начале нашей эры» [4, с. 3]. В 1206 году Чингисхан, избранный монгольским ханом, пересматривает устройство и организацию своих войск, решает вопросы сохранения и распределения пастбищ на подвластной ему территории. Также было принято решение каждый год проводить большое собрание,

где должны будут принимать участие лидеры различных племён. Это было необходимо для поддержания дружеских отношений и единства, для совместных молебнов и также для проведения «Найр-Наадам». Монгол должен владеть борьбой, верховой ездой, стрельбой из лука как тремя базовыми навыками кочевника, поэтому ещё в раннем средневековье были определены три главных вида состязаний: стрельба из лука, конные бега и борьба. С этого времени начинают устанавливаться определённые правила, регламенты и комбинации видов игр, которые могут усовершенствоваться в случае необходимости. Степные народы всегда уважали закон, монголы как представители степной культуры очень серьёзно относились к законам, установлениям и правилам. Их образ жизни достаточно жёстко был регламентирован. С одной стороны, большое значение придавалось обычному степному праву и родовым установлениям, нарушители подвергались строгому наказанию. С другой стороны, сфера законодательства развивалась очень активно и сравнительно успешно. Чингисхан во время своих походов издал и ввёл в обращение свод законов «Военный устав», в котором отражался принцип «действия на основе закона» [4, с. 4]. Регламентации по поводу проведения праздника совершенствуются и дополняются. Эта черта вытекает из национального характера монголов, считает Чен Гуанлинь. Жизнь в согласии с природой воспитала в кочевых племенах открытость и прямоту, сформировала открытость культуры и отношение их к внешнему миру. Он пишет о монголах: «они не только смело мыслят и претворяют свои мысли в жизнь, но и готовы «отпускать старое и принимать новое», активно впитывать полезное влияние новых веяний, тем самым продвигая развитие национальной культуры» [1]. Умение сохранить традиции и развивать их проявилось и в изменениях, которые произошли в организации и проведении национального праздника Найр-Наадам.

В настоящее время игры проводятся с целью организации развлекательных куль-

турных мероприятий во многих административных единицах Внутренней Монголии» [3, с. 12]. В сомонах, уездах, посёлках такие игры проводятся два раза в год. Большой «Найр-Наадам» проводится один раз в год или один раз в 3 года. Эти традиции сохраняются до настоящего времени. «Найр-Наадам-ярмарки» делятся на три типа: крупные, средние и малые. «Найр-Наадам» считается большим, если количество борцов более 512 человек, а в скачках участвует не менее 300 лошадей. В таком случае праздник длится от 7 до 10 дней. Существует так называемый Большой Найр-Наадам, который включает в себя: 256 борцов, от 100 до 150 лошадей, а сам праздник длится от 5 до 7 дней. В противовес Большому выделяют Малый Найр-Наадам, который включает в себя от 64 до 128 борцов, число лошадей составляет от 30 до 50, а праздник проводится в течение от 3 до 5 дней. Подать заявку на участие в «Найр-Наадаме» и участвовать могут все, независимо от этнической и религиозной принадлежности. В последнее время проводятся крупномасштабные Найр-Наадам-ярмарки с расширенными программами, куда входят фестивали, освещение ладаном, пение песен Будды, молитвы о благодати, о преодолении трудностей, о здоровье. Теперь «Найр-Наадам-ярмарка охватывает не только традиционные монгольские национальные виды спорта, но и шахматы, лёгкую атлетику, перетягивание каната, волейбол, баскетбол и др. Кроме того, проводится еще Найр-Наадам-ярмарка боевых искусств, поло, езда на мотоциклах и другие состязания. С наступлением вечера на лугу организуются праздничные гуляния. Под мелодичные звуки моринхура у костра исполняют песни и танцы молодые мужчины и женщины. Все люди погружаются в праздничное веселье» [5, с. 13].

Однако хотя праздник Найр-Наадам проводится в основном в летний период, когда равнина пышно расцветает, а пастухи имеют массу свободного времени для досуга, при этом конкретная дата, содержание, тема, масштабы, форма проведения, организаторы и участники праздника никогда не определены строгими правилами. Поэтому в разных районах этот праздник проходит по-разному. Кроме того, за один сезон в соседних районах праздник Найр-Наадам может пройти не один раз. Если говорить только о Хулунбуире, здесь Найр-Наадам проходит каждые пять лет, и называется «Собранием в честь праздника Найр-Наадам».

Современные учёные по-разному подходят к определению праздника Найр-Наадам, истории и традициям которого посвящены десятки исследований учёных из Монголии, Китая и России. В социальной и культурной антропологии изучены самые широкие аспекты социальных отношений, проявленных в праздничном круге, тем не менее феномен данного праздника продолжает оставаться традиционной темой для этнографов, историков, археологов, других представителей научных дисциплин в силу и богатства проявления и продолжающегося его развития. В целом существует несколько точек зрения исследователей в отношении этого праздника, его места в жизни монголов, выполняемых функций, содержания. Одни (Синь Ли, Нагун Данфу) рассматривают и исследуют праздник Найр-Наадам как «традиционное праздничное собрание» [8, с. 6], как символ единства и устойчивости нации, позиционирование культурного наследия. Другие исследователи (Хухэ Баоин, Сие Гоува) подходят к этому вопросу функционально и определяют Найр-Наадам как простое и ординарное «культурное мероприятие» [9, с. 672]. Третья группа учёных (Ха Дяньбичжалашэнь, Батыр) отмечают физическую, спортивную привлекательность праздника и определяют его как «народное спортивное мероприятие» [9, с. 387]. Существует группа исследователей, которые характеризуют праздник как «комплексное общественное мероприятие» [7], подчёркивая его интеграционный характер.

Проанализировав данные позиции и историю данного праздника, мы считаем, что Найр-Наадам имеет глубокие исторические корни, которые уходят глубоко вглубь в монгольскую историю. Все это подчёркивает особый статус этого праздника, это не просто спортивное мероприятие или летняя забава, а отражение монгольского менталитета, характера, человеческих качеств, монгольского образа жизни. Исследуя традиции и обряды Найр-Наадама, мы увидим в нем множество сакральных особенностей, элементы монгольской культуры, традиционные верования, которые характеризуют народ в целом. Изучение праздника Найр-Наадам поможет понять монгольский народ в разрезе времён: от дня зарождения праздника до наших дней. Кроме того, праздник может популяризовать историческую монгольскую культуру, напоминать молодому поколению об обычаях и традициях своего этноса.

Все согласны с тем, что истоки монгольского «Найр-Наадам» кроются в далекой древности. Праздник представляет собой отражение и социальную референцию совокупности обрядов поклонения природным и космическим силам, ритуалы демонстрации силы духа военных дружин и преимуществ охотничьего быта. Отражение образа мироустройства проявляется в синхронизации ритуального поведения с космогоническим и повседневным мировоззрением кочевника. С давних времен монголы поклонялись силам природы, планетам, веря в то, что они постоянно воздействуют на жизнь человека. Одним из элементов их верования был ритуал поклонения Солнцу, который проводился летом до дня летнего солнцестояния» [2]. Поэтому именно стрельба из лука является системообразующим ритуальным действием. Стрельба – это стрельба из лука по деревянному колышку, обёрнутому в кожу («сур»), и украшенному по верхнему основанию красными кистями. Вместе с тем это действие символизировало поклонение мужскому отцовскому началу. Важнейшим компонентом «Найр-Наадам» является стрельба из лука. С древнейших времен занятия охотой с луком в руках, умение использовать его как боевое оружие, выработали у монголов необычайную способность владения этим орудием. Даже бедные кочевники, не имеющие скота, независимо от этого умели пользоваться луком и заниматься охотой. Луку и стрелам монголы всегда придавали сакральное значение. Натянуть тетиву или отпустить её поручали, как правило, мужчинам. За месяц до соревнований лучник мог уйти от семьи и жить в отдельной юрте, чтобы помолиться, очиститься энергетически, правильно психологически настроиться.

«Монгольские соревнования по стрельбе из лука состоят из статической стойки (с 25 шагов, 50 шагов, 100 шагов и на более большие расстояния) или с верховой езды. Конкурс проводится для всех возрастов. У всех участников свои лошади, луки и стрелы, своя манера вытаскивать лук и стрелы, свой стиль стрельбы» [3, с. 9]. Длина и вес стрел и лука не ограничены. Соревнования проводятся в три раунда (9 стрел). Каждый человек может запустить только три стрелы в каждом раунде. Победитель определяется по количеству стрел, попавших в мишень в первой тройке.

Со временем к стрельбе из лука добавились такие виды состязаний как национальная борьба и конные скачки. Монгольская степь всегда славится своими известными скакунами, которые отличаются необычайной выносливостью. «С древних времен монголы с особым чувством относились к лошадям. Монголы с детства росли на коне, славились умением обращаться с лошадьми. В 3–4 года, когда ребенок мог дотянуться до стремени оседланного коня, его сажали в седло» [2]. Неспроста появилась фраза о том, что монгол рождается на коне. Монгольский пастух, как правило, владеет всеми способами и приёмами обучения лошадей, правилами и тонкостями подготовки коней к скачкам. Это характерная коренная особенность центральноазиатских кочевников-пастухов (кочевой культуры).

Что касается природы обретения наблюдаемой целостности самого Найр-Наадама, интегрирующего все виды состязаний среди монгольских народов, нет единого мнения по этому поводу. Согласно опросу, который проводился в университете Внутренней Монголии 20 июля 2006 года ученым Чжан Шугуаномна на празднике Найр-Наадам, посвященном Обо Вангай, 87,4 % опрошенных монголов, присутствовавших на празднике, считают Найр-Наадам национальным монгольским праздником, из которых 82,8 % считают, что его корни уходят еще глубже в старину.

Исследователь Ли Чи считает, что праздник Найр-Наадам имеет множество различных функций, и самой главной из них является социальная организация порядка посредством организации времени и социального пространства. Согласно определению школы Эмиля Дюркгейма, «праздник является одним из способов расстановки и организации времени в жизни общества, который вытекает из особенностей организации труда и отдыха на определённой местности» [11].

Системообразующий характер праздника в праздничном круге монголов проявляется в том, что подготовка к нему осуществляется в течение всего года. На протяжении всего года проводятся турниры и спартакиады, кроме этого ведется набор школьников и студентов в спортивные организации и дома досуга, направленные на сохранение культурных традиций. Ставка делается, в большой степени, не на результаты соревнований, а на приобщение молодёжи к традициям и формирование национальной идентичности.

Список литературы

1. Бату, Ли Фэн Сянь. Монгольский Найр-Наадам в разрезе цивилизации: история и современность // Газета педагогического Университета Внутренней Монголии. 1990. 4 мая.
2. Бату, Чжао Юнь Сиань. Найр-Наадам: происхождение и распространение культуры // Монголия, социальные науки. 1998. № 6. 275 с.
3. Батээр, Баиньдаоэрци. Исследование традиционного спорта в республике Монголия. Университет Внутренней Монголии. «Образование», 2006. 356 с.
4. Вань Маньдула. Генеральная Ассамблея Монгольского Найр-Наадам // Газета Центрального университета национальностей города Пекина. 2007. 27 октября.
5. Ли Июань. Кругозор человечества. Шанхай: Шанхайское литературное издательство. 1996. 250 с.
6. Ли Фэнсинь. Найр-Наадам и региональная экономика. Пекин: Пекинский университет спорта. 2007. 187 с.
7. Сарэнгова. Монгольская «Найр-Наадам» и его культурное значение // Газета факультета искусств университета Внутренней Монголии. 2006. 28 сентября.
8. Синь Ли. Монгольский праздник «Найр-Наадам» в условиях современности. Центральный университет по делам национальностей (философии и социальных наук). 2007. 229 с.
9. Ха Даньбичжалашэнь. Фольклор Монголии. Шэньян, Ляонин. Этническое издательство, 1995. 688 с.
10. Чен Гуанлинь. Рассуждение о значении степной культуры для современной цивилизации. Издательство Образования Внутренней Монголии. 2006. 256 с.
11. Чжан Юнсянь. Найр-Наадам происхождение и распространение культуры // Внутренняя Монголия, общественные науки (Китайское издание). 1998. № 5. 48 с.
12. Шэнь Хунбо. Путь культурной глобализации и культурное исследование сферы международных отношений: матер. культурных исследований Национального Университета Китая. 2008. № 9. 593 с.
13. Энциклопедия Китая // Пекин. Изд-во Энциклопедия. 2009. 535 с.

References

1. Batu, Li Fen Syan'. Mongol'skii Nair-Naadam v razreze tsivilizatsii: istoriya i sovremennost' // Gazeta pedagogicheskogo Universiteta Vnutrennei Mongolii. 1990. 4 maya.
2. Batu, Chzhao Yun' Sian'. Nair-Naadam: proiskhozhdenie i rasprostranenie kul'tury // Mongoliya, sotsial'nye nauki. 1998. № 6. 275 с.
3. Bateer, Bain'daoertszi. Issledovanie traditsionnogo sporta v respublike Mongoliya. Universitet Vnutrennei Mongolii. «Obrazovanie», 2006. 356 s.
4. Van' Man'dula. General'naya Assambleya Mongol'skogo Nair-Naadam // Gazeta Tsentral'nogo universiteta natsional'nostei goroda Pekina. 2007. 27 oktyabrya.
5. Li Iyuan'. Krugozor chelovechestva. Shankhai: Shankhaiskoe literaturnoe izdatel'stvo. 1996. 250 s.
6. Li Fensin'. Nair-Naadam i regional'naya ekonomika. Pekin: Pekinskii universitet sporta. 2007. 187 s.
7. Saren'gova. Mongol'skaya «Nair-Naadam» i ego kul'turnoe znachenie // Gazeta fakul'teta iskusstv universiteta Vnutrennei Mongolii. 2006. 28 sentyabrya.
8. Sin' Li. Mongol'skii prazdnik «Nair-Naadam» v usloviyakh sovremennosti. Tsentral'nyi universitet po delam natsional'nostei (filosofii i sotsial'nykh nauk). 2007. 229 s.
9. Kha Dan'bichzhilashen'. Fol'klor Mongolii. Shen'yan, Lyaonin. Etnicheskoe izdatel'stvo, 1995. 688 s.
10. Chen Guanlin'. Rassuzhdenie o znachenii stepnoi kul'tury dlya sovremennoi tsivilizatsii. Izdatel'stvo Obrazovaniya Vnutrennei Mongolii. 2006. 256 s.
11. Chzhan Yunsyan'. Nair-Naadam proiskhozhdenie i rasprostranenie kul'tury // Vnutrennyaya Mongoliya, obshchestvennyye nauki (Kitaiskoe izdanie). 1998. № 5. 48 s.
12. Shen' Khunbo. Put' kul'turnoi globalizatsii i kul'turnoe issledovanie sfery mezhdunarodnykh otnoshenii: mater. kul'turnykh issledovaniy Natsional'nogo Universiteta Kitaya. 2008. № 9. 593 s.
13. Entsiklopediya Kitaya // Pekin. Izd-vo Entsiklopediya. 2009. 535 s.

Статья поступила в редакцию 10.04.2014

Людмила Владимировна Манзарханова,
учитель,
Средняя общеобразовательная школа № 31
(670013, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Пугачева, 39)
e-mail: manlud@yandex.ru

Культурная специфика детского фольклора бурят

В статье исследуется специфика детского фольклора, представляющего обширную часть традиционной бурятской культуры. Традиционная культура – это сложноорганизованная система, имеющая разноплановые, структурные образования, которая выступает в качестве базового ориентира в исследовании детского фольклора. Детский фольклор рассматривается в ракурсе культурологического познания на основе общей теории фольклора, языковых особенностей и др. Выделяются параметры исследования культурной специфики бурятского фольклора, проявляющегося на каждой стадии развития ребёнка, особенно в первичных жанрах детского фольклора. В частности, колыбельные песни, в самом раннем младенческом периоде жизни ребёнка знакомят его с окружающим миром, затем детские игры бурят формируют коллективные навыки социального и индивидуального творчества, бурятские сказки являются средством развития нравственно-этических основ бурятской культуры. Сегодня детский фольклор в современной культуре бурят практически не используется, вместе с тем наблюдаются процессы возрождения детских фольклорных жанров, например, в системе образования, где используется фольклорное наследие отражающее специфику детского фольклора бурят.

Ключевые слова: культурная специфика, детский фольклор, детский фольклор бурят, колыбельные песни бурят, детские игры бурят, бурятские сказки.

Lyudmila Vladimirovna Manzarkhanova,
Teacher,
Secondary General School, 31
(39 Pugachev St., Ulan-Ude, Russia, 670013)
e-mail: manlud@yandex.ru

Cultural Specifics of Children's Buryat Folklore

The article is devoted to the specifics of children's folklore, which represents extensive part of traditional Buryat culture. Children's folklore is considered in a foreshortening of cultural knowledge on the basis of the general theory of folklore, language features etc. The traditional culture is the elaborate system having versatile, structural educations, which acts as a basic reference point in research of children's folklore. The author emphasizes the parameters of research of cultural specifics of the Buryat folklore, which displays at each stage of the child's development, especially in primary genres of children's folklore. In particular, lullabies in the earliest infantile period acquaint a child with the world, then childish games of Buryats form collective skills of social and individual creativity, the Buryat fairy tales are a development tool of moral and ethical bases of the Buryat culture. Nowadays in modern Buryat culture children's folklore practically is not used. At the same time processes of revival of children's folklore genres are observed, for example, in an education system where the folklore heritage reflecting specifics of children's Buryat folklore is used.

Keywords: cultural specifics, children's folklore, children's Buryat folklore, Buryat lullabies, childish Buryat games, Buryat fairy tales.

Исторические особенности формирования бурятского этноса обусловлены социально-экономическими условиями и хозяйственно-бытовым укладом, что отражается в фольклорных традициях детской культуры, сохраняемых и поддерживаемых в народном быту, обладающих потребностью этноса в сохранении духовных ценно-

стей в современной культуре. Необходимо учитывать и пространственно-временной хронотоп, и локально-этнические особенности фольклорных традиций бурят. Культурно-исторические перемены способствуют развитию и изменению возрастных форм фольклора, в том числе тех, которые принадлежат только детскому фольклору.

По истории бурятского этноса написано достаточно много литературы. Первые сведения о бурятах в России появились в начале XVII в. В 1666 г. был основан Верхнеудинский острог (г. Улан-Удэ). Официально Забайкалье, где проживала основная часть бурятских племен, было присоединено к России в 1689 г. в соответствии с Нерчинским договором, заключённым с Китаем. До прихода русских основу хозяйства составляло в основном скотоводство, кроме этого буряты занимались добычей железной руды, кузнечным ремеслом, добычей и вываркой соли. С приходом русских бурятское население стало заниматься земледелием. Изменение образа жизни отразилось, в том числе и на традиционной культуре бурят.

Традиционная культура – это сложно-организованная система, имеющая разноплановые, структурные образования, которая выступает в качестве базового ориентира в исследовании детского фольклора. Разнообразие теоретических концептуальных подходов, возникающих на стыке наук, к которым обращается культурология, необходимо при исследовании детского фольклора как функциональной части традиционной культуры. Культурная специфика детского фольклора определяется на основе анализа и учёта научных данных в различных областях знания, относящихся к теме исследования. В традиционной культуре бурят, как и в любой другой культуре, формируются архетипы. К. Юнг утверждал, что архетипы коренятся в сфере «коллективного бессознательного» и этническое закреплено в коллективном бессознательном на биогенетическом уровне [10]. В связи с этим этничность закрепляется в традициях, обрядах, ритуалах, фольклоре и т. д.

Преимущество этнических традиций в процессе исторического развития бурят сохраняется в героическом эпосе (ульгэр), народных драмах (арадай зүжэг), легендах (домог ба түүхэ), преданиях (түүхэ), народных сказаниях (зүжэг), улигерах и др. Самые известные улигеры (эпические произведения) в бурятской культуре: «Абай Гэсэр». «Аламжи Мэргэн», «Айдуурай Мэргэн», «Ерэнсэй», «Буху Хаара». Сказители певцы (улигершины) сохраняли духовные ценности этноса в поэтической форме речитативом: П. Петров, П. Тушемилов, П. Дмитриев, П. Степанов, С. Шанаршеев, А. Балдакшинов, А. О. Васильев, Б. Барна-

ков, А. Тороев и др. Фольклорные традиции устойчивы, тем не менее они обладают способностью к инновациям. Поэтому современный фольклор включает в себя, как традиционную часть, так и новейшие элементы, обновлённые и актуализированные, органически вписанные в современную ситуацию, удовлетворяющие духовные запросы социума.

Детский фольклор бурят в современной культуре практически не используется, тем не менее процессы сохранения традиций детского фольклора существуют в рамках системы образования. Устное народное творчество находится в непрерывном процессе бытования и функционирования жанров фольклора. Когда мы говорим о постепенном угасании отдельных детских фольклорных жанров, мы имеем в виду исчезновение их из активной массовой социальной практики.

Детский фольклор в современных исследованиях занимает обширную область традиционной культуры. Специфический пласт представляет многосоставную систему, включающую в себя несколько направлений исследования. В современных исследованиях детского фольклора выделяются три направления. К первому направлению относится классический детский фольклор, в него включается «поэзия пестования», т. е. произведения, создававшиеся и исполнявшиеся взрослыми для детей. Второе направление включает в себя школьный фольклор в устной и письменной форме, в том числе речевые образования, вошедшие в детскую традицию. В третье направление входят фольклорные тексты, носителями которых дети являются дошкольного возраста.

Л. С. Выготский, Ж. Пиаже, Д. Б. Эльконин, Э. Эриксон [6; 7; 8] и многие другие внесли неоценимый вклад в развитие системы, структуры, объёма, содержания и границах категории «детский фольклор». Новые методологические принципы, касающиеся самого понятия «фольклор», «детский фольклор», достижения современной отечественной и мировой науки о детстве расширили научно-исследовательское пространство фольклора.

Культурологическое осмысление понятия «детский фольклор» требует осознания его этнической специфики, для этого необходим комплекс междисциплинарных исследований, включающих разные науч-

ные направления: философия, социология, психология, история, этнография и др. Конечно, детский фольклор принадлежит к культурному наследию, в основе которого лежит преемственность поколений. Детский фольклор рассматривается на основе общей теории фольклора, жанровой классификации, генезиса, мифологии и многое другое. В детском фольклоре есть свои особенности, отсутствие автора, игровая направленность, именно в игровых формах поведения отражается опыт многих предшествующих поколений, соединяющийся с творчеством каждого ребенка.

Детский фольклор не знает моножанров, так как не требует особой памяти. В разнообразных формах игровой активности создаются одни и те же формы творчества, формируется культурное пространство. В процессе общения детей включённость в игру становится актом воспроизведения и передачи. Вследствие чего идёт процесс рождения, исполнения или воссоздания фольклорного текста, создаются закономерности детского фольклорного творчества. Дети являются носителями, хранителями и творцами своей субкультуры, которая определяется, прежде всего, наличием своего языка и текста, включённые в единую картину мира. Детский фольклор, являющийся языком детской субкультуры, служит важнейшим средством формирования, сохранения и трансляции культурного наследия в пространстве детства как особой сферы жизнедеятельности, создающей собственное культурное пространство.

Динамика, уровень интенсивности в развитии ребёнка, длительность во времени позволяют исследователям говорить о полистадиальности детства. Так, Д. Б. Эльконин выделяет три «эпохи» детства, Ф. Арьес определяет три «этапа, периода» детства, Э. Эриксон уточняет три «фазы» детства [9]. Все учёные приходят к единому мнению, что ребёнок проходит три этапа развития в детстве, что даёт возможность проследить, как происходит процесс развития ребёнка, его мышления, речи, как складывается система его представлений, какие психологические константы, эмоциональные и «культурные» переживания предметов доминируют в разное время детства.

Л. П. Якубинский выделяет самый ранний младенческий, «дофонемный» период жизни ребёнка связанный с бытованием колыбельной песни [9]. Колыбельные пес-

ни, как и другие произведения лирики материнства, выполняют функцию «аккультурации» с помощью художественных форм, соответствуя психологическим особенностям каждого возрастного этапа детства. Колыбельная песня у бурят «үлгын дуунууд» – первые уроки родного языка для ребёнка. Песни помогают запоминать слова, их значения, порядок слов в предложении. В отличие от обычной речи стихи обладают ритмом и благотворно влияют на организм человека. Колыбельная песня знакомит с пространством окружающего мира.

Знакомство с окружающим миром происходит через колыбельные песни, так идет передача нравственных идеалов от одного поколения к другому. Все народы придают колыбельным песням мистическое значение. Согласно древним традициям для каждого младенца создается своя колыбельная песня. Мать сочиняет песню после рождения ребёнка и последующую жизнь песня становится оберегом от злых сил. Исполняя традиционную колыбельную песню, мать психологически кодифицирует сознание и подсознание ребенка на поведенческие стереотипы, принятые в социуме. С помощью песни происходит процесс обучения и воспитания на подсознательном уровне, окружающее пространство становится понятным и объяснимым, что способствует активной адаптации к реальной действительности. Данное обстоятельство в значительной мере программирует социальное поведение человека в дальнейшем.

На каждой стадии развития ребёнка появляются первичные жанры детского фольклора. Например, материнские жанры: потешки, пестушки и прибаутки в соответствии с детским мышлением и речевыми данными. Л. С. Выготский определяет «доречевую фазу», «доречевую стадию». Л. П. Якубинский стадию младенчества, период «фонетического монизма». Ж. Пиаже время гуления и лепета, время повторений, которым принадлежит роль простой игры. [7]. Простые бурятские игры сопровождаются «үлгын дуунууд» (колыбельные песни), «зугаа үгэнүүд» (заклички и приговорки), «жороо үгэнүүд» (скороговорки), «таабаринууд» (загадки), «оньһон ба хошоо үгэнүүд» (пословицы и поговорки), «тоолуурнууд» (считалки), и другими формами фольклора, характерными для возрастного развития

Л. С. Выготский начало периода детства соотносит с особым проявлением

воображения, когда фантазия наиболее развита [6]. Именно в этот период детский фольклор создается, исполняется, передается самими детьми. Детский фольклор становится формой коллективного творчества, закреплённого и реализованного в системе устойчивых культурных текстов, которые передаются из поколения к поколению. В бурятской традиции такими формами являются пословицы (оньһон йгэ), поговорки (хошоо үгэ), загадки (таабари), детские считалки (үхибүүдэй тоололго), скороговорки (түргэн хэлэлгэ), сказками (онтохон), песнями (дуун) и т. д.

В бурятских сказках, также, как и в сказках других народов, формируются нравственно-этические установки, такие как трудолюбие, скромность, уважение к старшим, забота о престарелых, больных, бедных, честность, бескорыстие, осуждаются жадность, зависть. Например, сказки «Ухаатай эхэнэр» (Умная женщина), «Шадамар хугшэн» (Мастерица-бабушка), «Сэсэн хаанай бэри – үгытэй хүнэй басаган» (Дочь бедняка-невестка мудрого хана) и другие, воспитывают уважение к женщине, к матери, к бабушке, «Аргата Хүсэтэ хоёр» (Силач и Ловкач), «Хүшэтэй Башатай хоёр» (Сильный и Сметливый), «Холшор хүбүүн» (Парень-шутник) показывают ловкость, сметливость и находчивость. Сказки о животных выполняют познавательную функцию: «Тэнэг шоно» (Глупый волк), «Хирээ ба үнэгэн» (Ворона и лиса), «Шоно ба нохой» (Собака и волк), «Шоно хурьган хоёр» (Волк и ягненок) и др.

В сложившейся системе жанров детского фольклора бурят, достаточно полно изложенных в фольклористике, существует множество текстов, созданных ребёнком-художником, ребёнком-творцом. Из традиционной культуры дети вобрали, адаптировали, усвоили, сделали «своим» то, что наиболее соответствовало их возрастным интересам и особенностям. Дети вносят игровое начало во все формы, виды и жанры фольклора, трансформируя и преобразовывая увиденное, услышанное в собственные художественные образы. Игровой характер детского фольклора является его основным признаком, где ребёнок является «человеком играющим». Л. С. Выготский отмечал потребность детей в игре. Дети любят и хотят играть, существует большое разнообразие игр, несмотря на то, что народные игры почти исчезли из детства, они

сохраняют своё значение в традиционной культуре, в современной культуре они практически не используются.

У бурят с глубокой древности существовали детские игры, такие как «таалсалга», «шагай харбалга» (разновидности игры в лодыжки). Через игру бурятские дети активно воспринимали социальный опыт, трудовые навыки, этнические духовные и нравственные ценности. Восприятие этнических форм культуры особенно важно в раннем возрасте. Дети, слушая взрослых, принимают информацию и адаптируют для своего возраста. Например, благопожелание (юрёел), сказку (онтохон), песню (дуун), пословицу (оньһон йгэ), поговорку (хошоо йгэ), загадку (таабари), трудовые песни (ажалай дуун), обрядовые и календарные песни (заншалай, календарна дуун), свадебные песни (түрэлэй), хвала скакуну (соло дуудалга-магтаа), плясовые песни (хатарай дуун), игровые песни (оройдоһоной дуун), песни сатиры и юмора (мунгалгын дуун), песни загадок и отгадок (таабариин), присловий (уг мунгалгын үгэ хүүр), игры слов (жороо үгэ хүүр), считалки (үхибүүдэй тоололго), скороговорки (түргэн хэлэлгэ) и др.

Сегодня детская культура и детский фольклор становятся популярными, появляются конкурсы юных знатоков фольклора, юных чтецов благопожеланий (юрөөлов), Юных Будамшуу, фестивали национальных центров Бурятии, концерты, дни празднования национального праздника монгольских народов «Сагаалган» и др., что показывает социальный интерес к фольклорным традициям.

В условиях глобализации и унификации культур фольклор утрачивает своё значение, многие формы фольклора исчезают, некоторые восстанавливаются. Применительно к детскому фольклору бурят процессы возрождения традиций связаны с постепенной утратой необходимости использования детских бурятских улигеров, сказок, считалок, потешек и др. в повседневной жизни. Необходимость переоценки роли и значения детского фольклора в современной культуре обусловлена тем, что глобальные проблемы социального и культурного развития зависят от будущих поколений, которые транслируют традиционные ценности следующим поколениям.

Вследствие краткого обзора мы приходим к выводу, что культурная специфика

детского фольклора бурят определяется историческими факторами развития этноса, традиционными ценностями, сформированными на протяжении веков, также специфика связана с культурой детства, народной педагогикой и психологией отношений, отражающих особенности общения.

Для системно-функционального изучения можно выделить также множество дополнительных факторов, вместе с тем они могут лишь дополнять культурологическое осмысление специфики детского фольклора, как в традиционной, так и в современной культуре бурят.

Список литературы

1. Арьес Ф. Ребёнок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. 419 с.
2. Балдаев С. П. Буряад арадай аман зохоолой түүбэри. Улан-Удэ, 1969. С. 409.
3. Бардаханова С. С. Система жанров бурятского фольклора. Новосибирск: Наука, 1992. 238 с.
4. Бурятская детская литература. Улан-Удэ, 1971. 132 с.
5. Бурятские народные сказки. Волшебно-фантастические сказки о животных. 1976. 354 с.
6. Выготский Л. С. Проблема культурного развития ребёнка (Педагогика 1928 г.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1991. № 4. С. 5–18.
7. Пиаже Ж. Теория. Эксперименты. Дискуссии. М.: Гардарики, 2001. 624 с.
8. Эльконин Д.Б. Детская психология. М.: Академия, 2006. 384 с.
9. Эриксон Э. Детство и общество / пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеев. СПб.: Летний сад, 2000. 416 с.
10. Юнг К. Очерки о психологии бессознательного // пер. с англ.; под общ. ред. В. В. Зеленского. М., 2010. 352 с.
11. Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17–58.

References

1. Ar'es F. Rebenok i semeinaya zhizn' pri starom poryadke. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1999. 419 s.
2. Baldaev S. P. Buryaad aradai aman zokheoloi tyyberi. Ulan-Ude, 1969. S. 409.
3. Bardakhanova S. S. Sistema zhanrov buryatskogo fol'klora. Novosibirsk: Nauka, 1992. 238 s.
4. Buryatskaya detskaya literatura. Ulan-Ude, 1971. 132 s.
5. Buryatskie narodnye skazki. Volshebno-fantasticheskie skazki o zhiivotnykh. 1976. 354 s.
6. Vygotskii L. S. Problema kul'turnogo razvitiya rebenka (Pedagogika 1928 g.) // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psikhologiya. 1991. № 4. S. 5–18.
7. Piazhe Zh. Teoriya. Eksperimenty. Diskussii. M.: Gardariki, 2001. 624 s.
8. El'konin D.B. Detskaya psikhologiya. M.: Akademiya, 2006. 384 s.
9. Erikson E. Detstvo i obshchestvo / per. s angl. i nauch. red. A. A. Alekseev. SPb.: Letnii sad, 2000. 416 s.
10. Yung K. Ocherki o psikhologii bessoznatel'nogo // per. s angl. pod obshchei red. V. V. Zelenskogo. M., 2010. 352 s.
11. Yakubinskii L. P. Izbrannyye raboty: Yazyk i ego funktsionirovanie. M., 1986. S. 17–58.

Статья поступила в редакцию 11.04.2014

УДК 008
ББК 71.0

Лариса Васильевна Санжеева,
доктор культурологии, профессор,
Восточно-Сибирская государственная
академия культуры и искусств
(670005, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1)
e-mail: LVSangeeva@yandex.ru

Синергетическая модель культуры

В статье проведён анализ синергетической модели культуры. Рассмотрена онтология смысла бытия и смысловые взаимосвязи субъектно-предметно-объектных элементов культуры как системы. Обоснована необходимость конструирования модели культуры для выявления синергетических механизмов флуктуаций и трансформаций многофункциональных систем человека, общества и природы. Синергетическая модель культуры, её конструкция, структурные формы, уровни в целостной системе бытия является достаточно сложной теоретической проблемой в познании, претендующей на метанаучную форму познания. Культура формирует идеи, смыслы и ценности, создающие ориентиры жизнедеятельности человека и общества, отражающиеся в конструкции модели. Модель – это конструкция культуры, представляющая структуру взаимосвязанных элементов, функционально зависимых, созданных в процессе деятельности человека и общества. Синергетика обеспечивает механизмы развития модели культуры. Синергетическая модель культуры способна объединить в единую конструкцию все системы бытия. На основе проведённого анализа предложено следующее понятие синергетической модели культуры. Синергетическая модель культуры – это конструкция с комплексом неустойчивых структурных элементов, обеспечивающих взаимодействие смыслов бытия человека, общества и природы в процессе деятельности. Конструкция синергетической модели культуры создает сферу бытия человека, связанными с природными, социальными, историческими и другими факторами развития, её построение даст возможность выявить свойства культуры и функционирование в диахронической и синхронической динамике.

Ключевые слова: система, модель культуры, модель, смысл, онтология, синергетика, синергетическая модель культуры.

Larisa Vasilyevna Sanzheeva,
Doctor of Culturology, Professor,
Eastern Siberian State Academy of Culture and Arts
(1 Tereshkov St., Ulan-Ude, Russia, 670005)
e-mail: LVSangeeva@yandex.ru

Synergetic Model of Culture

In article the analysis of synergetic model of culture is carried out. The ontology of sense of life and semantic interrelations of subject and subject and object elements of culture as systems are considered. Need of designing of culture model, for identification of synergetic mechanisms of fluctuations and transformations of multipurpose systems of the person, society and the nature is proved. The synergetic model of culture, its design, structural forms, and levels in complete system of life is rather complex theoretical problem in the knowledge, applying for a meta-scientific form of knowledge. The culture forms ideas, meanings and the values creating reference points of activity of the person and society, the models which were reflected in a design. The model is the design of the culture representing structure of interconnected elements, functionally dependent, created in the course of activity of the person and society. The synergetic provides mechanisms of development of culture model. The synergetic model of culture is capable to unite all systems of life in a uniform design. On the basis of the carried-out analysis the following concept of synergetic model of culture is offered. The synergetic model of culture is a design, with a complex of the unstable structural elements providing interaction of meanings of person's life, society and the nature in the course of activity. The design of synergetic model of culture creates the sphere of life of the person, connected with natural, social, historical and other factors of development; its construction will give the chance to reveal properties of culture and functioning in diachronic and synchronic dynamics.

Keywords: system, culture model, model, sense, ontology, synergetic, synergetic model of culture.

Научная актуальность статьи заключается в обосновании синергетической модели культуры как инструмента познания современных процессов трансформации человека и общества. Данная проблема связана с глобальными процессами информатизации и интенсификации межкультурных взаимосвязей. Преобразование современного общества и человека в глобализующемся пространстве – неизбежный процесс, поэтому важно понять, как и почему работают механизмы культуры.

Культура как система бытия создает идеи и смыслы, предназначенные для гармоничного функционирования человека, общества и природы в единстве соотношений. «Совершенно очевидно, что человек, общество, культура являются системными объектами» [2, с. 37]. Изучение каждой системы в отдельности привело к формированию огромной теоретической и эмпирической базы требующей осмысления новой парадигмы исследования. Такой метанаукой, создающей культурологическую парадигму, сегодня является синергетика. Как писал М. С. Каган: «Синергетика обратилась к изучению закономерностей процессов развития сложных и сверхсложных, самоуправляющихся систем» [2, с. 59].

В процессе изучения феноменов культуры мы пришли к выводу, что синергетика является одним из эффективных методов естественно-научного и гуманитарного познания, применяется в теоретических и практических исследованиях различных уровней и направлений. Позволяя в наглядной форме обозначить особенности структуры, сущностные связи и функциональные отношения составляющих элементов системы, моделирование которых помогает комплексно подойти к изучению того или иного объекта, предмета, субъекта и по возможности рассмотреть его как неотъемлемую часть целостной системы. «Моделирование – одна из основных категорий теории познания. На идее моделирования по существу базируется любой метод научного исследования» [1]. Следует при этом заметить, что, если раньше в научно-исследовательском пространстве приоритетное внимание определялось научным направлением в узком смысле, то последние десятилетия отличаются повышенным интересом к культуре как единственному способу объединяющему бытие и конструирование модели культуры способствует таким исследованиям.

Современные научные исследования наглядно демонстрируют наличие множества моделей, независимо от количественных и качественных изменений в содержании научного знания. Система научных и ненаучных знаний, непосредственно функционирующих в процессе жизнедеятельности, как способ построения онтологического бытия человека, влияет на создание и органичное существование различных моделей, необходимых человеку для выживания в условиях глобализации, где каждая модель приобретает различные модификации. Понятие модели широко используется в науке. Нами в контексте концепции М. С. Кагана предлагается следующее понятие модели в культурологии. «Модель – это конструкция культуры, представляющая структуру взаимосвязанных элементов, функционально зависимых, созданных в процессе деятельности человека и общества». Такое понятие, на наш взгляд, обеспечивает целостное восприятие и отражение функционирования всех систем бытия.

Синергетическое конструирование модели культуры создаёт условия для системного познания мира в его неустойчивых системных элементах. В частности Д. К. Максвелл [4] и многие другие считали, что только система модели может подтвердить теоретическую концепцию, с чем мы полностью согласны. В отличие от физической модели, модель культуры в основе содержит духовное начало, поэтому сочетание ментальной основы с конструктивным основанием даст возможность понять причинно-следственные факторы развития культуры, человека и общества. Сегодня понятие моделирования широко применяется в разных областях знаний, в том числе в системе культурологического познания, где модель становится категорией и инструментом исследования. Например, А. Я. Флиер разрабатывает моделирование в историко-культурологическом познании мира [8]. Модель мира, по теории А. Я. Флиера, может быть рассмотрена только в её исторически конкретном содержании. Вследствие активного использования терминов модель и моделирование в культурологии появляются новые теории, в данном случае построение конструкции модели культуры, основанной на синергетических механизмах функционирования, для выяснения принципов формирования онтологии бытия.

Вследствие этого синергетическая модель культуры даёт возможность выявить общие тенденции глобальных процессов, степень сохранения каждого элемента и традиционного пласта культурных феноменов. В модели культуры зафиксированы универсальные основы глобальных трансформаций, которые можно проследить в среде устойчивых и неустойчивых систем. В основе конструкции модели лежат идеи и смыслы культуры. В. В. Налимов исследовал смыслы бытия и определил, что смыслы пронизывают всё пространство культурного мира [5]. По теории модели мира, где «модель мира – это представление о себе и окружающем мире, на её основе формируется пространство культуры, где все элементы обретают свой смысл, значение в определенной взаимосвязи и взаимозависимости» [7, с. 40]. Мы считаем, что онтология смысла модели культуры – это в значительной степени онтология бытия человека в культуре. В модели культуры совокупность смыслов даёт возможность человеку и обществу органично существовать в любых формах: материальной, духовной, социальной, культурной, политической и др. Идеи и смыслы постоянно меняются, поэтому меняется и человек.

Итак, идеи и смыслы культуры обладают синергетическими механизмами развития, так как конструкция модели представляет собой самоорганизующуюся систему. Для выявления природы возникновения самоорганизации, определения принципов превращения независимых объектов в элементы слаженно функционирующей системы необходимо уделять внимание анализу перехода системы из состояния неустойчивости в состояние упорядоченности, подчиненного единой внутренней цели, где внутренняя цель обозначена смысловыми детерминантами.

В процессе детального изучения самоорганизации систем было выявлено, что существуют глубокие аналогии, проявляющиеся в функционировании, совершенно различных самоорганизующихся систем. Этот момент послужил толчком для возникновения синергетического подхода как общенаучной методологии. Было разработано применение синергетического подхода в физике, химии, биологии, намечены пути его мировоззренческого, методологического осмысления в философии, экономике, социологии и других науках, в том числе

культурологии. Г. Хакен предсказывал такую возможность переноса нового теоретического инструментария, разрабатываемого в химии и физике, во все гуманитарные науки [6].

Конструкция модели культуры как самоорганизующаяся система относится к наиболее сложным типам систем. Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов считают, что к самоорганизующимся системам предъявляются определённые требования: система должна быть открытой (разомкнутой), т.е. взаимодействовать с окружающей средой, по иерархической структуре она должна быть сложной, многоуровневой, состоящей из многих систем. При этом необходима обязательная кооперативность процессов и явлений, происходящих в системе [3]. В результате характерной особенностью систем является непрерывная приспособляемость к меняющимся внутренним и внешним условиям их существования и непрерывное совершенствование поведения при неизменных условиях с учётом прошлого опыта. Значит, синергетический эффект, возникающий в результате взаимодействия подсистем, заключается в создании целостного бытия культуры, проявляющегося в закономерностях антропосоциокультурогенеза. Смыслы развития культуры и её движущие силы лежат в ней самой, что ассоциируется с синергетическими механизмами развития системы, поэтому синергетическая модель культуры показывает закономерность саморазвития, отражающаяся в подсистемах единой конструкции.

Одним из главных моментов эволюции сложных, открытых, нелинейных систем является возможность самоорганизации, возникновения порядка из хаоса. Системы, способные к самоорганизации, относятся к биологической, антропологической, социальной, ментальной реальности, поскольку все они обладают необходимыми свойствами. «Свойства, связанные с системами бытия, природой, обществом и культурой и собственно человеком: открытости (обмен ресурсами, информацией); сложности (соподчиненности взаимосвязанных элементов); неустойчивости (состояние с высокой степенью чувствительности); стохатичности (непредсказуемость случайных процессов); диссоциации (механизмы выравнивания, деградации, равновесия, целостности)» [6]. Свойства синергетики дают возможность сконструировать модель культуры на осно-

ве физической природы и вывести закономерности самоорганизации, что позволяет раскрыть варианты эволюции, необратимости, спонтанности, соотношение смыслов и ценностей. Флуктуация существует при определённых условиях взаимодействия элементов структуры, в точке бифуркации оставаясь неустойчивой и чувствительной, она создаёт новые идеи, смыслы и ценности. При этом формируются новые критерии оценки реальной и ирреальной действительности. Все свойства, имеющие причинно-следственный характер, могут меняться в зависимости от процессов опредмечивания и распредмечивания культурных феноменов, явлений, форм и т. д.

По теории С. П. Курдюмова, в основу синергетики положена неравновесная термодинамика, которая изучает рождение сложного, процессы морфогенеза [3]. Морфогенез культуры продолжается, появляются смыслы, процессы, функции, которые собственно и создают синергетическую конструкцию модели культуры. Включение всех элементов в неравновесную самоорганизованную конструкцию, способно выявлять специфику функционирования элементов модели. Вследствие чего синергетическая модель культуры способна объединить в единую конструкцию все системы бытия.

В отличие от других моделей понятие «синергетическая модель культуры» не может использоваться там, где не отражается духовное в человеке. Модель культуры со-

ответствует отображению образов и картин в системе духовного смыслополагания. Синергетическая модель культуры создаёт конструкцию объектно-субъектно-предметных соотношений, которая имеет строгую иерархию соподчиненности элементов структуры.

Опираясь на теорию В. А. Штоффа, концепцию М. С. Кагана, синергетику Г. Хакена, Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмова [2; 3; 9;10] и др., мы можем предложить понятие «синергетическая модель культуры» как культурологическую категорию познания, формирующую методологию исследования, имеющую функциональное предназначение для метанаучного изучения систем. «Синергетическая модель культуры – это конструкция, с комплексом неустойчивых структурных элементов, обеспечивающих взаимодействие смыслов бытия человека, общества и природы в процессе деятельности».

Таким образом, синергетическая модель культуры, её конструкция, структурные формы, уровни в онтологии бытия является достаточно сложной теоретической проблемой в познании. Конструкция синергетической модели культуры создаёт сферу бытия человека, связанными с природными, социальными, историческими и другими факторами развития, её построение даст возможность вывить свойства культуры и функционирование в диахронической и синхронической динамике.

Список литературы

1. Бондарев В. Концепции современного естествознания. URL: <http://www.gumer.info/bibliotek> (дата обращения: 07.04.2014).
2. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. Книга первая. Историографический очерк, проблемы современной методологии. Закономерности культурогенеза, этапы развития культуры традиционного типа – от первобытности к Возрождению. СПб: Петрополис, 2003. 368 с.
3. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2011. 272 с.
4. Максвелл Дж. К. Избранные сочинения по теории электромагнитного поля. М.: ЕЕ МЕДИА, 2012. 691 с.
5. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. Изд. 3-е. М.: Парадигма, Академический проект, 2011. 399 с.
6. Наука. Синергетика. [сайт]. URL: <http://ru.science.wikia.com/wiki/Синергетика> (дата обращения: 05.04.13).
7. Санжеева Л. В. Модель мира в традиционной культуре бурят XIX–XX вв. СПб.: Асте-рион, 2006. 196 с.
8. Флиер А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры: монография. М.: Со-гласие, 2013. 533 с.
9. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам / пер. с англ. Серия «Синергетика: от прошлого к будущему». М.: Букинист, 2005. 248 с.
10. Штофф В. А. Моделирование и философия. М.: Наука, 1966. 120 с.

References

1. Bondarev V. Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya. URL: <http://www.gumer.info/bibliotek> (data obrashcheniya: 07.04.2014).
2. Kagan M. S. Vvedenie v istoriyu mirovoi kul'tury. Kniga pervaya. Istoriograficheskii ocherk, problemy sovremennoi metodologii. Zakonomernosti kul'turogeneza, etapy razvitiya kul'tury traditsionnogo tipa – ot pervobytnosti k Vozrozhdeniyu. SPb: Petropolis, 2003. 368 s.
3. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. Sinergetika. Nelineinost' vremeni i landshafty koevol'yutsii. M.: KomKniga, 2011. 272 s.
4. Maksvell Dzh. K. Izbrannyye sochineniya po teorii elektromagnitnogo polya. M.: EE MEDIA, 2012. 691 s.
5. Nalimov V. V. Spontannost' soznaniya. Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti. Izd. 3-e. M.: Paradigma, Akademicheskii proekt, 2011. 399 s.
6. Nauka. Sinergetika. [sait]. URL: <http://ru.science.wikia.com/wiki/Sinergetika> (data obrashcheniya: 05.04.13).
7. Sanzheeva L. V. Model' mira v traditsionnoi kul'ture buryat XIX–XX vv. SPb.: Asterion, 2006. 196 s.
8. Flier A. Ya. Ocherki teorii istoricheskoi dinamiki kul'tury: monografiya. M.: Soglasie, 2013. 533 s.
9. Khaken G. Informatsiya i samoorganizatsiya. Makroskopicheskii podkhod k slozhnym sistemam / per. s angl. Seriya «Sinergetika: ot proshlogo k budushchemu». M.: Bukinist, 2005. 248 s.
10. Shtoff V. A. Modelirovanie i filosofiya. M.: Nauka, 1966. 120 s.

Статья поступила в редакцию 11.04.2014

Дмитрий Валентинович Сергеев,
кандидат культурологии, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30)
e-mail: dvsergeev@inbox.ru

Текст как открытая структура¹

Ускорение общественных изменений и бурное развитие технического прогресса проявились в теоретических представлениях о тексте. Текст предстает как открытая, развивающаяся, семантически нетождественная структура, относительно автономная от социокультурной реальности. Учёные второй половины XX и начала XXI вв. (У. Эко, П. Рикер, Д. Макензи, В. П. Руднев, Е. Б. Витель, Ф. Бон) создают теории, объясняя способность культурного текста порождать новые смыслы, отличные от авторского замысла. Но некоторые исследователи оспаривают наличие этого свойства текста (М. Верне). В теориях текста внимание исследователей перемещается на роль издателя и редактора, ответственных за выбор между альтернативными вариантами текста, и читателя, способного самостоятельно формировать собственное понимание прочитываемого и тем самым превращающегося в соавтора. Открытость присуща всем культурным текстам (например, функциональная трансформация помещений), но была востребована современной социокультурной реальностью, что проявляется в становлении особого прагмасемантического поведения, т. е. восприятия, отношения и обращения с текстами. В частности, актуализируются ранее невостребованные варианты текстов, актуальные для современной социокультурной ситуации, авторы используют открытость в качестве художественного приёма.

Ключевые слова: культурный текст, открытый текст, семантическая нетождественность, прагмасемантическое поведение, современное общество, культурный смысл, теории текста.

Dmitriy Valentinovich Sergeev²,
Candidate of Culturology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: dvsergeev@inbox.ru

Text as an Open Structure

Acceleration of social changes and a rapid development of technological progress affected the theoretical concepts of the text. The text appears as an open, self-developing semantically non-identical structure, relatively autonomous from social and cultural reality. Scientists in the second half of the XXth and the beginning of the XXIst centuries (U. Eco, P. Ricoeur, D. McKenzie, V. P. Rudnev, F. Bon) explain the ability to generate new meaning of the text which is different from the author's one. Some researchers dispute the existence of this text feature (M. Vernet). In text theories researchers turn their attention to the role of a publisher and an editor responsible for the choice among alternative variants of a text, and a reader capable of creative force to independently make their own text meaning and, thus, becoming a co-author. Openness is a feature of all cultural texts (for instance, functional transformation of location) but it becomes apparent in a modern socio-cultural reality where a pragmatic-semantical behavior, i. e. text perceptions, text attitudes and text treatment, is formed. In particular previously unclaimed versions of the text become actual and relevant to a modern social and cultural situation; the authors use openness as an artistic effect.

Keywords: cultural text, open text, semantic non-identity, pragmatic-semantical behavior, modern society, cultural sense, text theory.

¹Работа выполнена в рамках Государственного задания вузу Минобрнауки № 2014/255 «Фундаментальные проблемы современного социального знания: культурные смыслы в экологических дискурсах».

²The work is performed within the State Task to the University of Ministry of Education and Science N 2014/255 "Fundamental Problems of Modern Social Knowledge: cultural senses in ecological discourse".

В XIX в. качество книгопечатания становится настолько высоким, что позволяет производить большие тиражи одинаковых и практически не содержащих ошибок и опечаток книг. Стереотипное издание книг рождает представление о тексте как о не подлежащем изменению носителе неизменного содержания. Напечатанная книга кажется способной гарантировать стабильность текста, раз и навсегда неизменного после выхода книги из-под печатного преса, и обеспечить однозначность его интерпретации. Одновременно окончательно формируется современный образ автора, ответственного за литературную фиксацию структуры текста. Эти представления, основанные на вере в совершенство техники и перенесённые на другие культурные тексты, глубоко укореняются со временем в представлениях большинства людей. Во второй половине XX в. эти представления подвергаются сомнению.

В данной работе мы рассмотрим открытость как основную характеристику современных культурных текстов. Текст как открытая структура отличается доступностью для разнообразных интерпретаций личностью и социальными группами, для адаптации его семантико-семиотической структуры к изменяющимся социокультурным условиям, для переноса смыслового содержания из его изначальной знаковой системы в другие знаковые системы. Структура в данной работе понимается как совокупность смысловых связей, воплощенных в культурном тексте.

Эволюция взглядов на природу культурного текста (прежде всего, письменного литературного произведения) прослеживается в разных научных и теоретических направлениях, где формируются подходы к исследованию этого свойства.

В семиотике У. Эко вводит понятие «открытый текст». В понимании итальянского учёного «открытый текст» – характерный пример такого синтактико-семантического-прагматического устройства, в самом процессе порождения которого предусматриваются способы его интерпретации» [8, с. 11–12]. В этой теории читатель – не комплементарный, а необходимый участник творческого процесса. Без него смысл текста так, как его задумал автор, не онтологизируется. В понимании У. Эко, открытый текст вовсе не предполагает произвольного толкования, но адресован

такому читателю, который прочитает его именно так, как задумал автор. По сути, он формирует не разбалансированный, но определённый, узко заданный тип прагмасемантического поведения. Однако автор может задавать несколько сосуществующих вариантов понимания текста, который в таком случае предстает многоуровневым и потенциально содержащим несколько вариантов прочтения. У. Эко понимает это, поскольку для него автор и Модель–Читатель представляют собой текстовые стратегии [8, с. 25]. Учёному приходится прибегнуть к поведенческой метафоре, так как, оставаясь в предметном поле семиотики (его интересуют семиотические механизмы функционирования открытого текста), он должен показать и объяснить взаимоотношения отправителя и адресата.

Автор, получая возможность закладывать в текст многомодельность поведения потенциальных реципиентов, сам реализует эту многомодельность в собственном прагмасемантическом поведении. Например, заложить в текстовую структуру коммерчески успешный сюжет, позволяющий получить определённые финансовые выгоды, и снабдить её интеллектуальной моделью, ориентированной на узкую группу читателей и придающей художественную и культурную ценность произведению. Такая стратегия семантического поведения реализована У. Эко в его романе «Имя розы».

Открытость текста предполагает семантическую нетождественность его возможных вариантов, поскольку отсутствует центр, обеспечивающий стабильность культурной формы и воспроизводимость внутреннего содержания. В частности, У. Эко говорит об отсутствии такого центра в современных музыкальных сочинениях: «Многополярный мир (ilmondomultipolare) серийных музыкальных композиций, в которых слушатель не находит верховного организующего центра, заставляет его, слушателя, самого конструировать свою собственную систему слуховых отношений <...>В этом процессе нет никаких привилегированных точек зрения, и все перспективы одинаково правомочны и богаты возможностями» [8, с. 108].

Подобные исследования открытости культурных текстов реализуются в библиографии и социологии текста. Д. Макензи предложил расширить предметную область

библиографии, что объясняется несколькими причинами. Во-первых, эта наука находится в тесном взаимодействии с историей и социологией текстов. Во-вторых, уточняется определение текста, которое обозначает не только книги, но и объекты иной семиотической природы [17, с. 30, 31–32]. В-третьих, текст наделяется ранее ему не свойственными характеристиками: нестабильный, неопределенный, открытый [17, с. 61]. Важным следствием является пересмотр сложившихся образов автора, читателя, «подлинного текста» (*untexteauthentique*): «Окончательное издание текста становится невозможным идеалом перед очевидностью авторских исправлений и текстовой нестабильности, которая из этого проистекает» [17, с. 22]. Поскольку утверждается семантическое равноправие различных вариантов текста, автор больше не рассматривается гарантом единственно верного текста и его прочтения. Как следствие, другие участники семиозиса наделяются большей значимостью. Выбор между альтернативными вариантами текста осуществляет издатель или редактор; на них лежит профессиональная ответственность за обоснование этого выбора. Читателю, в экзистенциальном духе, отводится роль соавтора.

Открытость текста порождает круг проблем, в том числе мировоззренческого характера, отношений текста и реальности, поскольку текст не рассматривается только как отражение социокультурной реальности, в которой он был порождён. В культурологическом исследовании Е. Б. Витель утверждает, что искусство модерна, экспериментируя с эстетикой художественных форм, помогает развитию представлений об автономности текста и реальности [1, с. 165]. Беспредметное, немиметическое искусство фокусируется на проблемах формообразования. Следствием этих экспериментов явилось рождение художественного смысла и понимание полисемантической природы произведения искусства.

У. Эко в работе 1979 г. отмечает, что «текст есть механизм, производящий возможные миры...» [8, с. 432], подтверждая, тем самым, идею автономности текста от реальности. Таким образом, уже во второй половине XX в. сформировалась идея об относительной автономности текста от реальности.

В самом начале XXI в. В. П. Руднев излагает собственные представления об отношениях текста и реальности в психосемиотической теории. Если реальность подчиняется физическим законам и подвержена энтропии, то текст есть передающий информацию сигнал и, следовательно, «это “реальность” в обратном временном движении» [6, с. 15]. Это влечёт за собой принципиальное различие между физической реальностью и текстом: «Время жизни текста в культуре значительно больше времени жизни любого предмета реальности, так как любой предмет реальности живет в положительном энтропийном времени, то есть с достоверностью разрушается, образуя со средой равновероятное соединение. Текст с течением времени, наоборот, стремится обрасти все большим количеством информации» [6, с. 18]. Эта теория не бесспорна, она развивается в русле лингвистического идеализма [7, с. 22], утверждает релятивность культурных картин мира в зависимости от принадлежности человека к определенному психотипу, сопрягает непосредственно культурный текст и физический мир. Для наших рассуждений принципиально наличие представлений о том, что текст способен накапливать смысл в процессе социокультурной эволюции. Теория В. П. Руднева предлагает решение проблемы семантической не тождественности разновременных вариантов текста.

Асинхронность существования текста и его культурно-семантических вариантов является решением проблемы семантической нетождественности текста. Ключевой вклад в разработку этого вопроса сделан П. Рикером: «Всякая интерпретация имеет целью преодолеть расстояние, дистанцию между минувшей культурной эпохой, которой принадлежит текст, и самим интерпретатором. Преодолевая это расстояние, становясь современником текста, интерпретатор может присвоить себе смысл: из чужого он хочет сделать его своим, собственным» [5, с. 56]. Работа «Конфликт интерпретации», написанная в русле феноменологической герменевтики и впервые опубликованная в 1969 г., обнаруживает формирующееся понимание текста как открытой структуры и предлагает объяснения полисемантической всякого культурного текста.

Другим направлением, занимающееся проблемой открытых текстов и их непро-

стных взаимоотношений с социокультурной реальностью, является философское творчество постмодернистов. Среди прочего постмодернисты определили главным объектом философской критики разоблачение идеологии, формой проявления которой считалась структура текста. «Чтобы имела место идеологическая критика, необходим относительно устоявшийся текст, который может анализироваться как выражающий или воспроизводящий идеологию» [2, с. 227]. Следовательно, объявить текст открытой структурой, представить его беспрерывно изменяющейся и самообновляющейся реальностью – попытаться избежать критики в его идеологичности со стороны постмодернистующих интерпретаторов. Там, где нет устойчивой структуры и неизменяющегося текста, нет места идеологии. Это определяет востребованность открытости как основной характеристики культурного текста.

Не все исследователи признают семантическую свободу культурного текста, опасаясь абсолютного произвола со стороны участников коммуникативного акта. М. Верне доказывает невозможность издавать классические произведения (речь идёт о Прусте) в современных электронных формах по той причине, что произведение «“В поисках утраченного времени” <...> не было ни придумано, ни написано в этом смысле и сопротивляется этому типу современной обработки, как ограничивающей, так и неприспособленной» [18]. По мнению французского исследователя, любое произведение искусства должно иметь каноничный, неизменный на протяжении длительного отрезка времени вариант. Однако в отличие от всех приведённых выше авторов, М. Верне уклоняется от научной дискуссии, оперирует фактами объективной реальности.

Понять востребованность семантической открытости культурных текстов позволяет сама социокультурная реальность. Сейчас, когда отсутствует общая для всех членов общества система нравственно-ценностного ориентирования и основанные на принуждении идеократических институтов власти модели поведения, когда наступила эпоха полноценного автономного человека, когда происходит интенсификация общественного развития в разных сферах, когда разные социокультурные миры приходят в активное взаимодей-

ствие, автор должен позаботиться о наделении текста качествами, обуславливающими его выживаемость, эффективность и конкурентоспособность.

Социокультурный контекст появления теорий, обсуждающих проблемы открытого текста, указывает на актуальность этого качества. Исторический момент формирования теории У. Эко (с конца 1950-х по начало 1970-х гг.) указывает на необходимость новых теорий текста, которые адекватны ситуации интенсификации общественного развития, объясняют законы функционирования новых культурных текстов и принципов их организации. Это предполагает формирование нового типа прагмасемантического поведения, что отражается в структуре и в закономерностях прочтения культурного текста. При каждом акте интерпретации формируется не точная копия смысла конкретного текста, но новый интерпретативный вариант, возможно, не повреждающий его семантического единства и создающий ситуацию выбора. Современные исследования доказывают, что ремейк фильма актуализирует вариативные возможности фильма-оригинала [4]. Эти новые стратегии семантического поведения характерны как для реципиентов культурных текстов, так и для их авторов. Читательские поведение в контексте восприятия открытого текста было удачно описано У. Эко: «Конец текста – это ещё не конечное его состояние, поскольку читателю предлагается совершить свой собственный свободный выбор и переосмыслить весь текст с точки зрения этого конечного решения» [8, с. 65]. Авторы текстов формируют собственные поведенческие модели: «Вместо того чтобы просто принимать “открытость” как неизбежный элемент любой интерпретации художественного произведения, современный художник превращает её в составляющую своего собственного творчества, создавая произведения, в которых изначально заложена максимально возможная “открытость”» [8, с. 88]. В частности, речь идет о новом приеме в художественной культуре, когда коллажирование и рекомбинация цитат из других текстов предстают стилистическим приемом. Такой метод вызывает критику и обвинение в плагиате. Он также актуализирует споры о прочности связей между автором и произведением, моральном и юридическом праве автора на текст после того, как он стал частью культурного багажа

языкового коллектива [13, с. 396–397]. В условиях, когда ремейки и ремиксы являются обычным явлением, поднимаются вопросы о социокультурной природе авторства, об оригинальности и неповторимости текста. При сопоставлении текста и его варианта – песни и её обработанной версии, фильма и его ремейка – возникают дискуссии о семантико-семиотической тождественности и авторстве этих двух текстов.

Открытость не является свойством современных культурных текстов; она была им присуща всегда, но находилась в потенцированном состоянии, была осознана и использована авторами, когда это стало актуально. У. Эко утверждает, что к первым открытым произведениям может быть отнесена архитектура барокко и что открытость литературного произведения впервые осознается и обозначается П. Верленом и Малларме [8, с. 92–94]. Хотя барокко связывается учёным, скорее, не с определённым стилем, а с наличием вариативности.

Специалисты в области средних веков ведут дискуссии о статусе манускриптов и их создателей. Переписываемые от руки тексты отличались высокой вариативностью, поскольку переписчики вносили сознательно исправления, делали ошибки и опiski, дополняли или сокращали тексты. Свобода, проявленная в переписываемом тексте, позволяет некоторым исследователям называть средневековых переписчиков авторами [10], а создаваемые ими работы – отдельными от первоисточника, полноценными авторскими текстами [11]. Дополнительным доводом является утверждение о том, что в то время не существовало современного понимания оригинала и его копии и что границы между ними были весьма условные.

Можно привести примеры из литературы XIX в., когда автор многократно переписывал литературное произведение, неосознанно демонстрируя тем самым тщетность и невозможность достигнуть единственного, эталонного варианта. Ф. Бон в главе «Бодлер не писал “Цветы зла”» приводит в качестве примера произведение выдающегося французского поэта, которое имеет несколько вариантов, так как многократно правилось самим поэтом при жизни из-за спровоцированного его содержанием общественного скандала и корректировалось после его смерти издателями с це-

лью восстановить изначальный авторский замысел. В итоге возникающий вопрос: «Какой вариант считать окончательным, “правильным” и каноничным?» остаётся без ответа, а все попытки редакторов или исследователей найти один единственный правильный вариант тщетными. Таким образом, очередное издание книги «Цветы зла» – ещё один вариант гипотетически единого текста, не отменяющего семантической легитимности предыдущих или последующих вариантов.

Ф. Бон рассматривает книгу как открытую структуру на примере творчества Ф. Кафки, известного своими незаконченными романами и дневниками. Он делает вывод, что при таком подходе всё творчество Ф. Кафки должно рассматриваться с позиций некоего тотального произведения [9, с. 135]. В итоге исследователь делает вывод, что при таком подходе произведение, как и личность автора, – это тёмная масса, где имя автора выступает ориентиром, а произведение является прекращённым, но «незакреплённым» памятником [9, с. 143]. По этой же причине У. Эко напрямую называет произведения Ф. Кафки открытыми [8, с. 95]. Дневники писателя Ф. Бон называет в качестве прообразов современных блогов, живых журналов и других сетевых текстов, производимых пользователями в огромном количестве и по своим интенциям и функциям являющихся незаконченными, открытыми культурными текстами.

Вообще, новые технические возможности, по мнению Ф. Бона, лишь обнажили открытость текста как его неотъемлемое свойство [9, с. 146]. Семантическая нетождественность текста особенно очевидна в условиях убыстряющихся социокультурных перемен. Развитие техники расширяет семиотические и феноменологические возможности смысла быть выраженным: фотография, кино, телевидение, виртуальная реальность и т. д. Историки книги и социологи текста доказывают факт влияния способа оформления текста на восприятие его содержания, на что ранее не обращали внимания учёные. Современные исследователи текста доказали, что способ оформления текста оказывает непосредственное воздействие на построение смысловых связей [12, с. 6]. Воплощение литературного произведения на театральной сцене, в кино или в

мультипликации позволяет трансформировать содержание фильма, наделив его смыслами прямо противоположными авторскому замыслу, что можно наблюдать на примере толстовского романа «Анна Каренина» и всех последующих многочисленных его экранизациях.

Потенциальная незаконченность текста становится художественным приёмом современных писателей, сознательно вносящих коррективы и исправления в произведения. В 1971 г. Ф. Жакоте, современный франко-швейцарский поэт, переиздает ранее написанный и уже изданный в 1969 г. цикл стихотворений под названием «Уроки» (Leçons). В переиздание 1994 г. вносятся существенные правки: меняются пунктуация, отдельные слова и целые предложения, делаются вставки ранее не присутствовавших четверостиший. Автор никаким образом не решает проблему самоидентификации произведения, которое существует одновременно в трёх изданиях и двух вариантах: текст 1969 г. с идентичным переизданием в 1971 г. и его переработка в 1994 г. [14; 15; 16].

Переосмыслению подвергаются не только художественные тексты. Пространства и помещения вовлечены в подобные семантические перевоплощения. Довольно распространённым стал опыт переделки помещений, смена их функционального назначения, когда бывшие фабрики превращаются в жилые дома, заброшенные станции метро в рестораны и бассейны и т. д. Одна из наиболее известных подобных трансформаций – музей Орсе. Здание вокзала, построенное в конце XIX в. и потерявшее прежнее значение, было в 1970–1980-е гг. переделано в национальный музей, который открылся в 1986 г. и стал одним из посещаемых мест Парижа.

Понимание относительной автономности между текстом и реальностью в информационном обществе не является прерогативой только учёных. Неспециалисты могут вполне осознавать это различие. Сегодня специализация жанров и границы между текстами становятся условностью. Обыватель, пусть поверхностно, находится в курсе того, чем занимается современная наука. Он или она в самых общих чертах знает о дискуссиях в философии, теориях происхождения Вселенной, общей теории относительности, проблеме происхождения человека или зарождения

жизни и пр. Этому способствуют система обязательного среднего образования, доступные широкой публике телевизионные программы, обыгрывающие эти темы и требующие хотя бы поверхностных знаний бульварные чтива. Обыватель способен осознавать и обнаруживать хитрости и уловки рекламы. Д. Гэлбрейт назвал такую ситуацию конфликтом между требованием экономической системы подстёгивать потребление средствами, иногда весьма сомнительной, рекламы и увеличением количества людей, обычно имеющих высшее образование и подвергающихся критике методы и орудия (реклама, средства массовой информации, стандарты массовой культуры) управления поведением потребителей [3, с. 419–420].

Таким образом, к концу XX в. формируются представления о культурном тексте, в первую очередь, книге – как семантически нетождественной и семиотически изменяемой структуре. Открытость не является признаком только современных культурных текстов. Научная рефлексия этих отношений находится в контексте длительных социокультурных изменений, эволюции картин мира, становления новых философских направлений, бурного развития техники и т. д. Сомнению подверглись не только возможность стереотипного воспроизведения текста и его смыслов, но и его отношения с реальностью. Наука последовательно осмыслила перечисленные проблемы и способствовала распространению их средствами и институтами массовой культуры, что привело к формированию критического отношения к культурным текстам массовой культуры на уровне обыденного сознания. Потенцированная на предыдущих этапах развития культуры и общества семантическая нетождественность актуализируется в настоящее время во многом благодаря развитию современной техники, расширяющей феноменологические возможности культурных текстов. Сейчас они могут быть напечатаны на бумаге, выставлены в авторском варианте в интернете с иллюстрациями и картинками, разыграны на сцене, озвучены актёрами и ретранслированы по онлайн радио, экранизированы, и трудно вообразить, в какой другой форме предстанет культурный текст в условиях дальнейшего бурного развития техники. Авторы со своей стороны осознанно используют свойства текста как открытой структуры.

Список литературы

1. Витель Е. Б. Художественная культура XX века: от антропоцентризма к новой художественной реальности: монография. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. 293 с.
2. Гренинг С. «Южный Парк»: цинизм и другие постидеологические полумеры // Логос. № 2 (86). 2012. С. 215–233.
3. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. М.: АСТ: Транзиткнига; СПб.: TerraFantastica, 2004. 602 с.
4. Манохин Д. «Олдбой»: семиозис необорочного римейка // Современный дискурс-анализ. Выпуск 10. 2013. Электронный научный журнал. URL: <http://discourseanalysis.org/ada10.pdf> (дата обращения: 02.04.2014).
5. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтики. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
6. Руднев В. П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II. М.: Аграф, 2000. 432 с.
7. Руднев В. П. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. М.: Территория будущего, 2007. 528 с.
8. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
9. Bon F. Après le livre. Paris : Seuil, 2011. 284 p.
10. Canfora L. Le copiste comme auteur. Toulouse: Anacharsis, 2012. 128 p.
11. Cerquiglini Bernard. L'éloge de variante. Paris: Seuil, 1989. 128 p.
12. Chartier Roger. Préface. Textes, Formes, Interprétations // D. F. McKenzie. La bibliographie et la sociologie des exts. Paris: Cercle de la Librairie, 1991. P. 5–18.
13. Diu I., Parinet E. Histoire des auteurs. Paris : Perrin, 2013. 536 p.
14. Jaccottet P. Leçons. Lausanne : Payot, 1969. 36 p.
15. Jaccottet P. Poésie 1946 – 1967. Paris : Gallimard, 1971. 190 p.
16. Jaccottet P. A la lumière d'hiver. Paris : Gallimard, 1994. 170 p.
17. McKenzie D.F. La bibliographie et la sociologie des exts. Paris: Cercle de la Librairie, 1991. 120 p.
18. Vernet M. Comment lire Proust en 2013 ? // *Acta fabula*. Vol. 14, № 2, «Let's Proust again!». Février, 2013. URL: <http://www.fabula.org/revue/document7578.php> (дата обращения: 27.01.2014).

References

1. Vitel' E. B. Khudozhestvennaya kul'tura XX veka: ot antropotsentrizma k novoi khudozhestvennoi real'nosti: monografiya. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2009. 293 s.
2. Grening S. «Yuzhnyi Park»: tsinizm i drugie postideologicheskie polumery // Logos. № 2(86). 2012. S. 215–233.
3. Gelbreit D. Novoe industrial'noe obshchestvo. M.: AST: Tranzitkniga; SPb.: TerraFantastica, 2004. 602 s.
4. Manokhin D. «Oldboi»: semiozis neoborochnogo rimeika // Sovremennyi diskurs-analiz. Vypusk 10. 2013. Elektronnyi nauchnyi zhurnal. URL: <http://discourseanalysis.org/ada10.pdf> (data obrashcheniya: 02.04.2014).
5. Riker P. Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenevtiki. M.: Akademicheskii Proekt, 2008. 695 s.
6. Rudnev V. P. Proch' ot real'nosti: Issledovaniya po filosofii teksta. II. M.: Agraf, 2000. 432 s.
7. Rudnev V. P. Filosofiya yazyka i semiotika bezumiya: Izbrannyye raboty. M.: Territoriya budushchego, 2007. 528 s.
8. Eko U. Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta. SPb.: Simpozium, 2005. 502 s.
9. Bon F. Après le livre. Paris : Seuil, 2011. 284 p.
10. Canfora L. Le copiste comme auteur. Toulouse: Anacharsis, 2012. 128 p.
11. Cerquiglini Bernard. L'éloge de variante. Paris: Seuil, 1989. 128 p.
12. Chartier Roger. Préface. Textes, Formes, Interprétations // D. F. McKenzie. La bibliographie et la sociologie des exts. Paris: Cercle de la Librairie, 1991. P. 5–18.
13. Diu I., Parinet E. Histoire des auteurs. Paris : Perrin, 2013. 536 p.
14. Jaccottet P. Leçons. Lausanne : Payot, 1969. 36 p.
15. Jaccottet P. Poésie 1946 – 1967. Paris : Gallimard, 1971. 190 p.
16. Jaccottet P. A la lumière d'hiver. Paris : Gallimard, 1994. 170 p.
17. McKenzie D.F. La bibliographie et la sociologie des exts. Paris: Cercle de la Librairie, 1991. 120 p.
18. Vernet M. Comment lire Proust en 2013 ? // *Acta fabula*. Vol. 14, № 2, «Let's Proust again!». Février, 2013. URL: <http://www.fabula.org/revue/document7578.php> (дата обращения: 27.01.2014).

Статья поступила в редакцию 10.04.2014

УДК 39 (510)
ББК 63.5-73
ББК Т5-73

Надежда Алексеевна Соловьева
аспирант,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30)
e-mail: nadezd.c@yandex.ru

К вопросу о взаимодействии национальных меньшинств и ханьского этноса в этнокультурном пространстве Западного региона КНР

Статья посвящена исследованию программы освоения большого Запада (Go West) и её влияния на процесс ассимиляции национальных меньшинств ханьцами. Автор статьи уделяет внимание трансформации элементов этнической культуры национальных меньшинств в рамках экономических преобразований программы «Go West». Помимо этого статья затрагивает вопросы этнического характера, являющиеся чрезвычайно актуальными в современном Китае. Важное значение в исследовании уделяется деятельности китайского государства, связанного с национальными меньшинствами Китая: взаимоотношению национальных меньшинств друг с другом, взаимоотношению правительства и национальных меньшинств, взаимоотношению ханьцев с национальными меньшинствами. Взаимоотношения малочисленных народов друг с другом характеризуются как мирным существованием, так и военными столкновениями. Правительство КНР на официальном уровне при помощи программы освоения большого Запада заинтересовано консолидировать население и сохранить целостность китайского государства. Взаимоотношения ханьцев и представителей национальных меньшинств строится по принципу «неделимости» и «взаимного сосуществования».

Автор приходит к выводу, что с помощью программы освоения большого Запада правительство Китая ускоряет процесс ассимиляции национальных меньшинств ханьцами, добиваясь, таким образом, этнической однородности на территории КНР. Кроме того, экономические преобразования в Западных районах способствуют повышению качества жизни национальных меньшинств, улучшению транспортных сетей, открытию производственных фабрик и заводов, что увеличивает количество рабочих мест, крайне необходимое представителям национальных меньшинств. В основе программы освоения большого Запада находится вера в непоколебимую силу экономической модернизации, которая снизит уровень региональной дифференциации.

Ключевые слова: ассимиляция, национальные меньшинства, этническая культура, программа освоения большого Запада, традиционная культура.

Nadezhda Alekseyevna Solovyeva,
Postgraduate Student,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: nadezd.c@yandex.ru

To the Issue of Interaction of Minority and Han Ethnic in the Ethno-Cultural Space of the Western Region of China

The article investigates the development program of large West (Go West) and its impact on the process of assimilation of national minorities Han. The author focuses on the transformation of the elements of ethnic minority cultures within the economic transformation program «Go West». In addition, the article raises questions of an ethnic nature, which are extremely important in today's China. Importance in the study is focused on three areas: the relationship of national minorities with each other, relations between the government and ethnic minorities, the relationship with the Han ethnic minorities. Each of these areas has certain characteristics of an ethnic nature. Indigenous people's relationships with each other, are characterized differently from peaceful coexistence to armed clashes. As for the government of the PRC, it is on an official level with the help of the program of development of large population of the West is interested to consolidate and maintain the integrity of the Chinese state. Relationships between Han and minorities are based on the principle of "indivisibility" and "mutual co-existence".

The author concludes that with the help of large program of development of the West, the Chinese Government accelerates the assimilation of national minorities Han, achieving thus

ethnic homogeneity in China. In addition, the economic transformation in the Western areas contribute to the quality of life of ethnic minorities, improving transport networks, opening manufacturing factories and increase the number of jobs that are essential for national minorities. At the heart of the program there is the development of large West unwavering belief in the power of economic modernization, which will reduce the level of regional differentiation.

Keywords: assimilation, ethnic minorities, ethnic culture, large program of development of the West, traditional culture.

Всё большее значение в Китае приобретают вопросы этнического характера. Казалось бы, 56 официально признанных национальных меньшинств [9, с. 63] не должны вызывать сложности управления у китайского правительства. Однако существует ряд причин, по которым руководство КНР принимает различные меры по устранению проблем, связанных с национальными меньшинствами Китая, и снятию напряжённости среди этнических групп. Начиная со II века до н. э., население Китая отличалось своей этнической неоднородностью [1, с. 77], что, безусловно, порождало конфликты среди народностей.

При этом напряжённые отношения возникали не только между ханьцами и национальными меньшинствами, но и среди малых народностей друг с другом. Например, между народами ли и мяо взаимоотношения носили достаточно «острый характер», иногда даже происходили вооружённые столкновения. Основой конфликтов среди малых народов служили территориальные споры, социальное положение, различный культурный уровень [12, с. 85]. В частности, отношения между национальными меньшинствами западных районов КНР и ханьским населением являются достаточно напряжёнными из-за того, что присоединение к Китаю западных территорий происходило с помощью подчинения коренного населения. В период династии Цин во время завоеваний к народам Запада относились с особой жестокостью. После покорения в 1758 г. Джунгарии местное мужское население было вырезано почти поголовно. На опустошённых землях были созданы военные поселения, куда в массовом порядке стали направлять китайских крестьян и жителей других территорий империи. Военным путём была присоединена и Кашгария [4]. И в последующие годы, освоение Запада проходило в несколько этапов и носило завоевательный характер, главной целью которого было присоединение приграничных территорий.

Постепенно руководству КНР удалось в некоторой степени урегулировать взаимоотношения национальных меньшинств друг с другом. Однако проблема обеспечения мирного сосуществования ханьцев и национальных меньшинств осталась до конца нерешённой.

На сегодняшний день правительством КНР принимаются меры, направленные на консолидацию населения и укрепления позиций в западном регионе. К числу таких мер можно отнести осуществляемую на протяжении нескольких лет руководством Китая «программу освоения большого Запада» (GoWest). В 2013 г. эта программа была качественно переработана, в которой приоритетное направление получило не только улучшение качества жизни населения Западных районов, но и повышение профессиональных навыков местного населения за счёт привлечения квалифицированных сотрудников из числа ханьцев [13].

К западному региону Китая относятся такие провинции, автономные районы и города центрального подчинения, как: Шэньси, Ганьсу, Цинхай, Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Нинся, Синьцзян, Тибет и Чунцин. Площадь региона составляет примерно 71 % (6 850 000 км²) территории всей страны [10, с. 2]. Здесь сосредоточены основные запасы природного газа, калийной соли и других полезных ископаемых. Регион богат энергетическими ресурсами и достаточно обширным растительным миром. Кроме того, в Западном Китае большая концентрация районов компактного проживания национальных меньшинств. Несмотря на то, что западные провинции богаты природными ресурсами, экономически эти районы слабо развиты и являются отстающими.

Эти обстоятельства подтолкнули к активному обсуждению программы развития Запада. В 2000 г. Госсоветом КНР официально был озвучен программный документ, направленный на развитие Запада. Программа рассчитана на 50 лет. За это время предполагается обеспечить среднегодовой

рост ВВП в размере 6 %, что позволит довести ВВП западных районов до 40 трлн юаней [7, с. 42]. Данных показателей правительство планирует достичь за счёт реализации следующих мер: развитие горнодобывающей обрабатывающей промышленности, развитие зон приграничной торговли, переброска на Запад специалистов из высокоразвитых регионов КНР и подготовка собственных специалистов, развитие социальной инфраструктуры, создание университетов.

На совещании руководства КНР и КПК, в 2000 г. было отмечено, что одно из приоритетных направлений программы «GoWest» (идти на Запад) – укрепление социально-политической стабильности среди этнических меньшинств [8, с. 12]. В 2013 г. в «Программу развития большого Запада» были внесены доработки, связанные с кадровым обеспечением освоения Запада, которые имеют большое значение и для национального вопроса [13]. Руководство КНР под предлогом улучшения кадрового состава в западном Китае стало отправлять в национальные районы представителей ханьского населения. По официальной версии, квалифицированные сотрудники разных направлений из числа ханьцев будут способствовать социально-экономическому развитию региона посредством личного трудового вклада и трансляции знаний, навыков, опыта представителям местного населения. Однако наряду с высококвалифицированными сотрудниками руководство КНР стало отправлять и «дешёвую» рабочую силу, тем самым искусственно увеличивая численность населения в пользу ханьцев.

Районы Западного Китая всегда отличались своей этнической неоднородностью, следовательно, правительству КНР достаточно сложно контролировать ситуацию, связанную с обеспечением мирного сосуществования национальностей, проживающих на территории данных районов. Состояние мирного сосуществования усложняется напряжённостью, которая связана с течениями сепаратистского характера (например, у тибетцев, уйгуров). Кроме того, существуют национальные меньшинства, которые практически не вступают в брак с представителями ханьцев, стремясь всячески поддерживать «чистоту» своей нации. Например, хуэйцы по конфессиональной принадлежности – мусульмане, поэтому многие аспекты повседневной культуры напрямую связаны с

вероисповеданием. Ситуации, связанные со смешанными браками, являются большим исключением, представителю ханьского населения необходимо принять ислам, иначе брак не состоится. Правительство КНР в свою очередь заинтересовано как можно быстрее «разбавить» национальные меньшинства ханьцами. Если в отношении хуэйцев этот процесс не удастся осуществить в полной мере, то в отношении других национальных меньшинств руководство Китая имеет преимущественный успех. Так, например, молодое поколение этнических групп: мяо, ли, буи, говорят в основном на путунхуа (единый национальный язык Китая, язык СМИ и ханьцев). Обычаи, традиции у многих народов постепенно утрачивают своё значение. Происходит стирание культурных границ между ханьцами и представителями национальных меньшинств, очевидно, не в пользу последних.

Напряжённость в отношениях между ханьцами и национальными меньшинствами в этнокультурном пространстве западного региона КНР обусловлена и тем, что правительство КНР всегда оказывает поддержку ханьцам как тотемной нации, в то время как некоторые запросы национальных меньшинств оказываются без внимания со стороны правительства. В качестве примера можно привести тот факт, что народ мяо (народ диких кошек) не раз поднимал восстание против Цинской империи, самое активное из которых длилось 18 лет. В 1912 г. в нескольких деревнях Сянси мяо восстали против наместников, восстание было жестоко подавлено. После восстания в течение месяца продолжались казни восставших. Любого человека из народа мяо, который вызывал подозрение, задерживали и прилюдно казнили. Количество казней среди населения мяо иногда доходило до ста человек в день. Тела убитых, отрубленные человеческие головы не убирали, оставляли на обозрение другим в назидание. В 1976 г. более 70 тыс. мяо мигрировали на юг Китая и на север Тайланда [5]. Позднее китайские власти призывали мяо вернуться, обещая дать им землю. Мяо выдвинули встречное требование, по которому их традиции, обычаи, культурные ценности должны остаться неизменными без вмешательства государственной власти. Данную ситуацию до сих пор не удалось урегулировать до конца. Правительство не поддерживает сепаратистские движения, не способствует само-

определению народов, входящих в состав КНР. Кроме того, яростная и агрессивная борьба народа за сохранение своей самобытности и культурной идентичности зачастую воспринимается не как естественный процесс, а как проявление сепаратистских настроений и потому правительством не поддерживается и осуждается.

Быстрый экономический рост китайского государства способствовал становлению новой системы управления национальным вопросом. Трансформация взглядов руководства КНР была инициирована вызовами модернизационного развития государства. Основная проблема, с которой столкнулись власти КНР – это экономическая, транспортная, производственная отсталость Западного региона. Пекин, Шанхай и другие развивающиеся города несравнимы с городами западных провинций по экономическим показателям. Например, быстрые темпы технического роста способствовали модернизации транспортных сетей в крупных городах КНР, появились новые линии метро в Шанхае, скоростные поезда на территории Китая. Однако в сравнение с западными районами, это колоссальный разрыв. Многие китайские народы ва, мяо, джи, ли проживали изолированно из-за природной особенности рельефа, проезд между долинами был сложен. Именно поэтому многие этнические группы мяо развивались независимо друг от друга, что способствовало появлению уникальных элементов традиционной культуры. Например, одни мяо славятся своим мастерством красивой вышивки, другие изготовлением изящных украшений и головных уборов, мяо джи отличаются искусством росписи батика.

Некоторые народы западных районов до сих пор проживают в рамках традиционного уклада жизни. Например, народ мосо всё ещё сохраняет устой матриархального общества, который господствовал более 10 тыс. лет назад. Многие народы, такие как цян, ляху, хани продолжают пользоваться подсечно-огневым методом земледелия. Эта модель производства была распространена в эпоху неолита, около 6 тыс. лет назад. В 2006 г. в провинции Хунань 61 % населения проживает в сельской местности, а 54 % приходится на занятость населения в сельском хозяйстве [3, с. 25].

Таким образом, наблюдается колоссальный разрыв между регионами, который необходимо, если не устранить, то попы-

таться сгладить. Начиная с 2000 г. Пекин выдвигает различные проекты и программы, направленные на развитие ускорения Запада. К ним можно отнести «План 31», программу «10 000 предприятий уходят на Запад», «План 15» и т. д.

С 2000 по 2009 г. было реализовано 120 проектов. Китай очень умело использует опыт других стран: Японии, Южной Кореи, Сингапура, которые реализовали стратегию так называемых «летающих гусей» [2]. Основная идея этой стратегии заключается в перенесении технологий и производственной базы из развитых стран в развивающиеся страны.

Несмотря на финансовый кризис в 2008 г., реализация программы «GoWest» не была приостановлена. За последнее десятилетие правительство КНР достигло колоссальных успехов по реализации программы. В первую очередь улучшилась транспортная и энергетическая инфраструктура западных регионов КНР. Например, был реализован крупный и сложный проект по строительству железной дороги, путь которой проходит через высокогорья и соединяет Цинхай и Тибет. Не следует забывать о второй ветке Западно-Восточного газопровода, которая соединяет СУАР с другими провинциями.

С 2010 по 2013 г. на строительство 30 000 км сельских автодорог в Синьцзяне потратили 17,8 млрд юаней. Дорожная сеть охватила 2 574 сёл, а также 167 волостей и посёлков, в которых проживают 4,76 млн крестьян. К концу 2013 г. общая протяжённость автодорог в селах региона достигла 111 600 км. В Синьцзяне построено более 2 700 км скоростных автодорог [6]. Это говорит о том, что за последнее десятилетие Китай достиг невероятных успехов в улучшении транспортных, энергетических, экономических связей в западном регионе. Однако вопросы этнического характера всё ещё остаются открытыми.

Масштабные изменения повлекли за собой изменение повседневной жизни национальных меньшинств. Произошёл переход от традиционного жилища к современным домам, ускорился процесс урбанизации, для представителей национальных меньшинств созданы «Университеты национальностей». Однако социально-экономический прогресс имеет и обратную сторону, он не только способствует трансформации, но и исчезновению этнической культуры националь-

ных меньшинств западных регионов КНР. Все программы, направленные на улучшение экономических показателей в западных районах, параллельно направлены и на ассимиляцию ханьцами национальных меньшинств. Большой приток ханьцев в западные районы способствует ускорению процесса ассимиляции. Появляется процент смешанных браков среди ханьцев и национальных меньшинств. В рамках государственной безопасности, китайскому руководству выгодно как можно быстрее ускорить процесс ассимиляции и консолидации населения Китая. Даже в официально провозглашенных проектах и планах употребляется термин единый китайский народ.

Например, в докладе о развитии районов проживания национальных меньшинств за 2004 г. активно упоминается «План 15» – это общий план по улучшению качества жизни китайского народа [14]. При этом «План 15» не содержит термина «национальные меньшинства». В рамках плана используется понятие «единый китайский народ», т. е. не предполагается разделение китайского этноса на национальности. Таким образом, внимание уделяется не только увеличению экономических показателей в западных районах, но и созданию единой гражданской нации. Что касается полиэтничности в этих районах, то правительство стремится добиться относительной этнической однородности населения за счёт привлечения представителей ханьского населения, что существенно облегчит управление.

Безусловно, фактически этническая культура национальных меньшинств не может исчезнуть бесследно, а ассимиляция не способна быть настолько масштабной. На территории Китая ещё остались народы, которые проживают в соответствии с традиционным укладом, до них ещё не дошли в полной мере различные средства связи: интернет, мобильная связь и т. д. Их жизнь протекает в непрерывной связи с природой. Традиции и обычаи влияют на повседневную жизнь и являются важной составляющей этнической культуры. Несмотря на то, что аспекты традиционной культуры малочисленных народов контролируются правительством Китая, всё же некоторые обычаи и традиции, ментальные особенности национальных меньшинств сохраняются до сих пор.

Конфликты, которые возникают между правительством и национальными меньшинствами, не носят в чистом виде этниче-

ский характер, скорее – экономический и политический. Основой конфликтов является «обида», чувство негодования от недобросовестного управления ханьцами западных территорий, неравенство в доходах, борьба за рабочие места. Западные районы богаты ресурсами, которые приносят немалый доход китайской экономике, но качество жизни коренных народов от этого не становится лучше. С притоком ханьского населения в западные районы, процент конкуренции за рабочие места увеличился и при приёме на работу предпочтение отдаётся представителям ханьского населения.

Процесс конкуренции с ханьцами, в свою очередь, закрепляет многие народы за своим традиционным занятием. Например, хуэйцы традиционно славились своей необычайной кухней. На сегодняшний день, в современном Китае многие хуэйцы открывают кафе в различных провинциях КНР в основном на юге, юго-западе страны. Это своего рода семейный бизнес, в котором участвуют несколько семей. Активно развивается рынок изделий этнического характера. В этом случае программа «GoWest» способствовала расширению продаж и расширению потребительского рынка. Достигнуто это было в первую очередь благодаря появлению транспортных сетей и созданию фабрик по производству одежды и другой продукции в западных районах. С помощью известной сети «таобао» компании работают на мировой рынок. Развитие туризма в западных районах так же приносит доход местному населению. Создание рабочих мест, пусть не в полную силу, но всё же частично обеспечивает представителей национальных меньшинств рабочими местами.

Традиционный уклад жизни национальных меньшинств стремительно меняется. Некоторые элементы этнической культуры трансформируются, но ментальные особенности остаются неизменными. Значимые календарные праздники национальных меньшинств стремятся отмечать в соответствии с историческими традициями и обычаями своего народа.

Однако правительство КНР стремится прививать восприятие «неотделимости» национальных меньшинств от ханьцев, а ханьцев от национальных меньшинств, тем самым формируя «единую гражданскую нацию» (чжунхуа миньцзу). Одним из аспектов формирования «единой нации» является формирование корректных отношений меж-

ду различными национальностями. Отношение ханьцев к национальным меньшинствам раскрывается через праздничные ритуалы, кинематограф. Например, во время проведения праздника цветов, народ мяо проводит шуточную борьбу между ханьцами и мяо. Когда происходит перетягивание каната мяо и ханьцы находятся на противоположных сторонах, стараясь перетянуть канат в свою сторону. Такого рода шуточная борьба отражает стереотипное восприятие и отношение мяо к ханьцам, намекает на различие и некую конкуренцию между народностями, однако в итоге всё равно побеждает дружба, олицетворяющая единство.

В основе программы GoWest находится непоколебимая вера в преобразующую силу экономической модернизации, что в некоторой степени, по мнению руководства КНР, устранил проблемы этнического характера. Подводя итоги, можно прийти к следующим заключениям.

Политика закрепления западных районов обоснована экономическим ростом и созданием могущественного государства, что способствует ассимиляции национальных меньшинств ханьцами.

Опираясь на данные зарубежных исследований [11, с. 14], можно прийти к выводу, что по сравнению с ханьским населением национальные меньшинства находятся в наименее благоприятном положении. Степень удовлетворённости уровнем жизни в среде национальных меньшинств гораздо ниже, чем среди ханьцев.

Ханьцы по отношению к национальным меньшинствам испытывают чувство неотделимости. При этом западные районы для ханьцев – это перспективное экономическое будущее. В этнокультурном аспекте ханьцы не являются противниками этнического плюрализма, но при этом являются сторонниками концепции «единый Китай, единый народ, единая нация».

Список литературы

1. Булдакова В. Г. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 77–81.
2. Зотов А. Курс на запад. URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/6066/> (дата обращения: 21.01.2014).
3. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ., под общ. ред. Н. И. Лапина, Г. А. Тосунян. М., 2011. 256 с.
4. Подьяпольский С. А. Целостность китайского государства. URL: <http://podyapolsky.info/node/30> (дата обращения: 11.02.2014).
5. Попова З. В. Отображение межкультурных различий и конфликтов между китайцами и народом мяо в творчестве китайского писателя Шэнь Цунвэня (1902–1988). URL: <http://elib.org.ua/philosophy> (дата обращения: 11.02.2014).
6. Строительство автодорог в Синьцзяне. URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics>. (дата обращения: 7.03.2014).
7. Ушакова Е. GoWestкитайским акцентом // «РЖД – Партнер». 2009. № 18 (166). С. 42–44.
8. Шорохов В. Б. Освоение западных районов КНР // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2001. № 1. С. 12–24.
9. Keith Dede. Ethnic minorities in China: The Mongols, Tibetans, Manchus, and Naxi // Traces of Identity: Reflecting Diversity Through language and writing. 2009. P. 63–67.
10. Feiyue Wang, Yongxin Quan, John Henning. Finance in China's Western Region Development Plan. Canadian Society for Ecological Economics (CANSEE) Conference, August 25, 2001, Montreal, Canada. P.1–13.
11. ShanWei, Chen Gang. The Urumqi Riots and China's Ethnic Policy in Xinjiang / East Asian Policy. 2009. Vol. 1, No. 3. P. 14–22.
12. 用料上研究所有乡镇海南苗族自治县, 以及是否. 人民日报出版社. / Избранные материалы исследования всех волостей Хайнаньского автономного округа народности мяо и ли. Издательство ежедневной народной газеты. 1954. 110 с.
13. 2013年东部城市对口支援西部地区人才培养计划的通知/ План поддержки городами Востока подготовки специалистов для Запада 2013 г. URL: http://www.gov.cn/zw/gk/2013-01/15/content_2312647.htm (дата обращения: 18.12.2013).
14. 中国少数民族地区发展报告. / Доклад о развитии районов проживания национальных меньшинств. URL: <http://baike.baidu.com/view/5997731.htm> (дата обращения: 20.02.2014).

References

1. Buldakova V. G. Natsional'naya politika KNR v otnoshenii malochislennykh narodov // Rossiya i ATR. 2006. № 4. S. 77–81.
2. Zotov A. Kurs na zapad. URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/6066/> (data obrashcheniya: 21.01.2014).
3. Obzornyi doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010) / per. s ang., pod obshch. red. N. I. Lapina, G. A. Tosunyan. M., 2011. 256 s.
4. Pod"yapol'skii S. A. Tselostnost' kitaiskogo gosudarstva. URL: <http://podyapolsky.info/node/30> (data obrashcheniya: 11.02.2014).
5. Popova Z. V. Otobrazhenie mezhkul'turnykh razlichii i konfliktov mezhdru kitaitсами i narodom myao v tvorchestve kitaiskogo pisatelya Shen' Tsunvenya (1902–1988). URL: <http://elib.org.ua/philosophy> (data obrashcheniya: 11.02.2014).
6. Stroitel'stvo avtodorog v Sin'tszyane. URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics>. (data obrashcheniya: 7.03.2014).
7. Ushakova E. GoWestkitaiskim aktsentom // «RZhD – Partner». 2009. № 18 (166). S. 42–44.
8. Shorokhov V. B. Osvoenie zapadnykh raionov KNR // Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii. 2001. № 1. S. 12–24.
9. Keith Dede. Ethnic minorities in China: The Mongols, Tibetans, Manchus, and Naxi // Traces of Identity: Reflecting Diversity Through language and writing. 2009. P. 63–67.
10. Feiyue Wang, Yongxin Quan, John Henning. Finance in China's Western Region Development Plan. Canadian Society for Ecological Economics (CANSEE) Conference, August 25, 2001, Montreal, Canada. P.1–13.
11. ShanWei, Chen Gang. The Urumqi Riots and China's Ethnic Policy in Xinjiang / East Asian-Policy. 2009. Vol. 1, No. 3. P. 14–22.
12. 用料上研究所有乡镇海南苗族自治县, 以及是否.人民日报出版社. / Izbrannye materialy issledovaniya vseh volostei Khainan'skogo avtonomnogo okruga narodnosti myao i li. Izdatel'stvo ezhednevnoi narodnoi gazety. 1954. 110 s.
13. 2013年东部城市对口支援西部地区人才培养计划的通知/ Plan podderzhki gorodami Vostoka podgotovki spetsialistov dlya Zapada 2013 g. URL: http://www.gov.cn/zwggk/2013-01/15/content_2312647.htm (data obrashcheniya: 18.12.2013).
14. 中国少数民族地区发展报告. / Doklad o razvitii raionov prozhivaniya natsional'nykh men'shinstv. URL: <http://baike.baidu.com/view/5997731.htm> (data obrashcheniya: 20.02.2014).

Статья поступила в редакцию 18.03.2014

**ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ,
ПУБЛИКУЕМЫМ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«Ученые записки ЗабГУ»**

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

<i>Жанр</i>	<i>Минимальный объём</i>
статья (<i>теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором</i>)	0, 5 п. л. (<i>20 000 знаков</i>)
научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (<i>12 000 знаков</i>)
научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (<i>8 000 знаков</i>)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

Печатный и электронный вариант статьи на CD и других носителях. В имени файла и на электронном носителе указывается фамилия автора и название статьи. Печатный вариант статьи обязателен (белая бумага, формат А 4). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.

Договор на оказание услуг – в 2 экземплярах.

Рецензия на статью – внешний отзыв, заверенный печатью.

Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, **если автор статьи – аспирант, соискатель учёной степени кандидата наук.**

Личная карточка автора – сведения об авторе /авторах.

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки (рубрика журнала)

Код: УДК и ББК

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 4.

Город

Страна

Название статьи приводится на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация (объём – не менее 200 слов) – на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники.

Список литературы даётся в алфавитном порядке, со сквозной нумерацией. Если в список входит литература на иностранных языках, она следует за литературой на русском языке.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Общие требования: формат А 4, ориентация книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2; левое и правое – 2,5. Шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный. Отступ первой строки – 1,25. Текст без переносов, выравнивание по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи **ОБЯЗАТЕЛЬНО** представить их в редакцию.

Статья должна быть со сквозной нумерацией. **На последней странице указывается**, что «статья публикуется впервые», ставится дата и подпись.

Рабочие языки: русский и английский.

Библиография оформляется согласно ГОСТу Р. 7.0.5 – 2008. Для каждого источника обязательно указывается изд-во, общее количество страниц или номера страниц интересующего материала источника.

В тексте **ссылки** приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Комментарии и пояснения даются в виде концевых сносок (в конце текста). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация сплошная.

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения:

Слова на латинице набираются курсивом.

Единицы измерения отбиваются от символов и цифр, к которым они относятся.

Делать чёткое различие О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и») и т. д. Необходимо различать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращённо (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Чёрно-белые рисунки (графики, диаграммы – формат Excell, схемы, карты, фотографии) со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо (например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора/авторов и названия статьи. Размер рисунка 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисовочные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Материалы публикуются в авторской редакции. За точность содержания цитат и ссылок ответственность несут авторы.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, **отсылается по адресу:**

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129, Забайкальский государственный университет, для «Редакции научных журналов ЗабГУ».

Вёрстка И. Н. Аргуновой
Дизайн обложки М. Р. Коптеловой
Редактор перевода
А. С. Атрощенко

Подписано в печать 13.09.2014
Формат 60×84¹/₈.
Гарнитура «Arial».
Способ печати оперативный
Усл.-печ. л. 20,6. Усл.-изд. л. 14,8.
Заказ № 17814. Тираж 1000 экз.

Забайкальский государственный
университет
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

Make-up I. N. Argunova
Cover design M. R. Koptelova
Editor of the English Translator
A. S. Atroshchenko

Signed to print 13.09.2014
Format 60×84¹/₈.
Headset «Arial»
Operative printing
Conv. quires 20,6. Ed.-print quires 14,8.
Order № 17814. Circulation 1000 copies.

Zabaikalsky State
University
672039, Chita, 30 Aleksandro-Zavodskaya St.